

11

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
С С С Р

1974

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Первый народный комиссар юстиции Советского государства Дмитрий Иванович Курский (читайте статью «Верный помощник Ленина»).

Репродукция с портрета художника И. И. БРОДСКОГО.

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
СССР

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница: бригадир слесарей-сборщиков Московского станкостроительного завода им. С. Орджоникидзе Герой Социалистического Труда В. Г. Комаров — опытный наставник молодежи. Он дружинник, член парткома завода и кандидат в члены МГК КПСС. На снимке: В. Г. Комаров и молодой рабочий комсомолец М. Степаненко.

Фото В. ЗИМИНА.

11	НОЯБРЬ
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА	
(47)	1974 год

В НОМЕРЕ

Стр.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Основы советского государства и права

Н. Фарберов. Конституционные права и обязанности граждан СССР 3

Н. Расков. Правовые основы производственного объединения 12

Б. Корсаков. Юридическая служба на селе 20

Время. Законы. Люди

П. Седугин, Л. Стешенко. Верный помощник Ленина 26

Книжная хроника 32

Владимир Чванов. Прием — с половины пятого... 33

Представляем юридические журналы

«Бюллетень Верховного Суда СССР», «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР» 50

СОБЕСЕДНИК 52

Информация 73

**БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ
НА СКОЛЬЗКОЙ ДОРОГЕ!**

**Раздумья писателя
Аркадий и Георгий Вай-
неры. Поможем им всем...** 74

**К. Ряховская. За судей-
ским столом. Записки
судьи** 83

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ 94

**А. Васильев. Клочок га-
зеты. Записки следова-
теля прокуратуры** 102

**Гюнтер Продль. «Глав-
ный психолог»** 116

ИМЕНЕМ САТИРЫ 136

Главный редактор С. А. ВЫСОЦКИЙ

Редакционная коллегия: Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПА-
ТОВ, М. П. МАЛЯРОВ, Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь),
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ, П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель
главного редактора), А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА

Корректоры Т. И. НИЗАМОВА, А. В. ЕЛИЗАРОВА

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы
271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем и кон-
сультаций 271-11-20, международной и внутренней информации
271-08-63.

Сдано в набор 27/VIII-74 г. Подписано в печать 10/X-74 г. А08144. Фор-
мат 81 × 108^{1/2}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд.
л. 9,60. Заказ 1658. Тираж 3 040 000 экз. (1 й завод — 1 500 000 экз.).
Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ОСНОВЫ советского
государства и права**

Н. ФАРБЕРОВ,
заслуженный деятель
науки РСФСР,
доктор юридических наук

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН СССР

ыншишка соседей первого сентября отправился учиться в школу.

Сереза из второго подъезда поступил работать на завод.

Его товарищ, который на год старше, призван в ряды Советской Армии

Пожилой гражданин, что живет на первом этаже, вышел на пенсию.

Каждое из этих вроде бы привычных событий имеет правовое значение. Сыншишка соседей воспользовался правом на образование, Сереза — правом на труд, а пожилой гражданин с первого этажа — правом на пенсионное обеспечение. Товарищ Серези стал вы-

полнять возложенную на него обязанность — служить в рядах Советской Армии. Кстати, сам Сережа, воспользовавшись правом на труд, одновременно стал исполнять и одну из основных обязанностей гражданина СССР — трудиться.

Все вышеназванные права и обязанности, а также ряд других прав, свобод и обязанностей законодательно закреплены в Конституции СССР.

При социализме благо и интересы человека есть цель организованных усилий общества и государства. Каждому из советских граждан предоставлены широкие конституционные права и свободы. Любо́й из нас может получить гарантированную работу. Труд оплачивается в соответствии с его количеством и качеством. После работы мы вправе использовать свободное время для здорового и культурного отдыха. Мы бесплатно пользуемся медицинской помощью. Нам предоставлена возможность принимать активное участие в управлении делами общества и государства. Именно в обеспечении такого «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества» В. И. Ленин усматривал цель социализма.

Социальная ценность конституционных прав и свобод заключается в том, что они реальны, что существуют средства и гарантии, которые надежно их обеспечивают. Их экономической гарантией является утвердившаяся в нашей стране социалистическая система хозяйства с ее непрерывным и планомерным ростом производительных сил, всего общественного производства, увеличением богатства страны на основе использования достижений науки и техники. Все более полно и всесторонне удовлетворяются потребности человека. Ныне в нашей стране около трех четвертей всего национального дохода используется на потребление, на обеспечение конституционных прав граждан.

Права и свободы советских граждан обеспечены и юридическими гарантиями. Конституция СССР и конституции союзных и автономных республик, закрепляющие общие принципы советского общественного и государственного строя, конституционные нормы, обязывают правительства СССР, союзных и автономных республик, местные Советы депутатов трудящихся принимать меры по охране прав граждан. Важные функции по охране прав граждан осуществляют суды, органы юстиции, прокуратуры и министерства внутренних дел, защищающие личные, имущественные права и законные интересы граждан от всяких посягательств и каких-либо нарушений.

Ярким выражением социалистического демократизма является то, что предписания советских законов распространяются на всех

советских граждан независимо от пола, национальности, партийной принадлежности, религиозных убеждений, социальной принадлежности, имущественного положения, прошлой деятельности. Речь идет о равноправии во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, недопустимости каких-либо привилегий для одних и ограничений для других граждан.

«Подлинный демократизм пронизывает все сферы нашего общества, эффективно обеспечивает как интересы и права всего народа, так и интересы и права каждого гражданина. И главным носителем принципов социалистической демократии, гарантом ее успешного поступательного развития выступает наша ленинская партия», — подчеркивал Л. И. Брежнев в выступлении на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 14 июня 1974 года.

На первое место Советская Конституция выдвигает социально-экономические и культурные права граждан — право на труд, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, право на образование.

Право на труд. Это одно из великих завоеваний социализма. В нашей стране везде нужны рабочие руки. И едет молодежь на Байкало-Амурскую магистраль, выращивать хлеб на целинных землях. Приглашают заводы, фабрики приходите к нам — у нас вы найдете себе дело по душе. Да, именно по душе. Ведь право на труд прежде всего означает, что каждый из нас имеет полную возможность выбрать себе занятие по душе, наиболее полно отвечающее наклонностям и способностям. Советские люди уже давно избавлены от безработицы и не знают тягот этого социального несчастья. Между тем в развитых капиталистических странах и в наши дни насчитывается около одиннадцати миллионов безработных. А ведь отсутствие возможности трудиться, приложить к чему-либо свои силы и знания — самая страшная трагедия для человека. При таком положении все другие права и свободы становятся мало-содержательными, в какие бы красивые фразы они ни облекались.

Конституция СССР, предоставляя право на труд, законодательно закрепляет и справедливый принцип оплаты труда: в соответствии с его количеством и качеством. При этом по мере роста социалистического производства и повышения его эффективности постоянно возрастает оплата труда. Так, за первые три года девятой пятилетки заработная плата была повышена 31 миллиону человек, то есть каждому третьему рабочему и служащему. Оплата труда колхозников увеличилась на 25 процентов. В 1973 году среднемесяч-

ная заработная плата с добавлением выплат и льгот из общественных фондов потребления составила 182 рубля против 164 рублей в 1970 году и 129 рублей в 1965 году.

Право на труд в нашей стране неразрывно связано с обязанностью трудиться. В статье 12 Конституции СССР записано: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

Советские граждане, как правило, сознательно относятся к своим трудовым обязанностям. Об этом, например, свидетельствуют высокие обязательства по повышению производительности труда в четвертом, определяющем году пятилетки, увеличению выпуска и улучшению качества продукции, принятые многими коллективами и передовиками производства.

Однако в нашем обществе есть еще отдельные лица, которые стараются уклониться от общественного труда. В борьбе с ними широко используются меры убеждения, воспитания, а к наиболее злостным нарушителям конституционной обязанности трудиться принимаются меры государственного принуждения. И это справедливо. В социалистическом обществе не должно быть снисхождения к тунеядцам.

Трудиться по способностям, добросовестно и высокопроизводительно — закон нашей жизни, решающий фактор развития социалистической экономики. Чем производительней наш труд, тем богаче наше общество, тем зажиточнее становится каждый трудящийся. Все, что в нашем обществе создается трудом народа, его пытливым умом и творческим усилением, принадлежит самому народу.

Право на отдых. Им пользуются все труженники нашей страны. Для большинства рабочих и служащих установлена пятидневная неделя с двумя выходными днями. Причем нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 41 часа в неделю. У тех, кто работает на участках с вредными условиями труда, продолжительность рабочего времени не должна превышать 36 часов в неделю. Каждый рабочий и служащий имеет право на ежегодный отпуск с сохранением заработной платы. Для обслуживания трудящихся создана широкая сеть санаториев и домов отдыха. В 1973 году в санаторно-курортных учреждениях и на туристских базах нашей страны лечилось и отдыхало более 31 миллиона трудящихся и членов их семей.

Право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Гражданам СССР это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской по-

мощью трудящимся, предоставлением в их пользование широкой сети курортов. Многомиллионным бюджетом государственного страхования управляют профсоюзы — массовая организация трудящихся.

В СССР установлены самые высокие в мире нормы обеспечения рабочих и служащих пособиями по временной нетрудоспособности — до 100 процентов заработка.

С 1964 года установлено государственное социальное обеспечение колхозников. Пенсии и пособия им выплачиваются из союзного фонда социального обеспечения колхозников, созданного за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований по государственному бюджету.

Важные меры по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения рабочих, служащих и колхозников предусмотрены в девятом пятилетнем плане. Некоторые из них уже осуществлены: повышен минимальный размер пенсий, на колхозников распространен порядок исчисления пенсий, установленный для рабочих и служащих.

Право на образование, причем бесплатное, имеют все граждане СССР. У нас в стране действует обширная сеть средних, профессионально-технических, средних специальных и высших (включая вечерние и заочные) учебных заведений. Гражданам различных национальностей предоставлена возможность обучения в школе на родном языке. Студентам учебных заведений выплачивается государственная стипендия.

Советский Союз ныне — страна сплошной грамотности. Свыше 60 миллионов человек — почти четверть населения страны — имеют высшее и законченное среднее образование. Почти каждый третий человек учится — в школе, техникуме, профессионально-техническом училище или вузе. В 1973 году различными видами обучения было охвачено около 81 миллиона человек. Девятым пятилетним планом предусмотрено завершение перехода ко всеобщему обязательному среднему образованию молодежи.

Благодаря огромным успехам нашей страны в области просвещения советский народ сегодня справедливо называется одним из самых образованных народов в мире. Оправдались вдохновенные слова великого сына русского народа В. Г. Белинского: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию.. стоящую во главе образованного мира и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Конституция СССР предоставляет советским людям политические свободы — **право избирать и быть избранным в представительные**

государственные органы; свободу слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций; право объединения в общественные организации. С выборами в СССР связано непосредственное волеизъявление трудящихся по коренным направлениям жизни общества и государства. В периоды избирательных кампаний они широко обсуждают вопросы внутренней и внешней политики, подводят итоги деятельности органов государственной власти и депутатов за истекшее время, по-хозяйски отмечают недостатки в деятельности государственного аппарата, в своих наказах депутатам намечают планы на будущее.

Избирательные кампании в социалистическом обществе представляют собой демонстрацию политического творчества и активности масс.

На состоявшихся 16 июня 1974 года выборах в Верховный Совет СССР в голосовании приняли участие 99,98 процента избирателей, из которых за кандидатов в депутаты Совета Союза голосовали 99,79 процента, а за кандидатов в депутаты Совета Национальностей — 99,85 процента. Среди избранных депутатов более половины рабочих и колхозников, 18,4 процента составляет молодежь в возрасте до 30 лет.

Выборы вновь продемонстрировали подлинно народную сущность социалистической демократии, монолитное единство и сплоченность советских людей вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета, их решимость и впредь самоотверженно бороться за осуществление величественных планов коммунистического строительства.

Реальность таких свобод, как свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, обеспечивается тем, что материальные средства, необходимые для фактического их осуществления: газеты, бумага, типографии, общественные здания, средства связи, — представляют собой общественное достояние.

Политические свободы в СССР, призванные служить интересам трудящихся, обеспечивать их право «распоряжаться своими общенародными... делами» (В. И. Ленин), имеют целью укрепление социалистического строя. Поэтому вполне понятно, что они не могут быть использованы в целях подрыва или ослабления Советской власти. Например, у нас в стране не допускаются уличные шествия и демонстрации, которые дезорганизуют общественный порядок, наносят вред интересам народа и противоречат тем целям, во имя которых Советская Конституция гарантирует гражданам политические свободы.

В соответствии с Конституцией СССР гражданам предоставлено право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, молодежные организации, спортивные организации, культурные, технические и научные общества. В статье 126 Конституции СССР подчеркивается, что наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

В системе прав и свобод, предусмотримых Конституцией СССР, видное место принадлежит личным свободам, к которым относятся: неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки, свобода совести.

Арест гражданина допускается лишь по постановлению суда или с санкции прокурора. Должностные лица, допустившие заведомо незаконный арест, привлекаются к уголовной ответственности. Установлена уголовная ответственность и за незаконный обыск, незаконное выселение и иные незаконные действия, нарушающие неприкосновенность жилища граждан, а также за нарушение тайны переписки.

Свобода совести, которая означает право граждан исповедовать любую религию либо не придерживаться никакой религии и вести антирелигиозную пропаганду, гарантируется в СССР отделением церкви от государства и школы от церкви.

Широкие права и свободы, предоставленные гражданам СССР, неотделимы от обязанностей, которые должны неукоснительно исполняться. Эту особенность — единство прав и обязанностей — мы уже отмечали, когда говорили о праве на труд и обязанности трудиться. Какие же еще существуют конституционные обязанности советских граждан?

Прежде всего каждый гражданин Советского Союза обязан соблюдать Конституцию, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

Взаимоотношения между гражданами и государством находят выражение не только в правах, но и в возложении как на государство, так и на граждан обязанностей. Поэтому не может быть прав без обязанностей и обязанностей без прав.

Последовательное укрепление государственной и производственной дисциплины, упрочение социалистического правопорядка и законности — это важнейшие условия успешного решения задач, стоящих перед советским обществом. «Говоря об укреплении социалистической законности,— отмечал Л. И. Брежнев,— мы имеем в виду две стороны дела. Во-первых, строжайшую охрану прав граждан, недопущение каких бы то ни было проявлений произвола, в том числе со стороны должностных лиц. Во-вторых, мы имеем в виду строжайшее соблюдение советских законов, правил общественного порядка всеми гражданами».

Конституция СССР обязывает не только исполнять законы, но и уважать правила социалистического общежития — то есть общепризнанные нормы поведения членов социалистического общества в общественной жизни и в быту. К сожалению, приходится еще сталкиваться с наносящими большой вред государству чуждыми социализму явлениями, как расхлябанность, недисциплинированность, эгоизм, стяжательство, пьянство. Партия обращает внимание нашего общества на эти отрицательные явления, призывает к решительной борьбе за их преодоление, используя всю силу общественного мнения.

Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность. Укреплять социалистическую собственность — это значит заботиться о том, чтобы народное добро росло и множилось, чтобы охранялись и разумно использовались природные ресурсы. Долг каждого советского гражданина — не мириться с фактами разбазаривания и порчи материальных ценностей, попытками отдельных лиц поживиться за счет общества и государства.

Общественная, социалистическая собственность провозглашается нашей Конституцией священной и неприкосновенной основой советского строя. Ибо она — основная база нашей экономики, источник могущества Родины, источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

В Конституции СССР предусмотрена еще одна обязанность, выполнение которой является священным долгом каждого гражданина нашей страны,— это **защита Отечества**. Наш народ бдительно стоит на страже завоеваний Великого Октября. О том, сколь мужественно и самоотверженно советские люди выполняли этот конституционный долг, свидетельствуют примеры героизма, проявленного десятками миллионов советских граждан в годы Великой Отечественной войны. Продолжая славные традиции героев, воины сегодняшних дней охраняют рубежи нашего Отечества, неустанно повы-

шают свою боевую выучку. Они готовы в любую минуту выступить и отразить проник врага. В нашей стране принят Закон о всеобщей воинской обязанности. Согласно этому закону все мужчины — граждане СССР, достигшие 18 лет, обязаны проходить действительную военную службу в рядах Вооруженных Сил СССР. До призыва юноши проходят начальную военную подготовку в различных спортивных обществах, в Добровольном обществе содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ). После того как объявлен приказ о призыве на действительную военную службу, призывник обязан немедленно явиться в военкомат и представить необходимые документы. Уважительной причиной неявки может быть только болезнь или стихийное бедствие.

Воинская служба в Вооруженных Силах СССР является почетной обязанностью гражданина СССР.

Советские люди пользуются великими правами и в то же время несут обязанности, предусмотренные Конституцией СССР. Социалистический демократизм предъявляет высокие требования к советским гражданам — требования, воплощенные в нравственных и правовых нормах.

Соблюдение правовых норм, установленных в нашем обществе, способствует высокой организованности и целеустремленности, упрочению единства воли советских людей, а вместе с тем совершенствованию и развитию прав, свобод и обязанностей граждан, что, в свою очередь, позволяет ускорять экономическое и социальное развитие, быстрее и эффективнее добиваться решения задач коммунистического строительства.

ЛИТЕРАТУРА

Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. Изд-во Московского университета, М., 1972.

Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. «Юридическая литература», М., 1968.

Шахназаров Г. Х. Социалистическая демократия. Политиздат. М., 1972.

Н. РАСКОВ,

заведующий отделом научных исследований отраслевых нормативных актов и правовой информации НИИНавтопром

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Поворя о необходимости дальнейшего совершенствования системы управления экономикой, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии отмечал: «Необходимостью становится усиление концентрации производства. Накопленный опыт показывает, что только крупным объединениям под силу сосредоточить достаточное число квалифицированных специалистов, обеспечивать быстрый технический прогресс, лучше и полнее использовать все ресурсы». Далее в Отчетном докладе указывалось на то, что надо вести решительный курс на создание объединений и комбинатов — в перспективе они должны стать основными хозяйственными звеньями общественного производства.

Единые производственно-хозяйственные комплексы способны обеспечить более тесную связь науки с производством, специализацию и кооперирование, а также централизацию хозяйственных функций объединяемых предприятий и организаций.

Но ведь нередко фабрики и заводы, входящие в производственное объединение, находятся на территории различных союзных и автономных республик, краев и областей. Поэтому у читателя может возникнуть вполне естественный вопрос — а не лучше ли сконцентрировать производство той или иной продукции либо товара на одном предприятии, при надобности расширив его. Тогда не нужно будет перевозить комплектующие изделия с заводов-изготовителей на предприятие, выпускающее готовую продукцию. При этом исчезнет проблема расстояний, высвободится значительное количество железнодорожного, автомобильного и других видов транспорта. Выгодно? На первый взгляд — да. Но давайте посмотрим на

эту проблему с другой стороны. Изготовление комплектующих изделий, как известно, требует сырьевой базы. Если комплектующие изделия разные, то для их производства нужно, соответственно, и различное сырье. Находится это сырье зачастую в отдаленных друг от друга местах. Надо везти его на завод-изготовитель. Таким образом, и расстояния остаются, и от услуг транспорта отказаться не удастся. Возьмем, к примеру, Волжский автомобильный завод имени 50-летия СССР, расположенный в Тольятти, на берегу Волги. Комплектующие изделия он получает буквально со всех концов страны. Только один завод «Карболит», что в Орехове-Зуеве Московской области, ежедневно отгружает автозаводу детали нескольких десятков наименований. Может, лучше везти сырье и изготавливать из него детали прямо на месте? Экономисты подсчитали и сказали: нет, это будет значительно дороже. К тому же следует иметь в виду, что завод не может расширяться до бесконечности. Если в Тольятти начать производство буквально всех деталей для «Жигулей», то уже имеющийся автогигант придется увеличить в несколько раз.

При попытке подобной перестройки производства неизбежно возникнут трудности и другого характера. Возьмите любой большой завод, расположенный в крупном населенном пункте. Увеличить производственные площади такого завода практически невозможно. Как, например, можно расширить территорию Московского автомобильного завода имени И. А. Лихачева, если он уже занимает всяма большую площадь, причем в густонаселенном районе Москвы?

Напрашивался такой вывод: необходимо объединить предприятия, которые постоянно поддерживают между собой тесные хозяйственные связи. 2 марта 1973 года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление об объединении таких предприятий в производственно-хозяйственные комплексы с единым органом управления. Цель создания объединений — дальнейший рост производительности труда, повышение качества продукции, снижение ее себестоимости, то есть улучшение всех основных технико-экономических показателей.

Во многих отраслях народного хозяйства нашей страны уже созданы и действуют производственные объединения. Например, металлургический комбинат в Магнитогорске, автостроительное объединение — в Горьком, «Позитрон», «Электросила», «Светлана» — в Ленинграде и многие другие.

Для определения правового статуса производственно-хозяйственных комплексов Совет Министров СССР 27 марта 1974 года утвердил Положение о производственном объединении (комбинате).

Такое объединение представляет собой производственно-хозяйственный комплекс, в состав которого входят фабрики, заводы, научно-исследовательские, конструкторские, проектно-конструкторские, технологические организации и другие производственные единицы. Объединение является основным (первичным) звеном промышленности. Деятельность его строится на сочетании централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой самого объединения.

Производственное объединение образуется в зависимости от его подчиненности министерством (ведомством) СССР или Советом Министров союзной республики. При образовании объединения учитываются технологическая общность процессов производства, территориальное расположение объединяемых предприятий, наличие устойчивых кооперированных связей между ними, необходимость комбинирования производства и тому подобное.

Объединение, которому подчинены самостоятельные предприятия и организации, выступает по отношению к ним как вышестоящий орган.

С чего начиналось создание объединений? Несколько предприятий, выпускавших родственную продукцию или имевших устойчивые кооперированные связи между собой, объединялись в единый производственно-хозяйственный комплекс. Эта перестройка сразу же давала существенный экономический эффект. И это вполне понятно, так как укрупнялись цехи, создавались наиболее рациональные потоки, создавались лучшие возможности для более широкого внедрения механизации и автоматизации производства, ликвидировались многие вспомогательные цехи, имевшиеся у каждого отдельного предприятия, уменьшалось число управленческих подразделений.

Руководство производственным объединением (комбинатом) осуществляется аппаратом управления головного завода или головной фабрики. В отдельных случаях, с разрешения правительства СССР, руководство объединением может осуществляться специальным аппаратом управления.

Объединение возглавляет генеральный директор (директор), действующий как единоначальник. Управление производственным объединением осуществляется путем правильного сочетания единоначалия и коллегиальности в обсуждении и решении всех вопросов, связанных с деятельностью объединения.

В Положении учтено важное ленинское указание: необходимо сделать так, чтобы каждый сознательный трудящийся, каждый сознательный рабочий «чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны». Общественные организации и

коллективы работников активно участвуют в подготовке проектов планов производственно-хозяйственной деятельности объединения, в разработке и осуществлении мероприятий по их выполнению, обсуждают вопросы, связанные с развитием и совершенствованием производства, улучшением условий труда и быта рабочих и служащих. Сообща разрабатываются и проекты коллективных договоров, обсуждается ход выполнения обязательств по ним, решаются вопросы, связанные с использованием фондов экономического стимулирования и фонда ширпотреба, укреплении производственной дисциплины, соблюдением внутреннего распорядка на производстве. В Положении много внимания уделяется планам социального развития предприятий.

Рабочие и служащие участвуют в решении производственных вопросов через постоянно действующие производственные совещания, которые организуются как в структурных подразделениях производственных единиц, входящих в объединение, так и в целом в производственных единицах, а в случае необходимости — в объединении.

Телевизоры марки «Электрон», которые выпускает объединение с одноименным названием, расположенное во Львове, стали знаменитыми благодаря своему высокому качеству. Коллектив объединения поставил перед собой задачу: выпускать только высококачественные телевизионные приемники. На всех участках здесь действуют группы и посты народного контроля, которые создают надежный заслон даже незначительному браку.

Другое объединение — ленинградская «Электросила». Все производимые здесь турбогенераторы получили государственный Знак качества. В этом также заслуга народных контролеров, много делающих для улучшения качества продукции.

Постановлением правительства нормативно закреплена обязанность администрации оказывать группам и постам народного контроля объединения всемерную помощь в работе, рассматривать их предложения и рекомендации и принимать меры к устранению вскрытых ими недостатков.

Деятельное участие рабочих и служащих в управлении производством осуществляется через профсоюзные организации. Ни одно значительное событие в жизни коллектива объединения не проходит без участия профсоюза. Это — рассмотрение результатов производственно-хозяйственной деятельности и реализация планов социального развития, распределение жилой площади, путевок на санаторно-курортное лечение, в пансионаты и дома отдыха, строительство детских дошкольных учреждений, поощрение передовиков производства и многие другие вопросы.

В соответствии с Положением в объединениях создаются советы, в которые входят не только руководящие работники, но и представители общественных организаций. К участию в работе совета привлекаются специалисты и передовики производства. Совет помимо чисто производственно-хозяйственных дел рассматривает и вопросы, связанные с формой и системой оплаты труда, материального и морального поощрения, изучения и распространения передового опыта, внедрения прогрессивных форм и методов повышения активности трудящихся, подбора и использования кадров и так далее.

В производственных объединениях большое внимание уделяется такой важной стороне хозяйственной деятельности, от которой в немалой степени зависит эффективность производства, как совершенствование оплаты труда. Объединениям предоставлены широкие возможности для стимулирования тех работников и коллективов, которые вносят наибольший вклад в развитие производства, совмещают профессии, по-хозяйски, бережливо обращаются с общественным богатством. Высокопроизводительный труд всемерно поощряется. Так, в Волжском объединении по производству легковых автомобилей в Тольятти введена новая система оплаты труда. Здесь добились правильного соотношения между ростом производительности труда и ростом зарплаты, рационального расходования фонда заработной платы и фонда материального поощрения. Рабочие и служащие заинтересованы как в результатах своего личного труда, так и в общих итогах работы объединения. В результате их заработная плата значительно повысилась. Новая система оплаты труда по опыту производственного объединения АвтоВАЗ вводится в других производственных объединениях.

В целях усиления материальной заинтересованности работников производственное объединение само устанавливает сдельную, повременную или аккордную оплату труда для отдельных групп рабочих, разрабатывает и утверждает положения о премировании по объединению в целом. Условия и размеры премирования устанавливаются для каждой производственной единицы в отдельности. Поэтому члены даже небольшого коллектива, работающего успешно, премируются независимо от итогов производственно-хозяйственной деятельности объединения в целом.

В созданных и создаваемых производственных объединениях разрабатываются и утверждаются положения о выплате вознаграждения за годовые результаты работы, определяются перечни профессий рабочих, для которых при повременной оплате труда применяются тарифные ставки сдельщиков, а также отдельные профессии рабочих, которым устанавливаются месячные оклады взамен тариф-

ных ставок. Производственное объединение само определяет перечни профессий рабочих и работ, оплачиваемых по повышенным тарифным ставкам в связи с тяжелыми и вредными условиями труда, особо тяжелыми и особо вредными условиями труда; в соответствии с действующими типовыми перечнями этих профессий и работ по отраслям производства устанавливает разряды работ и присваивает разряды рабочим согласно тарифно-квалификационным справочникам.

Работникам с ненормированным рабочим днем производственное объединение устанавливает продолжительность дополнительного отпуска, вводит суммированный учет рабочего времени работников отдельных производственных единиц или их структурных подразделений, где по условиям труда не может быть соблюдена установленная для данной категории рабочих и служащих ежедневная продолжительность рабочего времени, утверждает новые и пересматривает действующие нормы выработки, нормы обслуживания, нормативы численности работников и другие нормативы трудовых затрат, утверждает перечень производств, на которых по характеру работы не может быть установлен для работников сокращенный рабочий день в предвыходные (при шестидневной рабочей неделе) и предпраздничные дни, а должен предоставляться дополнительный день отдыха по мере накопления часов переработки.

Администрация объединения по согласованию с профсоюзной организацией устанавливает перечни работ и профессий, дающих рабочим и служащим право на бесплатное получение спецодежды, спецобуви и предохранительных приспособлений, а также перечни работ и профессий, дающих рабочим и служащим право на получение молока в связи с вредными условиями труда.

В случае целесообразности администрация объединения, по согласованию с профсоюзной организацией, вправе разрешать совмещение профессий (должностей), расширение зон обслуживания или увеличение объема выполняемых работ и устанавливать соответствующие доплаты в размере до 30 процентов ставки или оклада рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим; устанавливать доплаты в размере до 30 процентов оклада начальникам цехов и их заместителям, начальникам смен (участков), старшим мастерам, мастерам и другим инженерно-техническим работникам, работающим непосредственно в цехах, которые в результате осуществления разработанных организационно-технических мероприятий при меньшем числе рабочих на обслуживаемых участках добились повышения производительности труда по сравнению с планом. Рабочим, руководящим и инженерно-техническим работникам за разработку

и осуществление мероприятий, обеспечивших уменьшение численности работников и повышение производительности труда по сравнению с планом, может быть выплачено единовременное вознаграждение. Рабочим-повременщикам, наряду со своей работой выполняющим временно обязанности отсутствующих рабочих (в случае болезни, отпуска, командировки и по другим причинам), производится соответствующая доплата. В объединениях используется предоставленное Положением право устанавливать доплату бригадам из числа рабочих, не освобожденным от основной работы, за руководство бригадой численностью свыше пяти человек при условии выполнения ею установленных месячных нормированных заданий.

За квалифицированными рабочими и инженерно-техническими работниками объединения при переводе их во вновь вводимые в действие производственные единицы или цехи сохраняется средняя заработная плата на период освоения производства, но не более чем на шесть месяцев (если заработок здесь ниже, чем на прежнем месте). Кроме того, объединение может использовать полученную в предыдущих кварталах и месяцах экономию по фонду заработной платы, пересчитанному в соответствии с процентом выполнения плана, на выплату заработной платы и премий в последующих кварталах и месяцах этого же года, а также выдавать отдельным работникам внеплановый аванс в счет заработной платы в размере не более месячного заработка.

Объединение может устанавливать пониженные нормы выработки для молодых рабочих, поступающих на работу после окончания общеобразовательных школ, профессионально-технических учебных заведений и курсов, а также прошедших обучение непосредственно на производстве. Ему предоставлено право направлять передовых рабочих и служащих учиться в высшие учебные заведения и техникумы и выплачивать им, в соответствии с действующим законодательством, повышенные стипендии, с тем чтобы после окончания учебы они вернулись работать в объединение. Кандидатуры рабочих и служащих, направляемых на учебу с установлением для них повышенных стипендий, выдвигаются только совместно с общественными организациями объединения.

Одна из главных задач производственного объединения — улучшение культурно-бытовых и жилищных условий рабочих и служащих. Для этого создается фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Кроме того, в большинстве объединений имеются фонды ширпотреба, предназначенные для премирования работников и улучшения их культурно-бытового обслуживания. Вся жилая площадь, построенная за счет средств фонда социально-

культурных мероприятий и жилищного строительства, фонда ширпотреба и других средств производственного объединения, которые в соответствии с законодательством могут направляться на жилищное строительство, заселяется лицами по списку, утверждаемому не, как ранее, исполнительным комитетом местного Совета депутатов трудящихся, а совместным решением администрации объединения и соответствующего профсоюзного органа, с последующим сообщением исполкому местного Совета.

Размещение в домах, построенных за счет указанных средств, предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания может производиться только с согласия администрации объединения и профсоюзной организации.

По совместному решению генерального директора и профсоюзного органа производственное объединение вправе использовать для строительства детских дошкольных учреждений часть средств, выделяемых ему в централизованном порядке на жилищное строительство. Кроме того, объединение может строить жилые дома, расширять объекты коммунального хозяйства, медицинских и детских дошкольных учреждений, пионерских лагерей совместно (в порядке долевого участия) с другими предприятиями и организациями.

В Положении предусмотрена обязанность объединения предоставлять в бесплатное пользование профсоюзной организации здания, помещения, сооружения, сады и парки, предназначенные для ведения культурно-просветительной, оздоровительной, физкультурной и спортивной работы среди работников объединения и членов их семей, пионерские лагеря, а также нужный для этого инвентарь. Безвозмездно предоставляются помещения учебным заведениям, в которых обучаются рабочие и служащие объединения. Например, некоторые производственные объединения, используя это право, имеют свои средние общеобразовательные вечерние и заочные школы, вечерние профессионально-технические училища, курсы и учебно-курсовой комбинат повышения квалификации, для которых выделены не только здания, но и оборудование, приборы, инструменты и материалы для учебных лабораторий и кабинетов.

Мы рассказали лишь о некоторых сторонах деятельности производственных объединений, но и из этого видно, что их создание и развитие способствует улучшению отраслевого управления промышленностью, значительно повышает экономическую эффективность производства, предоставляет широкие возможности для творческой инициативы трудящихся во всех областях производственно-хозяйственной деятельности.

Б. КОРСАКОВ,
первый заместитель
Главного арбитра
Госарбитража СССР

Совхоз «Дербичи» Гомельской области по договору контрактации должен был продать Буда-Кошелевскому хлебоприемному пункту партию пшеницы.

В назначенный день зерно было доставлено на хлебоприемный пункт, пущено в производство.

Стали производить расчеты.

И тут на хлебоприемном пункте обратили внимание на то, что стоимость доставленного им зерна выше обычной на... 6529 рублей 83 копейки. Обратились за разъяснениями в совхоз. И в ответ услышали неожиданное:

— Видите ли, мы вам доставили не обычную пшеницу, а сортовую. А она стоит дороже.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

НА СЕЛЕ

— Но мы с вами не договаривались о продаже сортовой пшеницы,— возразили на хлебоприемном пункте.

Разрешением спора занялся арбитраж. Он выяснил, что в договоре контрактации не была специально оговорена продажа сортовой пшеницы. А согласно законодательству сортовые надбавки выплачиваются хозяйству, если в договоре указывается не только количество продаваемого зерна, но и его сорт. Следовательно, требование совхоза о выплате ему надбавки было лишено оснований.

В ходе разбирательства в арбитраже произошел такой диалог.

— Прежде чем посылать на хлебоприемный пункт сортовую пшеницу, вы посоветовались с юристом, спросили, будет ли выплачена надбавка?

— Нет, не советовались,— ответил представитель совхоза.

Ему бы лучше сказать: «К сожалению, не посоветовались». Обратись они к юристу, тот разъяснил бы, что исполнение условий заключенного договора обязательно для обеих сторон.

Случай этот наглядно показывает, как дорого может обойтись хозяйству недооценка юридической службы. Современный колхоз или совхоз — многоотраслевой организм. У него масса связей с различными заготовительными и другими предприятиями и организациями. Сложны связи и внутри самого хозяйства. Они регулируются законом. И необходимо позаботиться о том, чтобы положения закона — касается ли это финансовой дисциплины, различных хозяйственных вопросов — строго соблюдались. Без квалифицированной правовой помощи здесь никак не обойтись.

В последние годы заметно повысилась роль юридической службы в народном хозяйстве. Широкое использование правовых средств оказывает благотворное влияние на развитие не только промышленного, но и сельскохозяйственного производства. Юрист стал нужной фигурой в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях и учреждениях.

Министерство сельского хозяйства СССР, министерства сельского хозяйства и министерства совхозов союзных республик и их органы на местах проводят большую организаторскую работу по обеспечению юридического обслуживания села. В некоторых колхозах и совхозах имеются штатные юрисконсульты. Другие же хозяйства обслуживаются межхозяйственными юридическими группами на договорных началах. Межхозяйственные группы — это основная, наиболее целесообразная и практически себя оправдавшая форма юридической помощи колхозам и совхозам.

Юристы проводят большую работу на селе. Достаточно сказать, что только в 1973 году с их помощью в пользу колхозов и совхозов через суд, арбитраж и в претензионном порядке взыскано около 166 миллионов рублей. Это — чисто экономические показатели. А сколько случаев, когда юристы предупредили нарушения законности!

Конечно, в правовом обслуживании на селе еще немало «белых» пятен. Факторы, сдерживающие развитие юридической службы в сельском хозяйстве, имеют как объективный, так и субъективный характер. Если взять объективную сторону, то приходится говорить о нехватке специалистов с юридическим образованием. Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Министерство юстиции СССР принимают меры к увеличению числа студентов в юридических вузах страны. Благодаря этому растет из года в год и число юристов, работающих в сельском хозяйстве. Правовая помощь селу была бы еще эффективней, если бы к этой работе шире привлекались юристы-пенсионеры. Их жизненный опыт, знание законов трудно переоценить. Есть и другой резерв — видимо, можно разрешить

отдельным категориям юристов работать по совместительству, то есть помимо своей основной работы заключать трудовые договоры с отдельными сельскохозяйственными предприятиями.

Но главный путь, по которому может и должно идти улучшение правового обслуживания села, — активизация деятельности межхозяйственных юридических групп. Это позволит охватить юридическим обслуживанием практически почти каждый колхоз и совхоз.

Говоря о субъективных факторах, я имею в виду прежде всего неправильное отношение отдельных руководителей сельскохозяйственных предприятий к юристам. Причины этого, на мой взгляд, в следующем. До недавнего времени появление юристов на селе было связано с какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Они представляли следственные органы, прокуратуру и суд и наделены были определенными контрольными функциями. К этой же категории юристов некоторые руководители хозяйств, как ни странно, относят и юрисконсультов, обслуживающих колхозы и совхозы, полагая, что на них также возлагаются контрольные, надзорные обязанности. Нередко еще приходится встречаться с определенной недооценкой юридических средств в деле укрепления хозяйственной дисциплины и внутриколхозной демократии.

Некоторые руководители сводят роль юриста к выполнению узких функций. Мне хочется, в частности, возразить председателю колхоза «Трудовой пахарь» Л. Соболевскому, выступившему в номере четвертом журнала «Человек и закон» за 1973 год. Он прав, говоря, что юрист — фигура на селе нужная, но определяет его функции не совсем верно. Основную задачу юрисконсульта Л. Соболевский видит в хождении по инстанциям и писании «челобитных». Правильно составлять юридические документы и «защищать» их в судебных или арбитражных органах по доверенности обслуживаемой организации — конечно, прямая обязанность юрисконсульта. Но видеть роль и обязанности юриста только в этом — значит сужать круг его полномочий, не использовать юридические средства в полной мере.

Между тем обязанности юрисконсульта в колхозе, совхозе весьма широки. И одна из важнейших его функций в том, чтобы добиться такого положения, при котором договоры, заключенные сельскохозяйственным предприятием, соответствовали бы закону и защищали интересы хозяйства.

Во всех документах, регламентирующих права и обязанности юрисконсульта колхоза и совхоза, особо подчеркнуто, что он несет ответственность в случае непринятия мер к устранению нарушений законности в хозяйствах. Установлено такое правило: проекты документов, до того как их подпишет руководитель, необходимо передать на

визу юрисконсульту. Тот внимательно изучает все пункты документа и, если обнаружит, что в проект внесены положения, противоречащие закону или другим нормативным актам, докладывает об этом директору совхоза или председателю колхоза. Это обязывает юрисконсульта чаще бывать в обслуживаемых хозяйствах, чтобы иметь возможность просматривать проекты документов, присутствовать на заседаниях правлений колхозов, при обсуждении вопросов высказывать свои рекомендации.

Обнаружив нарушения устава колхоза или другого нормативного акта, юрисконсульты обязаны принимать меры к их устранению непосредственно на месте. Юрист, таким образом, должен быть помощником руководителя хозяйства, ответственным за строгое соблюдение законов.

Колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия вступают в различные договорные отношения с заготовителями, предприятиями «Сельхозтехники» и так далее. Составление договора — не простое дело. В нем участвуют различные специалисты сельского хозяйства. Многое здесь зависит и от юриста, который должен проследить, чтобы в договоре не было пунктов, ущемляющих интересы сельскохозяйственного предприятия. Заключение договора — одна сторона дела. Не менее важно добиться того, чтобы договор правильно и своевременно выполнялся. И здесь также велика роль юристов. Там, где правильно используются силы работников юридической службы, колхозы и совхозы получают большую материальную выгоду. Вот пример из Камчатской области. Здесь юрисконсультами была изучена практика заключения и исполнения договоров контракции в одном из объединений совхозов. Оказалось, что совхозы редко пользуются правами, предоставленными им действующим законодательством, иногда берут на себя обязательства, заведомо ущемляющие их интересы. В связи с этим были разработаны рекомендации по составлению договоров, указывалось, какие требования следует включать в договоры, в каком порядке законом защищаются интересы сельскохозяйственных предприятий, в каких случаях совхозы освобождаются от имущественной ответственности. Все это помогло совхозам значительно улучшить составление договоров, оформлять документы в соответствии с законом.

Помощь юрисконсульта колхозу или совхозу при составлении договора может быть самой разнообразной. Для примера возьмем довольно-таки типичную ситуацию, которая, на мой взгляд, достаточно убедительно покажет важность и необходимость этой работы. Колхоз и заготовительная организация заключают между собой договор. Оговаривают качество продукции, которая должна быть продана, сро-

ки ее доставки... Все вроде бы учли. Но юрисконсульт, просматривая проект договора, спрашивает: «Позвольте! А почему не оговорены сроки, когда изготовитель предоставит вам тару для продукции?» И это вовсе не придирка. Не будет этого пункта в условиях договора — и впоследствии может возникнуть недоразумение. Колхоз в указанные сроки производит продукцию. А изготовительная организация не торопится ее забирать, ссылаясь на отсутствие тары, и предлагает колхозу взять продукцию в своей таре. «Мы так не договаривались, — возражает колхоз. — Продукцию вы должны забирать в своей таре». — «Но в договоре даже нет упоминания о таре, — отвечает изготовительная организация. — Там говорится лишь о том, что вы обязаны продать продукцию. И будьте любезны, выполните это условие договора!» Изготовительная организация права. Не отгрузит колхоз вовремя продукцию — она может предъявить к нему претензию в связи с невыполнением договора. И все из-за того, что в свое время упустили из виду небольшой пункт договора...

Эти примеры показывают, какую экономическую выгоду может получить колхоз или совхоз, когда в нем работает инициативный юрист, радующий об интересах хозяйства. Юрисконсульты предупреждают и устраняют нарушения закона. Иногда в устав колхоза или другие акты включаются положения, противоречащие Примерному Уставу колхоза. В некоторых колхозах Марийской АССР установили правило, по которому ущерб, причиненный хозяйству членами колхоза, взыскивается с них в пятикратном размере. По закону? Конечно, нет. Юрисконсульты помогли отменить это правило.

Или взять такой случай. В колхозе имени Кирова Иссык-Кульского района Киргизской ССР правление вынесло решение: установить продолжительность отпуска по беременности и родам в зависимости от стажа работы. Как незаконное, оно, разумеется, было отменено.

Много делают юрисконсульты для пропаганды на селе норм права. Они выступают в колхозах и совхозах с лекциями, проводят беседы. Круг вопросов, по которым они дают разъяснения, очень широк — трудовое, пенсионное законодательство, нормы приусадебного землепользования, содержания скота в личной собственности.

А юристы Ржевской межхозяйственной юридической группы (Калининская область), возглавляемой Н. Кресловым, совместно с районным обществом «Знание» организовали правовой лекторий для работников хозяйств, которые они обслуживают.

Большую пользу жителям сельской местности приносят юридические консультации на общественных началах. В них можно получить разъяснение закона или квалифицированный юридический со-

вет о порядке обращения по тому или иному поводу в государственные учреждения. В работе этих общественных консультаций активно участвуют и сельские юристы.

Министерство сельского хозяйства СССР организовало при сельскохозяйственных вузах Саратова, Киева, Тбилиси двухмесячные курсы по повышению квалификации сельских юристов всех союзных республик. Кроме того, в каждой республике сельскохозяйственные органы регулярно проводят на специальных курсах и семинарах занятия по повышению квалификации сельских юристов.

Министерство юстиции СССР осуществляет прежде всего методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве. Одна из форм этого руководства — организация учебы юрисконсультов. В системе Министерства юстиции созданы институт по повышению квалификации юридических работников и республиканские курсы. Там занимаются и сельские юристы.

Учитывая, что в современных условиях большое значение имеет компетентность в правовых вопросах руководителей хозяйственных организаций, много делается сейчас для улучшения юридической подготовки председателей колхозов, директоров сельскохозяйственных предприятий, специалистов хозяйств. Наверное, следует упомянуть о том, что во всех сельскохозяйственных вузах и в большинстве сельскохозяйственных техникумов студентам, будущим специалистам, преподаются правовые дисциплины. Во многих республиках сами сельские юристы проводят большую работу по повышению правовой квалификации работников хозяйств. В частности, они отдельно ведут занятия с бухгалтерами, с материально ответственными лицами и так далее.

С целью улучшить юридическое обслуживание в народном хозяйстве, в том числе и на селе, в последнее время стали применяться различные меры поощрения. К примеру, Министерством сельского хозяйства Литовской ССР разработаны и утверждены условия социалистического соревнования юридических служб. Предусмотрены поощрения победителям соревнования — почетные грамоты, денежные премии.

Таким образом, в настоящее время значительный отряд юристов активно помогает колхозам и совхозам с честью выполнять задания девятой пятилетки по увеличению производства продуктов сельского хозяйства.

ВЕРНЫЙ ПОМОЩНИК ДЕНИНА

«**Н**е знаю, какими словами благодарить Вас, дорогой Дмитрий Иванович, за Вашу профессиональную и человеческую помощь нашей семье, а особенно моему бедному брату. Знаю, дорогой Дмитрий Иванович, как Вы сами рисковали, хлопоча и защищая его. И то, что Вы лично, на свои средства поехали в Петербург и выхлопотали ему избавление от смертной казни с заменой пожизненной каторгой. А сейчас и вечная каторга для нас радость, тем более что вечного ничего на свете нет! Ведь приговор был уже утвержден, и, если бы не Ваша помощь, дорогой Дмитрий Иванович, не миновать бы ему петли. И подумать, что Вы это сделали для человека, которого лично в глаза не видели. Мы уже собирались все продать, чтобы нанять адвоката, а тут вы безвозмездно, во имя идей человечности так горячо взялись за спасение своего человека и спасли его. Этого никогда не забудет наша семья, не должна забыть и партия. Впрочем, знаю, Дмитрий Иванович, что таких дел за Вами не мало, и верю, что когда-нибудь они Вам зачтутся. Ваш Иван Сироткин».

Рабочий Иван Степанович Сироткин послал это письмо в 1908 году Дмитрию Ивановичу Курскому — в то время молодому московскому адвокату. Оно красноречиво повествует об одном из моментов в жизни и деятельности Курского — члена РСДРП, революционера-подпольщика, а после Великого Октября — выдающегося советского государственного и партийного деятеля.

...Дмитрий Иванович Курский родился в Киеве в 1874 году, в семье инженера-технолога. Здесь он закончил одно из лучших средних учебных заведений того времени — коллегию Павла Галагана и в 1896 году поступил на юридический факультет Московского университета. Но вскоре за участие в студенческих волнениях был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. После выхода из тюрьмы он, не прекращая учебы, активно включился в революционную работу.

Золотая медаль, врученная Дмитрию Курскому после окончания курса, давала право остаться в университете для получения ученой степени. Однако ему припомнили «политическую неблагонадежность» в студенческие годы. Курский поступил на службу в одно из учреждений путей сообщения, а в 1901 году перешел в адвокатуру и примкнул к группе весьма радикально настроенных молодых адвокатов, посвятивших себя «рабочим», или, как тогда говорили, «увечным» делам, связанным с конфликтами между предпринимателями и рабочими, взысканиями компенсации в случае болезни или увечья на производстве. Все эти дела имели явно выраженную политическую окраску.

В 1904 году, когда в стране назревал революционный подъем, Д. И. Курский вступил в РСДРП. Во время русско-японской войны он находился на фронте, но за агитацию среди солдат был уволен в запас и вернулся в Москву. Вскоре он становится членом литературно-лекторской группы при Московском комитете РСДРП, сотрудничает в большевистских газетах «Борьба», «Искра», «Наша мысль». После подавления революции 1905 года, в которой он принимал самое активное участие, Дмитрий Иванович продолжал вести подпольную партийную работу, совмещая ее с литературной и научной деятельностью. В своих статьях и книгах он рассказывал о тяжелом экономическом и политическом положении рабочего класса в главнейших капиталистических странах, о том, как используются буржуазные суды против рабочих и их союзов.

Вот несколько строк из его книги «Американский рабочий»: «Гордым и мощным призывом — пролетарии всех стран, соединяйтесь! — закончили свое обращение к рабочему классу основатели Международной организации рабочих. Этот призыв претворяется в

дело. Растет объединение рабочего класса в отдельных странах, пролагая путь к дальнейшему международному объединению рабочих, растет сознание общности интересов пролетариев, появляется необходимость ближе знать жизнь рабочих в разных странах; изучить те условия, которые с необходимостью вызывают это объединение и те формы, какие оно принимает в разных странах под влиянием исторической обстановки».

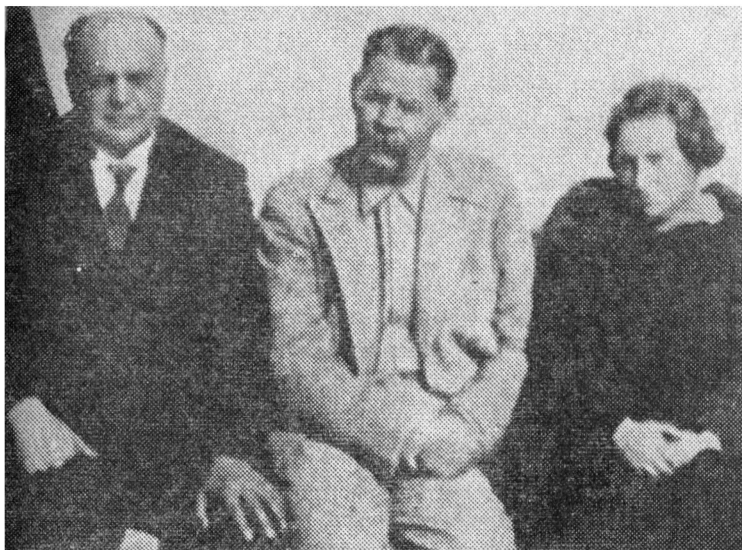
В 1907 году Курский был избран членом Московского бюро ЦК РСДРП. В качестве адвоката он участвовал в ряде крупных политических процессов. В 1908 году Дмитрий Иванович выступает по делу группы московских рабочих-дружинников, задержанных полицией за проведение тайных лесных маневров близ Калужского шоссе. Подсудимым грозила смертная казнь, и лишь благодаря гражданскому мужеству и усилиям адвоката они были приговорены к каторге.

Как свидетельствуют секретные документы, обнаруженные после революции в архиве охранного отделения, в этот период Курский находился под бдительным надзором полиции. В одном из документов Московское охранное отделение предупреждало Петербургское охранное отделение: «В дополнение телеграммы от 27 сего июля за № 778, препровождая при сем копию дневника наблюдения по г. Москве за членом Центрального Комитета социал-демократической организации, кличка «Усатый», уведомляю ваше высокоблагородие, что из числа лиц, упомянутых в приложении по делам отделения, известен присяжной поверенный Дмитрий Иванович Курский, который в 1896 г., будучи студентом Московского университета, участвовал в студенческих беспорядках, а 15 января сего года был обыскан по делу типографии «Рабочего знамени»...

Это был не первый и не последний обыск в квартире Дмитрия Ивановича, отличного конспиратора. И на этот раз, как сообщалось в доносе, он был «за безрезультатностью обыска оставлен на свободе».

По указанию партии Д. И. Курский участвовал в избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу, используя ее для пропагандистской работы среди масс.

Февральскую революцию он встретил на румынском фронте, где в мае 1917 года был избран председателем Совета солдатских депутатов 4-й армии, а в июне — депутатом на I Всероссийский съезд Советов. В дни Октября Д. И. Курский был членом революционного комитета Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. В ноябре 1917 года он возвращается в Москву, где вначале возглавляет правовой отдел Московского Совета, а за-

Это снимок из семейного альбома Д. И. Курского. На нем вы видите Дмитрия Ивановича, его жену Анну Сергеевну и Алексея Максимовича Горького.

тем по предложению Владимира Ильича Ленина назначается Народным комиссаром юстиции. Это была сложная и ответственная работа.

Вплоть до 1928 года Дмитрий Иванович Курский бессменно стоял во главе Народного комиссариата юстиции.

Вспоминая об этом периоде жизни народного комиссара юстиции РСФСР, Анна Сергеевна Курская пишет: «Работал Дмитрий Иванович с огромным подъемом, так как чувствовал направляющую руку Ильича. Нередко по ночам Ленин вызывал его к себе на квартиру. С портфелем, наполненным проектами новых законов, отправлялся он к Владимиру Ильичу, волнуясь и спеша».

В. И. Ленин глубоко уважал Д. И. Курского, ценил его мнение, деловые качества. По поводу заключения одного концессионного договора Владимир Ильич писал: «...Это дело лично знал и вел Курский, и надо либо разыскать Курского, либо найти в Наркомюсте человека не менее осведомленного, чем Курский». В одной из своих заметок В. И. Ленин писал: «Надо об этом **выспросить Курского**. Он был иного мнения». В другой раз В. И. Ленин пишет чле-

нам Политбюро: «Я считаю вывод товарища **Курского** единственно правильным. Предлагаю провести его **добавочным** постановлением СНК(ома).

Тон записок В. И. Ленина наркому юстиции иногда резок, подчас даже суров. Однако за строгостью чувствуется вера в деловые качества Д. И. Курского, в его талант, волю и настойчивость, в его глубокие познания, способность действовать «с умом и энергией».

Курский участвовал в создании проекта Конституции РСФСР 1918 года, Конституции СССР 1924 года, был докладчиком проекта окончательного текста Конституции СССР на XI Всероссийском съезде Советов. Когда Конституция СССР была окончательно утверждена II съездом Советов СССР и получила силу Основного Закона СССР, Д. И. Курский докладывал на XII Всероссийском съезде Советов проект нового текста Конституции РСФСР 1925 года.

На Народный комиссариат юстиции в первые годы Советской власти была возложена разработка проектов кодексов и важнейших декретов. Как известно, В. И. Ленин придавал исключительное значение систематизации и кодификации советского законодательства в молодой Советской Республике.

Коллегией Наркомюста были разработаны в те годы важнейшие законодательные акты. При участии Д. И. Курского были подготовлены проекты Гражданского, Уголовно-процессуального и Гражданско-процессуального кодексов, Кодекса законов о труде, Кодекса законов о браке, семье и опеке, декрета «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых его законами и защищаемых судами РСФСР».

Имя Дмитрия Ивановича Курского неразрывно связано с работой по созданию советской судебной системы. Под его руководством были подготовлены и проведены в жизнь важнейшие декреты о народном суде, о революционных трибуналах.

Народный комиссариат юстиции последовательно проводил в жизнь один из основных принципов нашей судебной системы, обеспечивая систематическое и постоянное участие народных заседателей в качестве полноправных вершителей судебных дел, постоянно обобщая практику деятельности органов юстиции.

Дмитрий Иванович тщательно собирал документы революционного творчества народных масс, решения первых народных судов, которые свидетельствовали о торжестве пролетарской справедливости, активном участии трудящихся масс в делах государства.

Народный комиссар юстиции Д. И. Курский с 1922 года был и первым прокурором РСФСР. Много сил и энергии вложил он в дело организации советской прокуратуры, постоянно подчеркивая, что

революционная законность является детищем Великой Октябрьской социалистической революции и укрепление социалистической законности — одно из средств проведения в жизнь политики партии и Советской власти.

Значительное внимание уделял Д. И. Курский созданию новой советской адвокатуры. Выступая против отрицательного отношения к институту защиты, он требовал создания широкой сети юридических консультаций.

В течение многих лет Дмитрий Иванович вел большую научно-исследовательскую работу — был директором Института советского права, редактором ряда журналов, сборников и научных работ по актуальным проблемам государства и права. Трудно переоценить значение его работ, посвященных Советскому государству и праву, новому советскому суду, правотворчеству масс, социалистической законности, прокуратуре и следствию.

Большое значение Курский придавал пропаганде и популяризации советского права. Он подчеркивал, что законы должны писаться так, чтобы они «были понятны широким массам рабочих и крестьян, для которых существует наше государство».

О личных качествах Курского как человека, находящегося на высоком государственном посту, очень хорошо писали в своих воспоминаниях его бывшие сотрудники по Наркомюсту:

«Нас — практических работников — особенно пленяла... еще одна черта Дмитрия Ивановича, свойственная уже ему не как политическому-государственному деятелю, а как человеку. Жесткий, когда этого требуют политические обстоятельства, он был исключительно душевным, мягким, доступным и вдумчивым человеком в личном общении, к которому всякий маленький сотрудник шел со всяким своим горем и заботой».

23 декабря 1932 года в опубликованном в газете «Правда» некрологе говорилось: «Смерть Д. И. Курского является для партии тяжелой утратой. Партия потеряла старого большевика, стойкого революционера, крупного советского работника...»

Марксистское образование и преданность делу рабочего класса дали Д. И. Курскому возможность с честью выполнять свои обязанности по организации органов суда и развитию советского законодательства, где его роль в социалистическом строительстве была особенно значительна и где он являлся ближайшим и верным помощником Ленина. Память о Д. И. Курском останется на долгие годы в рабочем классе и в широких массах трудящихся».

П. СЕДУГИН, Л. СТЕШЕНКО,
кандидаты юридических наук

В издательстве «Знание» вышли в свет новые книги.

ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ. Сборник. (Серия «Народный университет. Факультет правовых знаний»). 254 стр., 41 коп.

В книге рассказывается о товарищеских судах, их правах, компетенции, о порядке возбуждения и рассмотрения дел. На конкретных примерах показано, какие решения может принимать товарищеский суд, как эти решения исполняются, как могут быть обжалованы. В специальных разделах даны основные положения уголовного, административного, гражданского, семейного, жилищного и трудового законодательства.

Книга полезна для широкого круга читателей, интересующихся правовыми вопросами.

ПРАВОВЫЕ ЗНАНИЯ — МОЛОДЕЖИ. Сборник. (Серия «Народный университет. Факультет правовых знаний»). 256 стр., 53 коп.

В сборнике подробно рассказано о правах и обязанностях молодежи, о так называемой административной ответственности, о льготах, которые предоставляются юношам и девушкам, обучающимся без отрыва от производства, об охране труда молодежи, о том, какие действия граждан могут быть признаны преступлениями и какая ответственность за них предусмотрена законом.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Кабалкин А. Ю. СПРАВОЧНИК ПО ПРАВОВЫМ ГАРАНТИЯМ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ. (Серия «Народный университет. Факультет правовых знаний»). 96 стр., 18 коп.

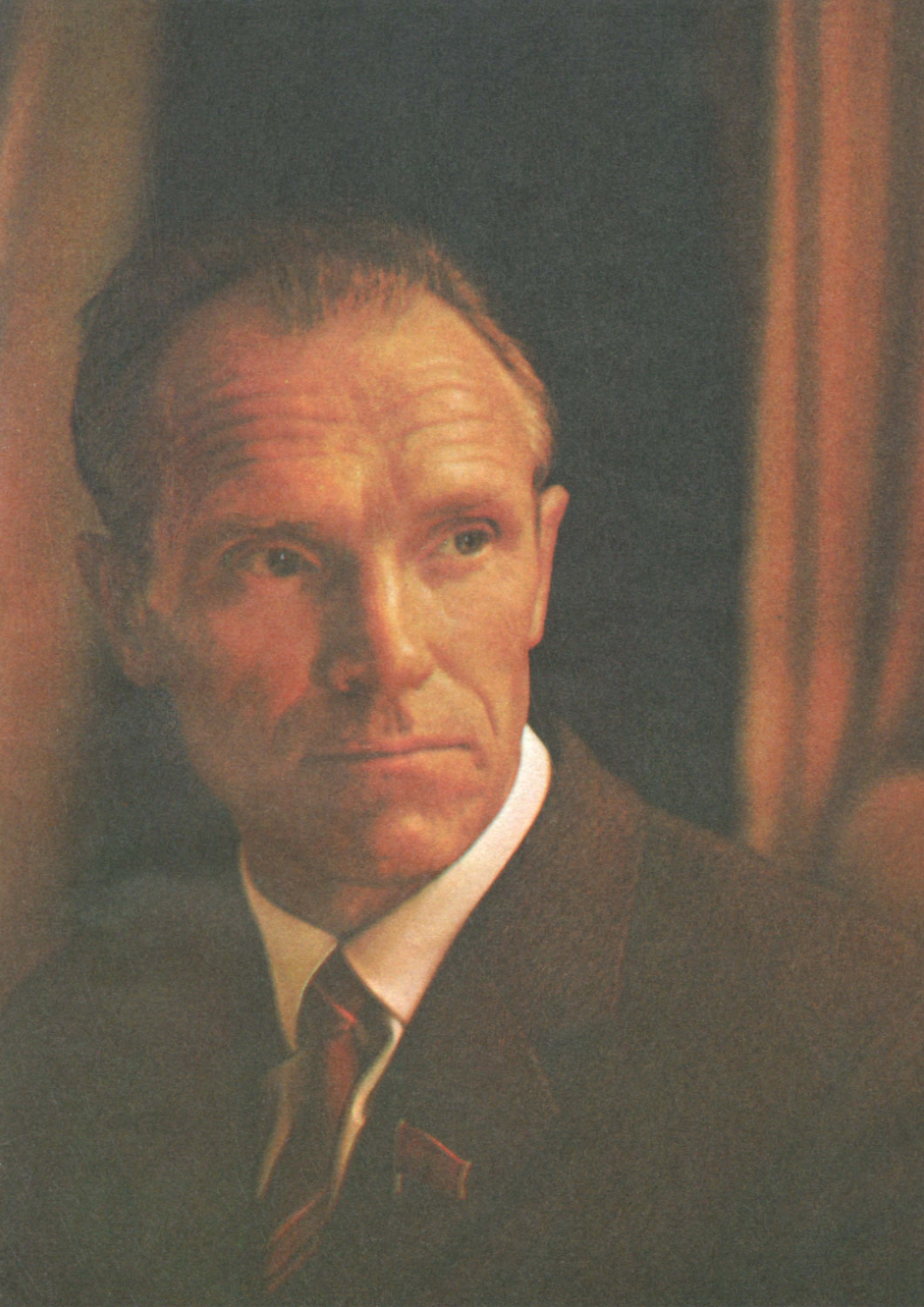
Из справочника читатель узнает об основных законоположениях, правилах, инструкциях, регулирующих сферу бытового обслуживания. Большое внимание автор уделяет вопросам заключения договоров бытового заказа, проката, розничной торговли, перевозки пассажиров.

Книга рассчитана на народных заседателей, членов товарищеских судов и народного контроля, а также на читателей, интересующихся правовыми вопросами.

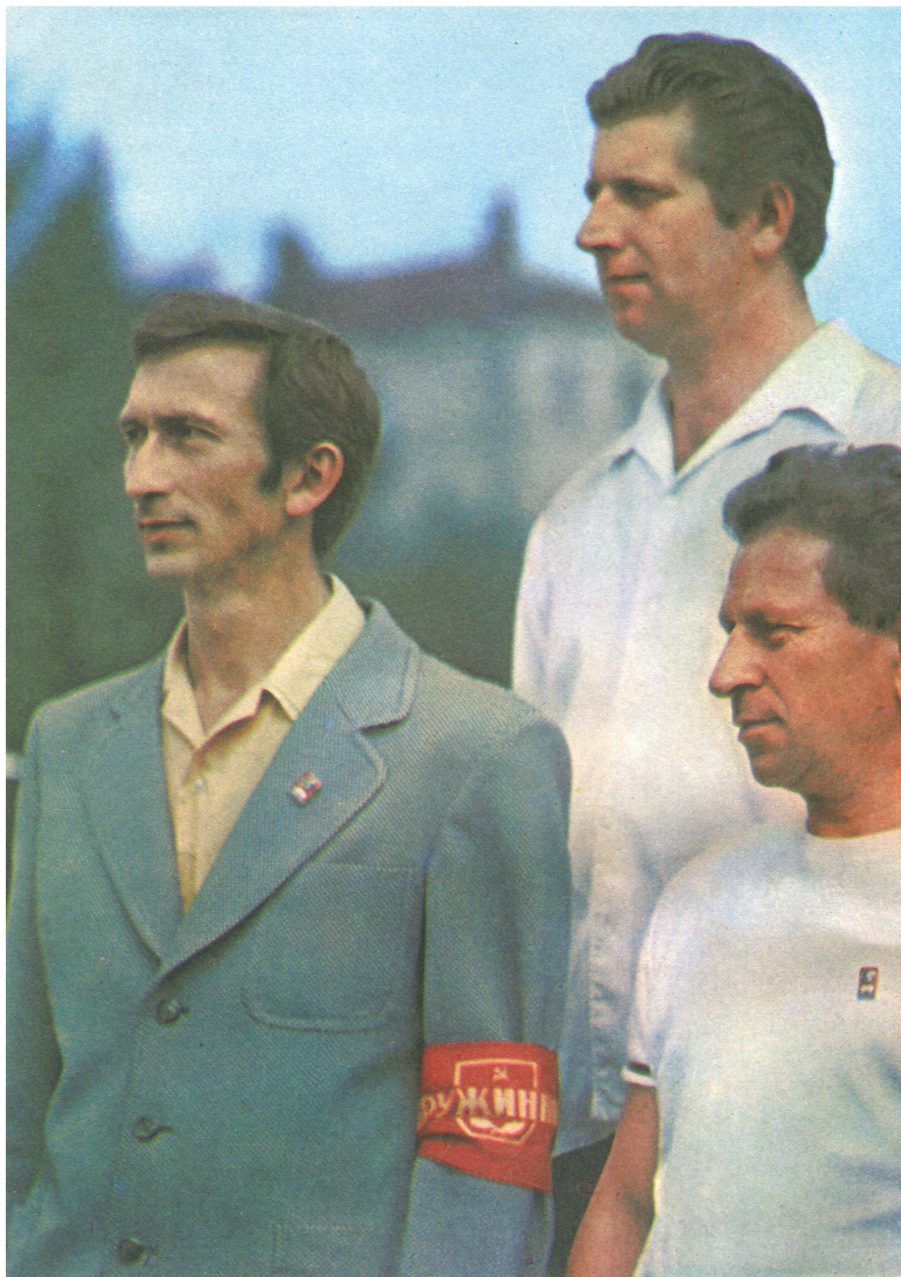
Тадевосян В. С. СЕМЬЯ И ЗАКОН. (Серия «Народный университет. Факультет правовых знаний»). 78 стр., 14 коп.

Автор подробно рассказывает о принципах советского семейного права, о взаимоотношениях семьи, общества и государства, знакомит читателя с вопросами брака, развода, личными и имущественными отношениями в семье.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Член Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей Верховного Совета СССР шлифовальщик Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината имени С. М. Кирова (Карельская АССР) Лео Топиасович Торикели.

Члены добровольной народной дружины Мосновского электромеханического завода имени Владимира Ильича первыми в стране приняли Торжественное обещание дружинника. И среди них — бригада слесарей-сборщиков, возглавляемая Владимиром Михайловичем Овчинниковым. За досрочное выполнение заданий девятой пятилетки и социалистических обязательств по росту производительности труда члены бригады удостоены высоких пра-

вительственных наград. В. М. Овчинников награжден орденом Октябрьской Революции, Н. А. Дубнов — орденом Трудового Красного Знамени, М. И. Кисин, В. И. Поляков и В. А. Сошников — орденами Трудовой Славы III степени.
На снимке: перед главной проходной завода герои пятилетки дают Торжественное обещание дружинника. Слева направо: В. А. Сошников, М. И. Кисин, Н. А. Дубнов, В. И. Поляков, В. М. Овчинников.

Четвертый год работает в органах внутренних дел сельский участковый инспектор Балашихинского ОВД (Московская область) младший лейтенант милиции комсомолец Виктор Николаевич Андреев. Ему близки все дела и заботы людей, живущих и работающих на территории его участка.

На снимке: В. Н. Андреев интересуется, как идет вспашка зяби в селе Пехра-Покровское.

ПРИЕМ — С ПОЛОВИНЫ ПЯТОГО...

Старинные мозеровские настенные часы пробили четыре. До начала приема осталось тридцать минут. Люди сидят на новеньких деревянных диванах, расставленных вдоль стен коридора, толпятся у широкой, обитой коричневым дерматином двери со стеклянной табличкой «Начальник отделения милиции Данков Н. И.». Каждый пришел со своим. И это свое заставляет посетителей мысленно представить себя уже сейчас в кабинете начальника. Когда открывается дверь и кто-то из работников милиции выходит от начальника, стоящие рядом с дверью пытаются заглянуть в кабинет. Но, кроме открытого настежь окна да зеленой ковровой дорожки, не видно ничего.

Тот, кто пришел в это отделение впервые, старается выяснить: ну, как он, начальник-то, покладистый?

В ответ одни безнадежно машут рукой, другие пожимают плечами, а кто-нибудь скажет ободряюще: «Ничего, покладистый...»

В глубине кабинета, за широким столом, обтянутым зеленым сукном, сидит начальник отделения милиции Данков.

Крепко сжав ладони, он задумчиво смотрит на массивный чернильный прибор с бронзовым медведем, который тянется мордой к бочке. В бочке не мед — чернила. Сегодня ему позволили из управления и предложили новую должность — заместителя начальника райотдела. Конечно, открывшаяся перспектива про-

движения по службе была приятна, но Данков считал себя человеком обыкновенным—таким, как он, среди начальников милиции много. Справится ли с новой работой? Он высказал свое сомнение.

— Разве начальники—сверхчеловеки,— посмеиваясь спросил звонивший и, похвалив Данкова за скромность, велел подумать.

И Данков думал. Большой объем работы не пугал его. Но уходить из отделения не хотелось. Он привык к своим сотрудникам. Привык и к сложной и беспокойной жизни нозого микрорайона, который вобрал в себя жителей из разных концов Москвы—из Черкизова, Таганки, Останкина, Марьиной Рощи... Наладились контакты с жэками, предприятиями, дружинниками, общественными организациями.

Но жизнь есть жизнь. Новая должность несла с собой более высокую зарплату, звание. И, чего греха таить,—надежду на быстрое получение квартиры. А может быть, лучше по-прежнему, вертеться на земле колесом, чем быть спицей в нем, рассуждал он,—в райотделе такой суетной, но насыщенной жизни не будет.

Данков встал из-за стола и подошел к окну. Над улицей—яркое солнце. Лето в самом разгаре. В воздухе плывут белоснежные пушинки, слетев-

шие с тополей. Эти мощные деревья все еще стояли на строительных площадках, у опустевших деревянных, отживших свой век бараков. Вдали трубы ТЭЦ. Облака белого пара. По сторонам, насколько видно, растянулись новые пятиэтажные корпуса домов из белого кирпича и панелей.

Лавируя между автобусами и грузовиками, к отделению ловко подкатил патрульный мотоцикл. Рыжеватый милиционер с трудом вытащил из коляски пьяного.

— Ну, что за народ! — Данков нахмурился. — Сколько раз говорил, чтобы пьяных не возили в милицию.

Он подошел к селектору и,

нажав рычаг, соединился с дежурным.

— Болашев, почему опять пьяных принимаете?

— Виноват, товарищ начальник. Милиционерам показалось, что ограбили его. Ни часов, ни документов. Только мелочь, копеек шестьдесят.

— Что значит — показалось?

— У кафетерия крутились около него двое. Был в куртке и галстук, а подобрали без всего этого.

— Наряд на место верните немедленно. Пусть ищут этих двоих, очевидцев устанавливают, а пьяного — в медвытрезвитель. И чтобы акт составили подробнее. Когда в себя придет, опросите. Где пил, с кем пил.

— Понял, товарищ начальник. Все будет сделано.

Данков взглянул на часы и убрал в сейф папки с документами. Во время приема населения стол должен быть чистым. Он наскоро просмотрел доклад к завтрашнему совещанию в райотделе. Докладом он был доволен. Отчитываться было чем. Не понравился только последний раздел: «Коллектив отделения, понимая всю важность профилактики,— читал Данков,— в последнее время принимал определенные меры к улучшению этой работы... По месту работы правонарушителей направлено... писем для принятия мер общественного

воздействия... Проведено бесед...».

Все это надо переделать, решил Данков. Уж не раз эти фразы слышаны-переслышаны. Профилактика — это прежде всего люди, с их бедами, заботами, неурядицами. Мы все повторяем привычно: работа проводится, имеются серьезные недостатки. Сотрудников за этот неудавшийся раздел, с его коротенькими полустинами, со штампами, скрывшими живое дело, винить нечего. Сам виноват! Наверно, в нем самом засела эта дурная манера с важным видом выдавать чужие мысли за свои. Получается, что не он, Данков, а инспектор оценивает всю работу отделения. Не дело это!

Пойду к Антонову, решил Данков, попрошу подобрать дополнительный материал. Вечером поработаю над разделом о профилактике.

Еще в коридоре он услышал громкие голоса, доносившиеся из кабинета его заместителя по уголовному розыску. Перед Антоновым, закинув ногу на ногу, сидела женщина. В короткой замшевой юбке, с брошко намазанными бровями, умело положенным кремом под летний загар на лице, она казалась молодой и была посвоему хороша.

Данков узнал в ней Верку-Тараторку — карманную воровку со стажем. Судилась не

раз, но в последние два года не попадалась. Говорили, попритихла.

Аккуратно вытирая слезы, стараясь не задеть окрашенные голубой тушью веки, она всхлипывала и громче, чем надо, отвечала на вопросы. Но и плача, она держалась задиристо.

Данков знал, что ее задержали еще вчера за кражу из квартиры зубного врача Белкина. Эта кража принесла много хлопот работникам уголовного розыска. За две недели Белкин успел написать четыре жалобы на бездействие отделения милиции. Жалобы были необоснованные, но все равно неприятно.

— Не в цвет говорите, товарищ Антонов, пустой номер тянете. Факты давайте.

Увидев Данкова, Верка заговорила еще напористее.

— Вы только посмотрите, Николай Иванович! Приезжает этот Шерлок Холмс с поплавком, с работы берет, сажает. А за что? За что?! Нету такого права, чтобы людей компрометировать. Набрали сотрудников! Телефонами обставляются и думают, что на три аршина под землю видят. А я чиста! Хоть под рентген ставьте...

Тараторка говорила уверенно.

— Зачем же под рентген,— Данков удобно уселся на стареньком клеенчатом диване и,

делая вид, что не спешит, закурил.—И так разберемся.

— Можно я закурю?

Данков протянул ей сигареты.

Но Тараторка закурила свою, с длинным мундштуком. Лицо ее стало бесстрастным.

— Ну, успокоились? — обратился к ней Антонов.— Давай-те, Вера, по душам.

— Еще чего... — взорвалась она.— По душам захотел! Разжалобить хочешь. Все равно напрасно. Зазря в обходительность играешь...

— Не хотите по душам, не надо, можно и по-формальному,— сдерживаясь, ответил Антонов.— А насчет хлопот, так мы не для своего кармана. Вы, Вера Евгеньевна, напрасно так. Ругаться — только себя позорить. Руганью ничего не докажешь.

— Не нас оскорбляете,— добавил Данков.— И ругань эта не от несправедливости. Инстинкт самосохранения, не больше.

Верка исподлобья посмотрела на Данкова.

— Доказательств у нас больше, чем надо. Туфли-платформы у вас отобрали еще вчера — это раз.

— Я их с рук в универмаге за полсотни купила,— отрезала она.

— У Насти Хлюстовой из мебельного гранатовые сережки изъяли — это два.

— Это у нее, а не у меня изъяли,— Тараторка глубоко затянулась.— Мало ли у кого какие сережки бывают. А если ворованные, с нее и спрос.

— Это легко проверяется. Хлюстова показала, что купила у вас, и свидетели есть.

— Это ложь. Какие еще свидетели?

— Вот почитайте,— Антонов протянул ей протоколы допросов.

Тараторка на них даже не взглянула. Отвернулась.

— Дайте очную ставку. Очень хочу я посмотреть на эту Хлюстову и на свидетелей тоже. В их глаза бесстыжие...

— Ну, а с Костей-Слоном тоже дать очную ставку? — спросил Антонов.

— У него, Вера Евгеньевна, мы тоже кое-что изъяли,— добавил Данков.— Но это еще не все.

— Гада Настька! До Слона добрались. Я этой стерве гляделки набок сверну! — Она вскочила со стула.— Раскапывайте еще двадцать, тридцать, пусть сто доказательств — все равно кража не моя.— Она глядела на Данкова ясными, чистыми зелеными глазами. Они были уже не злы. Они были спокойны и лгали.

Данков не сердился на нее. Ему было даже по-своему жалко Веру. Он знал ее совсем другой. Не такой, какой она сейчас сидела перед ним.

Вглядываясь в ее еще красивое лицо, он пытался разгадать причину ее окончательного падения. Ходить по чужим мужьям и их же обворовывать — это вроде бы не по ней. Видно, неудачно сложившаяся жизнь сломала своенравный ее характер.

— Что ж так получилось, — обратился он к ней, — в который уж раз вы себя из-за легких денег не жалеете? Что муж и дочь теперь скажут?

— Что скажут, то и скажут, — рассеянно ответила она. — Дочь жалко. А муж... был, да сплыл. О нем мне думать нечего. А вы-то чего такую заботу проявляете? — уже со злобой в голосе спросила она.

— С мужем-то расписаны были?

— Была.

— Значит, теперь еще одна фамилия прибавилась!

— А какая разница? Не все ли равно, под какой фамилией на нарах валяться. Меня и без фамилии кому надо знают. Не перепутают.

Данков смотрел на нее и вспоминал, как еще на прошлой неделе зубной врач Белкин, полный сознания своего достоинства, величественно уселся в его кабинет. Привычным движением руки посетитель поправил зачес, слегка прикрывавший лысину, и протянул Данкову листки бумаги.

— Пока вы разыскиваете

преступников, товарищ майор, — нагло проговорил он, — я уточнил стоимость похищенного. Прошу вас приобщить это к делу.

Данков внимательно прочитал заявление, аккуратно отпечатанное на машинке. Указанная в нем сумма значительно превышала первоначальную.

— А я смотрю, вы энергичный человек, — сказал он, а про себя подумал: он и в таком деле выгоду нашел.

— Я понимаю вашу иронию. Она после моих заявлений в инстанции? — язвительно спросил тот. — Не обижайтесь. Как говорится, под лежащий камень вода не течет.

И, не скрывая усмешки, спросил:

— Вы считаете, что жаловаться безнравственно? Или лучше не писать, потому что жалобы не тульские пряники и они кое-кому не приносят спокойного сна?

— Зачем же так? Вы неверно ставите вопрос. Заявления и жалобы, когда они справедливы, всегда полезны. Но ваши — лишь отвлекали нас от работы. Розыск и без них ведется достаточно активно.

— Что же вас смущает?

— Меня ничего не смущает. Давайте поговорим о деле. Я думаю о том, что объективности ради есть смысл допросить вашу жену.

— Вы не имеете права обвинять меня в необъективности,— прервал его Белкин.— Я плохо понимаю вас.

— Плохо потому, что перебиваете и не дослушиваете до конца. Итак, вот почему. Похищенное — в основном женские вещи и украшения. Ваша жена лучше знает цену и приметы каждой из них. Это — во-первых. А во-вторых, допрос жены необходим и потому, что нам нужно установить всех лиц, которые имеют доступ в ваш дом. Ведь кража-то совершена без взлома дверей и подбора ключей к замкам. Это установлено экспертизой. Да и вы сами знаете это не хуже нас.

Толстое лицо Белкина вытянулось. Глаза смотрели ошалело.

— Вы не имеете права подозревать в преступлении моих друзей и близких,— почти прокричал он, придя в себя.— Эти люди вне подозрений. Я буду жаловаться...

— Я же не сказал, что мы подозреваем их. Но выяснить все обстоятельства не только наше право, но и обязанность.

— Кажется, вы убедили меня. Я не возражаю против допроса жены. Правда, она сейчас на отдыхе в Паланге. Гипертония. Сердце. Нервы. Сами понимаете — модные болезни времени,— он вдруг улыбнулся и почти просительно

сказал: — Я заберу свое заявление?

— Раз принесли, пусть останется. Думаю, что пригодится для дела.

...Эту встречу с Белкиным и вспоминал сейчас Данков.

Он встал с дивана и прошелся по кабинету.

— Послушайте, Вера Евгеньевна, давайте только без сцен. Расскажите, как вы попали к Белкину?

Она медленно подняла голову и решительно взглянула на Данкова. В ее глазах уже не было злобы. Рука опять потянулась за сигаретой.

— Если рассказывать, то всей жизни не хватит,— губы у нее задрожали.— Подло все это. За это и расплачиваюсь теперь. Как попала... Я давно живу без предрассудков. Если в гости зовут — отказываться грех. В общем, по нашей воровской поговорке: носим поношенное, любим брошенных... Ладно, Николай Иванович, оформляйте протокол.

— С протоколом успеется. Вы нам по-человечески расскажите.

— Когда приперли, я всегда по-человечески. Только Слон здесь ни при чем. Его не впутывайте. Вещи я дала ему. Для продажи. О деле он ничего не знает. Ну, а о краже... Может быть, и не совершила бы я ее. Да разозлилась на этого вашего Белкина. Сам коньяк и вино

французское, «бужелен» какой-то, пить начал, а мне все водку и рислингу дешевенького. Ну и завелась я, конечно. Сразу решила: так не уйду. Когда этот жлоб уснул, я ночью собрала побрякушки и спрятала их в лифте через люк, который в потолке кабины. Наверх положила.

— И он не заметил кражи?

— Вместе мы утром вышли. Чтoб не догадался, попросила подать мне в ванную губную помаду из сумочки и все такое прочее. Когда провожал — обнял. В общем, как говорится, все на виду. Видел и знал, что его вещей при мне не было.

Коротко и без особых подробностей она рассказывала о краже.

— Если бы не Настька — не созналась бы. Не было у меня в жизни счастья, — задрожавшим голосом тихо проговорила она. — Какое может быть счастье у воровки? Ворованное!.. — И заплакала.

Данков взглянул на часы, вздохнул:

— Мы еще поговорим, Верка, — и пошел к себе.

В кабинет первым вошел светловолосый, небольшого роста парень в синей клетчатой фланелевой рубашке.

— Я к вам по очень важному делу, товарищ начальник. Я Арбенин, вы уже, наверное, слышали обо мне.

— Фамилия мне известна с детства. Но о вас лично не слышал ничего.

Парень, явно волнуясь, неловко пристроился на стуле.

— Я понимаю, что вы шутите над моей фамилией. Но меня эти шутки до хорошего не доведут, — в тон ответил парень и улыбнулся. — Мне сказали, что материал на меня уже направили к вам в милицию.

— Какой материал, кто сказал?

— В медвытрезвителе. Я попал туда случайно. Это честно.

— В честности не сомневаюсь, но таких случайностей не бывает.

— Бывают, товарищ начальник. Я вот тут все написал, прочитайте, пожалуйста, — парень протянул сложенные вчетверо листки бумаги.

Данков читать не стал и отложил листки в сторону.

— Вы лучше расскажите, в чем ваша просьба. Всего на бумаге не изложишь. Так что давайте просто и не официально.

— Как бы вам сказать. Здесь вроде бы все просто и не просто. В общем, в воскресенье я побывал в медицинском вытрезвителе. За сервис, — Арбенин горестно усмехнулся, — как полагается, рассчитался полностью. Сразу же, на следующий день. Теперь боюсь одного — говорят, на работу

письмо писать будут. А это для всей нашей лаборатории позор. Василия Даниловича, шефа моего, жалко. Из-за меня, дурака, головомойку страшную устроят. У нас насчет этого пьянства в институте обстановка беспощадная.

— Скажите, Арбенин, вы что, только о своем шефе и о головомойке беспокоитесь? А о себе беспокойства нет?

— О себе нет. Что заслужил, то и получу.

— Я не об этой получке... Я о том, почему пьете до потери сознания.

— Какой из меня питок? У меня к водке отвращение. Перед ребятами неудобно было. На новоселье собрались. А тут еще и шампанского целый фужер. Ну и развезло, конечно.

— Развезло, говорите? Хороши друзья у вас, Арбенин. В таком состоянии из дома выставляли...

— Да нет, товарищ майор, ребята у нас на работе отличные. На машинах по домам разъехались.

— А вас оставили?

— Нет. Тоже на машине ехал. Только приехал не туда, куда надо. Таксист стервец попался...

— Это как понимать? Сами пили без меры, а таксист виноват оказался?

— В какой-то мере да! Когда подвез к дому, стал деньги

требовать. За весь рейс от Черемушек до площади Восстания. Сукин сын! Он же с ребят получил полностью. За трояк опозорил. Я, конечно, платить во второй раз отказался. А он меня прямо в милицию. Ну, а там выпивший всегда виноват. И слушать не хотели. Вот и попал в вытрезвитель.

— Хорошо, Арбенин, мы разберемся с этим и насчет таксиста досконально. А сейчас идите домой. Но знайте, если душой покривили, на человека наговорили, уж, как говорят, не обессудьте.

Арбенин заулыбался, не в силах сдержать радость, и пошел к двери. На пороге обернулся и громко сказал, почти крикнул:

— Спасибо, товарищ майор!

В кабинет тут же вошли двое. Молодая еще женщина, не по годам располневшая, и рослый широкоплечий парень с коротко остриженными волосами. Строгое лицо женщины с неожиданно добрыми и доверчивыми серыми глазами, открыто смотревшими из-под припухших век, было необычно. Парень остановился у стола и, скрывая напряженность, оглядывал кабинет много додивавшими глазами.

Данков внимательно посмотрел на женщину, одетую в красную с высоким круглым воротом шерстяную кофту, с зеленым газовым платком во-

круг шеи. Это была Доброхотова, та Галка Доброхотова — бывшая «авторитетная воровайка», «блатная пацанка», которая несколько лет назад была частой гостьей в милиции. Данков знал, что первая судимость образумила ее — живет тихо.

Он показал на стул. Спросил:

— С чем пожаловали?

Доброхотова переглянулась с парнем. Тот потупился.

«Пожалуй, из судимых», — подумал Данков, присматриваясь к загорелому лицу парня, большим огрубелым рукам.

— Николай Иванович, насчет прописки мы, — заговорила Доброхотова. — Поженились, а живем порознь. Вот решила мужика к себе взять.

— Муж-то откуда?

— Москвич я, — выдохнул парень.

— Не судились?

— Судился. За кражу, — он настороженно взглянул на Данкова.

— Чего ж к Галине перебираетесь? Жилплощадь своя не позволяет?

— Все позволяет. Наш начальник милиции не позволяет. Зачем, говорит, мне судимых на территорию к себе прописывать. Своих, говорит, хватает.

— Что ж это он вас так?

— Кто его знает. Без вас, говорит, воздух чище. Сказал:

иди к жене. Коли любит, пропишет. И тебе и нам спокойнее будет. От дружков отойдешь — тебе же на пользу. Вот мы и пришли.

— Пришли, говоришь? А я ведь тоже не из добреньких, и в районе своих хватает.

— Гражданин начальник, — забасил парень. — Вы в отношении меня можете быть спокойны. Все плохое я за забором колонии оставил. Надоело мне жизнь на нарах проводить.

Лицо его покрылось испариной, а руки теребили пуговицы на пиджаке.

Доброхотова попыталась вступить в разговор.

— Подожди, Галина, — остановил ее муж. — Я сам расскажу все. Гражданин начальник, когда я воровал, не думал, как на меня люди смотрят и что думают. А сейчас нет, не все равно. Вот уж год как на свободе, работаю, а каждый день стыд за прошлое. Перед каждым встречным стыд, хотя и рассчитался за все сполна... Объятий распростертых я не ожидал — не с войны героем прибыл, но ведь можно же человеку поверить? Не верят. Вот и вы сейчас выслушаете по долгу службы, посочувствуете и откажете. Как говорится, людей сердобольных много, а помочь некому.

Данков промолчал и начал читать заявление Доброхотой и ее мужа, к которому

нитками были аккуратно подшиты необходимые для прописки справки, выписки, характеристики...

«Участвовал в общественной жизни... Когда начальник колонии вывел меня за ворота зоны и говорил мне напутственные слова, у меня комок под горло подкатывался... Помогите мне устроить мою жизнь, если вас это не затруднит...»

— Вы, Федулов, насчет сердоболия и сочувствия не давите,— оторвался Данков от бумаг,— все мы чувствительные, все люди. И закон чувствителен. Учитывает все. Жаль, что, когда на преступление человек идет, он про чувствительность забывает. Посмотрите, сколько в приговоре потерпевших указано,— послушали бы вы их мнение.

— Я понимаю, что моя судимость — это не почетная грамота. Но жить-то надо. И насчет своего начальника я не в обиде. Может быть, он и прав. Не хочет, чтобы я опять со своими прежними дружками схлестнулся. А здесь меня никто не знает, да и Галина со своим прошлым завязала давно... Мне бы только работу здесь по специальности подобрать. Слесарем-сборщиком...

— Работа в районе найдется. Район промышленный. Не о том забота. За старое не взялся бы.

— Да что вы, товарищ начальник!

— А вот то, Федулов.

— К старому у меня дороги нет и не будет. Это уж точно.

Данков убористым почерком написал на заявлении: «Прописку разрешаю».

Часы пробили половину шестого. Жарко. Мучает жажда. Данков выпил уже второй стакан воды. Чертовски хотелось курить, но у него было твердое правило: во время приема граждан — ни одной сигареты. Не всякий посетитель переносит табачный дым.

А посетителям, казалось, не будет конца.

Дверь медленно приоткрылась, и в кабинете появилась немолодая интеллигентного вида женщина. Данков узнал ее сразу — его бывшая учительница географии. Он встал из-за стола и пошел к ней навстречу.

— Здравствуйте, Клавдия Дмитриевна!

— Здравствуй, Коля! — и, взглянув на столик, уставленный телефонами, шутливо сказала: — Вот ты теперь какое важное лицо!

Данков смущенно улыбнулся, предложил ей сесть.

— Не скромничай. Как говорится — факт на лице. Не научился душой кривить. Как на работе? Как дома?

— Спасибо, Клавдия Дмитриевна, вы-то как?

— Мое дело стареть. Годы летят. А на здоровье пока не жалуюсь. Но, видно, скоро буду. Не годы, так соседи заставят.

— Что у вас случилось, Клавдия Дмитриевна?

Наступила долгая пауза.

— Понимаешь, Николай,— сказала она, вздохнув,— это может показаться пустяком. А для меня—это серьезно... История совсем не занимательная. Монахова, соседка моя по лестничной площадке, ведет себя, мягко говоря, плохо. Даже на мою Альму ополчилась.

— Это на собаку вашу, что ли?

— Да! Словно кость поперек горла для нее моя собака.

— Альму вашу я знаю. А вот Монахову... В первый раз слышу о ней. Что она за человек, Клавдия Дмитриевна?

— Не люблю я людей плохо говорить, тебе это известно. Но о ней и хорошего ничего не скажешь. Злой человек. Жестокий даже.

— Жестокий? С кем она живет?

— Дети есть. Двое. А мужа нет... Вчера ее ребята на пустыре набросились на Альму. Камни и палки в ход пустили. Собака старая, убежать не может. К земле прижалась, дрожит вся. Хорошо, что подоспела вовремя. Забили бы.

— Зрелище, конечно, отвратительное...

— А Монахова высунулась в окно, хохочет. Кричит на весь двор: «Ты, старый нафталин, лучше бы своих детей завела вовремя, а не с собакой возилась. А на моих не смей голос поднимать. Все равно собаку твою доколотим».

«Да, у каждого свои проблемы,— подумал Данков.— Для старого, одинокого человека это, может быть, и трагедия».

Ему стало жалко Клавдию Дмитриевну.

— Ну, а в остальном-то она как? Нормальный человек?

— Пьяница.

— А что еще?

— А что ты хочешь узнать?

— Хочу понять, в чем дело. Вы рассказали, как она в окно высунулась и кричала. А я хочу знать, какая она дома, когда окна закрыты.

Клавдия Дмитриевна усмехнулась.

— Зачем тебе это?

Данкову стало от этого нехорошо на душе, и он заговорил с необычной горячностью:

— Да как же еще спасти вашу собаку, Клавдия Дмитриевна? Чтобы поговорить с Монаховой, надо понять ее, надо найти дорогу к ней.

— Я уже пыталась говорить. И по-доброму тоже. Но в ответ — отчужденность, неприязнь.

— Может, жизнь у нее была

нелегкая? — сказал Данков и подумал о том, сколько еще людей сидит к нему на прием с большими, жизненно важными делами.

Учительница задумалась и ответила:

— Нелегкая, правда. Сначала проводником на железной дороге. Потом маляром. Без мужа о двоих о ребятах думала. Но такая жестокость к животному?! Ведь какими ее ребята вырастут?

— И никто не помогал ей?

— Не знаю...

— Хорошо, приглашу я ее, побеседую... Может, это поможет.

— Очень прошу тебя, Николай, не перепоручай никому. Сам поговори. Не будешь наказывать ее?

— А разве вы нас наказывали, Клавдия Дмитриевна?

Учительница улыбнулась, сказала:

— Ну, извини, Николай, я, пожалуй, пойду.

— Вы меня извините, Клавдия Дмитриевна. Может, я что не так сказал.

— Нет, нет. Я тебя понимаю. Наверное, и с озлобленным человеком можно найти общий язык. И наказанием тут мало чего добьешься... Может, тебе и не стоит вызывать эту Монахову?

Учительница медленно пошла к двери.

— Я завтра же приду к вам,

Клавдия Дмитриевна. Обязательно приду,— громко сказал Данков.

Но дверь уже закрылась. Чтобы скрыть от самого себя смущение, Данков стал аккуратно складывать в красную служебную папку бумаги и заявления, оставленные ему посетителями.

Когда он поднял наконец голову, перед его столом стояли мать с сыном. Мать — крупная, с ярким румянцем на щеках. Видно, с сердцем неважно и гипертонией страдает, почему-то решил Данков. Ее сын, белобрысый с аккуратным пробором парень, почти на голову выше матери. Он смотрит на Данкова своими голубыми глазами серьезно, пожалуй даже строго.

— Мы от инспектора детской комнаты Конкиной. Ее не застали, решили к вам. Так что уж извините.

— Слушаю вас.

Их рассказ был несложен. Парень вернулся из колонии. Комиссия по делам несовершеннолетних направила его в пятое автохозяйство города. Но там в приеме на работу отказали. Начальник отдела кадров сказал, что без среднего образования он парня в автослесари не возьмет.

Ну и бюрократ этот Добилив, подумал Данков. Знает, что творит беззаконие. Знает, но творит. Не за дело, а за свос

спокойствие борется. Да, этот Добиллов хорошо усвоил, что уровень его личной работы пока что оценивается не количеством добрых и нужных дел, исправленных человеческих судеб, а процентом нарушений трудовой дисциплины, увольняемости, текучести, сменяемости кадров.

Данков вспомнил, как Добиллов на районной комсомольской конференции говорил о важности воспитания подрастающего поколения, о профилактике правонарушений среди подростков. Он критиковал тогда руководителей предприятий, учреждений, жэков, которые закрыли на замки пустующие помещения, залы, красные уголки, спортивные площадки. Досталось от него и директорам клубов, которые больше всего беспокоятся о выполнении финансовых планов.

Досталось и ему, Данкову, за то, что его работники не поддерживают должных контактов с руководителями и общественными организациями районных предприятий.

Данков тогда не оправдывался и полностью поддержал Добилова. Все, о чем он говорил, было правильно. Да вот сам-то он, видно, хорош.

Данков кашлянул в ладонь и смущенно посмотрел на мать и ее сына.

— Вы прежде времени не

расстраивайтесь. Все будет хорошо.

Склонившись над столом, он на служебном блокноте размашисто написал свой номер телефона и протянул листок парню.

— Вот возьми. Завтра после двенадцати позвонишь. Я скажу, что делать и к кому пойти. Считай, что рабочее место автослесаря тебе обеспечено.

Проводив их, Данков уселся за стол и, забыв о своем правиле, закурил. Зимой этот Добиллов не принял Мотылеву, которая судилась за подделку листов нетрудоспособности, а потом и Осипова, который отбыл наказание за драку по пьянке. Мотылевой, правда, отказал умело. Сказал, что оклад у машинисток в автохозяйстве небольшой. Посоветовал пойти на завод железобетонных конструкций — там платят больше. Даже позвонил туда. Заботливым человеком представился. В таких, как Добиллов, не разберешься сразу и на чистую воду его не выведешь — научились говорить о важных вещах как надо и при этом надо.

В кабинет вошла худенькая розовощекая девушка.

— Вы начальник милиции? — деловито спросила она, удобно усевшись на стуле.

— Да! Разве вы на прием шли к другому?

Не смутилась.

— Тем лучше. Значит, попала к тому, к кому надо! Я так долго ждала... Не разрешите ли стакан воды. У вас в отделении даже напиться негде.

С любопытством смотрел Данков на эту спокойную и уверенную в себе девушку, протягивая ей стакан.

— Благодарю, товарищ майор... Скажите, вы гуманный человек?

— Это вопрос не по существу.

— Почему вы так отвечаете?

— Вы же не за интервью пришли. У вас цель другая.

— Несомненно. Но от вашего ответа зависит многое. И я надеюсь...

— Может быть, вы причину своего прихода изложите?

— У меня личных просьб нет.

— Вы хотите просить о другом человеке?

— Разумеется, да!

— Почему разумеется?

— Потому что человек сам сделать этого не может.

— Почему же?

— Он болен. Практически недвижим.

— Чем мы можем помочь ему?

— Лично вы и ваши сотрудники ничем.

— А вы?

— Я думаю, что без меня ему будет трудно.

— Кому ему?

— Моей тетке.

— Пока не понимаю.

— Я разъясню. Тетке далеко за семьдесят. На улицу не выходит. У соседей ей одалживаться стало неприлично.

— И что же?

— Она живой человек. Рассудок ясный. Горда по-своему. Но кашу и чай ей варят чужие люди. Они же уборку делают.

— Вас это смущает?

— Нет. Скорее возмущает. Это не тот случай, когда несчастье облагораживает людей.

— Опять не понял.

— Зачем вы скромничаете, товарищ майор? Вы же мудрый человек...

— Давайте все же вернемся к делу.

Данков ждал и не торопил ее.

— Я не хочу говорить о людях плохо,— после паузы продолжала девушка.— Но уверена — соседям нужна теткина комната, а не ее здоровье. Их забота — пустая видимость.

— Зачем же так?

— Они уже записались на мебельный гарнитур. И холодильник. В их комнату все это не поставишь.

— У тетки какая площадь?

— Двадцать и три десятых квадратных метра.

— А у них?

— Примерно столько же.

— И что же?

— Рассчитывают на ее комнату.

— Расчет — это еще не право на площадь.

— У них связи. А насчет права. Оно у них, по-моему, есть. Они научные работники, и им дополнительная площадь полагается. Я выяснила.

— Чем больна ваша тетка?

— Спондилез.

— А вы не предполагаете, что их помощь бескорыстна?

— В их положении это было бы наивно.

— Почему же?

— Их трое в одной комнате. А здесь возможность...

— Не убедительно. Они ведь взрослые люди и не могут не знать, как такие дела решаются. Вы-то сами что хотите?

— Ухаживать за теткой.

— Для этого не требуется разрешения милиции.

— Спасибо большое. Я знала, что милиция всегда поможет.

— Ну вот и хорошо.

— Скажите, я должна установить опеку?

— В данном случае не обязательно.

— А как же я смогу ночевать у тетки? Соседи могут воспротивиться.

— У вас московская прописка?

— Конечно. У нас с мамой однокомнатная квартира.

— Тогда и беспокоиться нечего. Я дам указание участковому инспектору.

— А может быть, лучше прописаться?

— Зачем же? Внимание и забота такой формальности не требуют.

— Это далеко не формальность. Тем более что переезд к тетке — это не только мое присутствие. Мне там потребуются личные вещи, учебники, письменный стол. Раскладушка, наконец.

— Вещи и раскладушка прописки не требуют.

— А разве опека не дает права на прописку?

— Дает. Но вам она зачем? Тем более прописка — это еще не всегда право на площадь.

Последовала пауза. Данков с возрастающим любопытством смотрел на девушку.

— Об этом я не знала, — заспешила она. — Я подумаю и, наверное, приду к вам еще.

— Пожалуйста, но ответ будет тот же.

Он не без грустной усмешки смотрел вслед уходящей девушке.

Молодо-зелено, в обиду брать не велено — наверное, в этой пословице тоже своя мудрость есть, и, задумавшись, он забарабанил пальцами по краю стола.

Прием окончился. Данков остался один. Он устал от напряжения и переживаний людей, покинувших его кабинет. Минуты две он сидел с закрытыми глазами. Потом снова на-

чал просматривать тезисы своего доклада. «Понимая требования жизни, мы сосредоточили внимание... Однако в профилактической деятельности у нас еще немало существенных недостатков... Все это помогло оказать положительное влияние...».

И вдруг подумал, что это, в сущности, точные, емкие формулы. Без них не обойдешься. Конечно, они кажутся скуповатыми в сопоставлении со всеми сложностями подлинной жизни. Но ведь его будут слушать люди, которым, как и ему, Данкову, и его сотрудникам, приходится каждодневно уча-

ствовать в жизнеустройстве таких вот непохожих человеческих судеб. И его поймут.

Лишь выйдя на улицу, Данков вспомнил, что забыл позвонить в управление и сказать, что же он решил о своем переходе на новую должность.

«Нехорошо, меня считают пунктуальным человеком, а я запамятовал. Непорядок это. Что же делать? Соглашаться или не соглашаться?» — думал он, медленно идя по опустевшей улице, и никак не мог сосредоточиться. Все время отвлекался, вспоминая то воровку Тараторку, то учительницу.

Рис. И. БРОННИКОВА.

**представляем
юридические
журналы**

Рассказывает главный редактор **ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КУЛИКОВ.**

26 мая 1925 года Пленум Верховного Суда СССР постановил начать издание «Вестника Верховного Суда СССР» для публикации материалов по вопросам общесоюзного законодательства, а также конституционного и судебного надзора. Первый номер вышел в декабре 1925 года.

В «Вестнике» постоянно печатались статьи, касающиеся проблем укрепления законности, правосудия и совершенствования общесоюзного законодательства, а также постановления пленумов Верховного Суда СССР, циркуляры Военной прокуратуры Верховного Суда СССР, приговоры судеб-

ных коллегий, информация о новом общесоюзном законодательстве и другие официальные материалы.

«Вестник Верховного Суда СССР» явился, по существу, первым общесоюзным юридическим журналом. Позднее он выходил под названием «Бюллетень Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР», а с 1957 года — «Бюллетень Верховного Суда СССР».

Наша задача — содействовать правильному пониманию и применению законов при осуществлении правосудия, предупреждать недостатки и ошибки в судебной практике. Мы постоянно публикуем руководящие разъяснения Пленума и определения судебных коллегий по гражданским и уголовным делам. Кроме того, в «Бюллетене» регулярно появляются статьи и обзоры, в которых анализируется практика рассмотрения судами тех или иных гражданских и уголовных дел, разъясняется, как правильно применять конкретные статьи закона.

«Бюллетень Верховного Суда СССР» выходит шесть раз в год тиражом около ста тысяч экземпляров. Наши читатели — судьи, работники органов прокуратуры, адвокатуры, юрисконсульты. Подписываются на «Бюллетень» и отдельные граждане, интересующиеся судебной практикой.

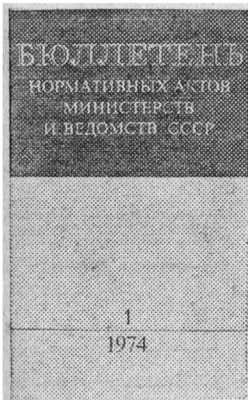
Рассказывает главный редактор НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МАЛЬШАКОВ.

«Бюллетень Верховного Суда РСФСР» начал выходить в 1961 году. Если говорить о наших задачах вообще, то они сходны с задачами «Бюллетеня Верховного Суда СССР»: содействие единственно правильному пониманию и применению законов. Мы регулярно публикуем разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР, определения судебных коллегий по конкретным делам, обзоры судебной практики. Кроме того, «Бюллетень» подробно освещает практику рассмотрения гражданских и уголовных дел президиумами Верховных

судов автономных республик и областных судов.

Все это ориентирует суды республики на правильное применение уголовного, гражданского, трудового, процессуального и других отраслей законодательства, способствует совершенствованию судебной деятельности, усилению борьбы с преступностью.

Тираж нашего «Бюллетеня» — около шестидесяти тысяч экземпляров, объем — два печатных листа, выходит он ежемесячно.

Рассказывает главный редактор ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ ПОМЕРАНЦЕВ.

«Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР» — самое молодое среди правовых периодических изданий в нашей стране. Первый номер вышел в июле 1972 года. Являясь органом Министерства юстиции СССР, «Бюллетень» предназначен в основном для работников суда, юрисконсультов, прокуроров, хозяйственных руководителей и экономистов.

Своевременная и широкая информация предприятий и хозяйственных организаций о принимаемых министерствами и ведомствами СССР нормативных актах, являющихся обязательными для других мини-

стерств и ведомств, — вот задачи нашего издания.

Для примера можно перечислить несколько нормативных актов, опубликованных нами на протяжении прошлого года. «О практике разрешения споров, связанных с капитальным строительством», «Положение о государственных морских лоцманах», «Правила приема в высшие учебные заведения СССР», «Инструкция о порядке юридического обслуживания колхозов, межколхозных предприятий и организаций», «Постановление Пленума Верховного Суда СССР о судебной практике по делам о приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов».

Тираж «Бюллетеня» превышает шестьдесят тысяч экземпляров.

ДРУЖИННИКИ ОХРАНЯЮТ ПРАВООРЯДОК

собеседник

Шабаш на складе

Разговор с читателем:

Человек человеку друг

А. ЗАЗУЛИН,
председатель исполкома
Мурманского областного
Совета депутатов трудящихся

ДЕЛА И ЗАБОТЫ МУРМАНСКИХ ДРУЖИННИКОВ

Принятые недавно Президиумом Верховного Совета СССР Указ о добровольных народных дружинах, а также Положение о них вызвали интерес у советских людей. Как практически отразилось новое законодательство на участии дружинников в охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями?

В нашей области эти вопросы систематически рассматриваются на сессиях и исполкомах местных Советов, заседаниях постоянных комиссий, депутатских группах. С 1973 года у нас развернулось соревнование за звание населенных пунктов и коллективов высокой культуры и образцового общественного порядка. Первые итоги радуют: наместились сдвиги в укреплении правопорядка в городах и на селе; число преступлений пошло на убыль.

Во всем этом немалая заслуга добровольных народных дружин, которые насчитывают в своих рядах более двадцати тысяч человек. Среди них — половина коммунистов и комсомольцев, около трех тысяч депутатов местных Советов. Сразу же после выхода постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных народных дружин по охране общественного порядка» Мурманский обком КПСС и обл. исполком тщательно проанализировали работу дружин области и наметили меры по активизации их деятельности. Основное внимание при этом было уделено широкому распространению оправдавших себя на практике форм и методов работы добровольных народных дружин. Повсеместно у нас укрепляется руководство дружинами, во всех городах и районах за их работу теперь отвечает один из заместителей председателя исполкома Совета.

Да и в самом содержании работы дружин произошли качественные изменения. Главный упор дружинники теперь делают на профилактику правонарушений, индивидуальную работу с конкретными людьми. Началось это с создания из числа активных дружинников профилактических групп при участковых инспекторах милиции. Члены этих групп теперь ведут индивидуальную профилактическую работу более чем с полутора тысячами граждан, состоящими на учете в органах внутренних дел области (ранее судимыми, семейными дебоширами, пьяницами).

Основные формы работы дружинников — беседы с правонарушителями, выезды по просьбе граждан для задержания хулиганов, усмирение квартирных дебоширов, а затем сообщение о хулиганских действиях по месту работы и учебы правонарушителей.

В большинстве городов и районов нашей области последовательно увеличивается число специализированных дружин. При всех крупных автохозяйствах созданы дружины, которые вместе с работниками ГАИ осуществляют контроль и надзор за безопасностью движения автотранспорта, помогают сотрудникам милиции в пропаганде правил движения и проведении ежегодных технических осмотров транспорта. На базе лучших дружин повсеместно созданы оперативные комсомольские отряды, которые ведут большую и ус-

пешную работу по предупреждению безнадзорности и преступности несовершеннолетних, шефствуют над трудными подростками и неблагополучными семьями. Специализированные группы дружинников по борьбе с хищениями социалистической собственности вместе с работниками БХСС участвуют в рейдах и проверках, смотрах сохранности государственной собственности.

Все более широкое распространение в области получают такие общественные организации по профилактике правонарушений по месту жительства граждан, как опорные пункты охраны порядка. Они созданы в микрорайонах городов, селах и деревнях. В советы общест-венности при опорных пунктах входят не только дружинники, но и работники домоуправлений, учителя школ, врачи, сотрудники детских комнат милиции, участковые инспекторы. Сейчас в Мурманской области создано двадцать четыре опорных пункта. Среди них особо выделяются пункты на улице Центральной и улице Генералова в Октябрьском районе Мурманска, в поселке Росляково — пригородной зоне города Североморска и некоторые другие. Опорные пункты ведут соответствующий учет правонарушителей, семейных дебоширов и пьяниц. В них установлено ежедневное дежурство. За сравнительно небольшой период работы опорных пунктов общественный порядок в микрорайонах города и поселках существенно укрепился. Сократилось число правонарушений, значительно уменьшился поток жалоб и заявлений граждан в органы милиции и райисполкомы.

Чтобы обеспечить четкое соблюдение социалистической законности, познакомить дружинников с соответствующими формами и методами работы, у нас в области разработана примерная программа их обучения на факультетах народных университетов и в лекториях.

Все это помогает дружинникам правильно понять свои задачи, повышает их общественную активность. И есть немало примеров, когда дружинники нашей области проявляли смелость, находчивость и даже героизм. Рабочий рыбокооп тралового флота Созинов с риском для жизни задержал вооруженного преступника, пытавшегося ограбить граждан. Рабочий Цуканов помог задержать матерого преступника, ограбившего гражданина Плеханова. Дружинники Бабиков и Лакизов преградили путь Никульникову, который намеревался совершить опасное преступление. Да всех примеров и не перечислишь. За добросовестное отношение к выполнению общественных обязанностей в прошлом году получили поощрения около пяти тысяч дружинников, из них двести восемьдесят шесть человек награждены знаком «Отличный дружинник» и сто одиннадцать занесены на Доску почета.

Н

а судейском столе — шестнадцать томов. Рассматривается уголовное дело о хищении государственного имущества в крупном размере. По материалам дела имущество форменным образом пропито. Пропито открыто и бессовестно.

У кладовщицы кафе от михневского ресторана, теперь подсудимой Евдокии Ивановны Тропицыной, на складе стояли ящики вин, самых разнообразных: «вермута», «рислинг», «рубина», «портвейна» (какого хотите — белого, розового, красного) и прочих марок. И поскольку она страдала питейной страстью, употребляла вино безмерно.

— Я выпивала по пять-шесть бутылок вина в день, — грустно признается она в судебном заседании.

К концу работы, глядишь, компания собралась. Кто-то для «затравки» с бутылочкой пришел. А Евдокия Ивановна, хоть и крикливая, шумная на работе, но людскую слабость понимала. Вот как в суде отозвался о кладовщице свидетель Евгений Иванович Щербаков (муж другой подсудимой — Марии Михайловны Щербаковой):

— Однажды мы с женой ездили к Тропицыной в гости. Приняла она нас хорошо. Если ей принесешь бутылку, то она десять выставит. Тропицына — золотой человек. Приютила мою жену с ребенком, когда ей негде было жить. Это еще до брака со мной.

Сама подсудимая Щербакова тоже отметила «душевную широту» Тропицыной:

— У Тропицыной на складе я часто видела пьяную компанию. Пять-шесть человек. К ней приходили с бутылкой, а она пять поставит. Тропицына не терпела одиночества. Любила, чтобы ее постоянно окружали люди.

Вот таким-то «добрым» рукам было вверено государственное имущество. И «золотой человек» не скупился на угощения. На работе и дома. Везде была щедра и приветлива. Пей, гуляй, веселись. Свое, что ли, пропиваем? Государство большое, имущества много.

Иногда веселье выплескивалось со склада в кафе. Там Тропицына и ее собутыльники опорожняли те же складские бутылки. В летний же сезон их тянуло на природу. Бражничали на зеленом берегу живописной Пахры.

Кто же составлял компанию кладовщице?

Перед судебским столом проходят многочисленные свидетели. Стыдно им сейчас рассказывать об участии в кутежах. Одни умалчивают о собственной роли. Другие с осторожностью говорят о себе. Поведение их понятно: ведь помогали Тропицыной разбазаривать государственное имущество. Остановившись у стола, переминаются, скромно отвечают суду.

— Иногда выпивал у Тропицыной на складе стакан «рубина» и за это отдавал ей рубль,— заявляет экспедитор михневского ресторана, свидетель Андрей Никитович Ивушкин.

Председательствующий, народный судья Валентин Павлович Воробьев, обращается к Тропицыной:

— Подтверждаете показание свидетеля Ивушкина?

Тропицына поднимается, говорит недовольно:

— Ивушкин за вино денег мне не давал.— И добавляет: — Наоборот, сам просил денег. В долг.

И экспедитор кафе Татьяна Никитична Винокурова уверяет суд, что бывала у Тропицыной редким гостем:

— Выпивала у нее раза два в год, и то по случаю какого-нибудь торжественного события.

— Правду показывает Винокурова? — спрашивает Тропицыну адвокат Александр Иосифович Червин.

— Не два раза в год, а почти каждый день.

— За что она меня стала бы поить? — бойко и резко бросает в зал Винокурова. — За красивые глаза, что ли?

Продавец михневского ресторана Валентина Александровна Белоусова признается суду с оговоркой:

— Я распивала с Тропицыной на складе спиртные напитки. Пили вино, водку. Но это мы сами приносили с собой, складывались по рублику. А на Пахру я с пей не ездила,— бодро закончила с чувством превосходства над другими свидетелями, которые в свое время не обергли себя от соблазна отвести душу на природе. Будто бы выпивка на складе менее существенный проступок, чем пьянка на Пахре.

К Тропицыной стекались любители спиртного, для которых вино на дармовщинку как манна с неба. Разве можно упускать такой счастливый случай?

Свидетель Михаил Дмитриевич Цыплаков, бывший кочегар кафе, а ныне грузчик базы, показал суду:

— Я иногда помогал Тропицыной разливать вино из больших бочек в более мелкую посуду. Когда кладовщица отворачивалась, я пользовался случаем и пил вино. Да она и сама угощала меня за оказанную ей услугу.

— Вас судили? — спросил у свидетеля Валентин Павлович Воробьев.

— Да. За кражу вина из палатки. Осудили, но условно.

Всех привечала Евдокия Ивановна. И сослуживцев, и посторонних.

— Уж такая простая, добрая да отзывчивая, что не пройдешь мимо, — с восторгом говорит о Тропицыной контролер коксогазового завода Любовь Михайловна Иванова. — У Тропицыной мы распивали спиртные напитки на работе. Приходили со своей бутылкой. Тропицына тоже нас угощала, ставила две — пять бутылок. Когда как. К ней многие ходили пить.

Эти люди, ныне свидетели, не привлечены к уголовной ответственности. Не признаны соучастниками Тропицыной. И гражданский иск к ним не предъявлен. К сожалению, сейчас невозможно установить досконально, кто и сколько выпил на дармовщину. Но факт остается фактом: пьянствовали они вместе с расхитительницей, и их неблагоприятное поведение не должно остаться без внимания общественности и коллективов предприятий и организаций, где они работают.

Характерны показания еще одного свидетеля, бывшего кочегара кафе Федора Ивановича Макачева:

— Тропицына постоянно была выпивши. Иногда так, что не могла отпустить товар. Со склада каждый день доносились песни...

Итак, пьянки на складе процветали благодаря «добrote» кладовщицы Тропицыной. Сама пила, сколько душа хотела, и знакомых щедро угощала. Вот почему собутыльники ее воспевают, возводят в «зологие» люди. А во сколько же «доброта» Тропицыной обошлась государству? Дорого. Более чем в три с половиной тысячи рублей. И эта сумма почти вся пропита. Домой Тропицына иногда «брала» без оплаты стоимости только кое-какие продукты: свиную и говяжью тушенку, кур, судака, грузинский чай... На сто четыре рубля. Мебели не покупала. Телевизор и холодильник она приобрела еще до беспробудного пьянства.

Государству причинен реальный ущерб. Да кроме самого хищения вина нетрезвое состояние Тропицыной обошлось государству более чем в две с половиной тысячи рублей.

— У меня рабочие воровали вино, — поясняла Евдокия Иванова в суде. — Я не могла за ними уследить.

Да где же тут уследить после пяти бутылок вина? И в таком состоянии принимала товар. Без взвешивания. Разрешала брать продукты самим работникам ресторана, доверяла ключи от склада посторонним лицам. И ее муж Александр Иванович Тропицын с горечью заявил на суде, что жена систематически употребляла спиртные напитки.

Щербаковой он говорил, что жена, возвращаясь домой, еле карабкалась, преодолевая ступеньки крыльца.

Конечно, тут уж не до работы. В таком виде только в медвытрезвитель. Между прочим, так оно и было, когда работники милиции Н. И. Хромышев и В. И. Рыбкин внезапно нагрянули на склад с проверкой. Они застали Тропицыну на работе в сильной степени опьянения. Евдокья Ивановна заплетающимся языком попыталась оправдаться, ссылаясь на заболевание. Но бессвязный лепет не внушал доверия. Да и недопитая бутылка вина, стоявшая на столе, свидетельствовала о другом. Пришлось Тропицыну после опечатки склада доставлять в медвытрезвитель.

В перерыве между судебными заседаниями я спросил у подсудимой Тропицыной:

— На что вы рассчитывали? Гуляли-то широко, без оглядки? Она растерянно посмотрела на меня, заплакала.

— Все хотела остановиться... — произнесла тихим, глухим голосом. — Думала, старая недостача сойдет, а новую не допущу.

Спишется. Рассчитывала все-таки на помощь бухгалтера, теперь подсудимой Марии Михайловны Щербаковой.

Действительно, Щербакова в течение полутора лет помогала ей скрывать недостачу вина на складе. Я гляжу в свои черновики, где кратко изложены показания на суде Щербаковой. Вот эти записи:

«В ресторане я работала бухгалтером с 1966 года. Вела продовольственные склады. 13 января 1972 года я приехала к Тропицыной в гости. Она меня вывела на кухню и сказала: «У меня на складе недостача. Выручай из беды». Просила сначала оказать ей временную помощь, пока она сможет чем-нибудь перекрыть недостачу. Я не могла отказать, так как была обязана ей, много времени жила у нее с ребенком на квартире, причем бесплатно...»

С тех пор стали они вдвоем приписывать в накладных товары, якобы отпущенные со склада в другие торговые точки.

— Да разве это могло вас спасти? — снова обращаюсь к Тропицыной.

Она махнула рукой.

— Мне было все равно. Я стала пить. Семь бед — один ответ. Вот так: вино вину творит. Чем дальше, тем больше.

— С каких же пор это началось?

— С 1972 года, когда обнаружилась первая крупная недостача... на четыреста рублей. Раньше выпивала от случая к случаю, а с того времени пошло почти каждый день. С горы завила.

И завила так, что не могла себя остановить.

Щербакова признала свою вину и подробно рассказала суду о подлогах и других махинациях, совершенных вместе с Тропицыной. Более того, она помогла органам предварительного следствия раскрыть это преступление. Когда ясно осознала, что Тропицына пить не бросит и, следовательно, недостача на складе с каждым днем будет увеличиваться, а их вина усугубляться, сообщила в милицию о систематических пьянках Тропицыной и о крупной недостаче на складе. Не умолчала и о том, что покрывала ее с помощью фиктивных документов, состряпанных вместе с кладовщиком.

Явка с повинной поощряется законом. И такое обстоятельство учитывается судом при назначении меры наказания. Но ведь этого

наказания Щербакова могла избежать. Как бухгалтер ресторана, она имела полную возможность предупредить преступление в самом его начале. Стоило только не идти на поводу у Тропицыной, отказать ей в просьбе, высказанной в разговоре на кухне. Согласившись скрыть недостачу, Щербакова стала преступницей, да и Тропицыной оказала медвежью услугу. А теперь что ж?

Сейчас михневский ресторан признан по делу гражданским истцом. В исковом заявлении, подписанном директором ресторана Коцаревым и старшим бухгалтером Зерновой, излагается просьба взыскать с Тропицыной и Щербаковой в возмещение причиненного ими ущерба более пяти тысяч рублей. Просьба, конечно, законная. Ущерб от преступления должен быть взыскан с виновных. Государство никогда не будет содержать пьяниц на бесплатном довольствии. Кстати сказать, Щербакова также принимала участие в пьянках Тропицыной. Гуляла с ней и на Пахре. Как показала сама в судебном заседании, однажды упилась так — аж домой не могла ехать. На суде Щербакова заявила, что согласна «наравне с Тропицыной» возмещать ущерб. Попутно заметим, что ее согласия в этом случае не требуется. Суд и без него вправе разрешить гражданский иск. Заявление это только лишний раз свидетельствует о сознании своей вины в причинении этого ущерба. Но вопрос здесь в другом. Почему дирекция ресторана запоздала с иском? Недостача на складе была? Была. И с каждым месяцем, кварталом нарастала. Имел право ресторан ранее, до возбуждения уголовного дела, взыскать ущерб с виновных в гражданском порядке? Имел. Почему же не взыскал? Не знали о нем. Но разве не известно было дирекции о пьянках Тропицыной? Разве этот факт не должен был ее насторожить? Давайте послушаем показания самого директора — Николая Степановича Коцарева.

К судейскому столу подходит мужчина лет пятидесяти пяти. Говорит спокойно, обстоятельно:

— Знаю Тропицыну с 1968 года. В смысле исполнения своих обязанностей могу охарактеризовать ее положительно. Слышал, что она пьянствует на работе, но сам ее в нетрезвом состоянии не видел. Однажды застал у нее на складе группу мужчин, думаю, хотели распивать вино. Я их выпроводил, а ее предупредил. Еще жаловались мне работники на грубость Тропицыной. Однажды она допустила прогул. Хотел за это ее уволить, но местком не дал согласия. Дважды наказывал Тропицыну, объявлял замечание и даже выговор за отказ принять машину с товаром и за неисполнение заказа по отпуску сырья.

Как видите, Тропицыну журили, предупреждали и даже наказывали за упущения в работе. Но не за пьянку, не за воровство вина. И потому эти предупреждения не возымели действия. Они даже не вызвали у нее легкого испуга. И хищение вина продолжалось.

Стало быть, действенного контроля за ее работой администрация не осуществляла. На ее пьянство глядели сквозь пальцы. Человек систематически пил на работе — и ни одного взыскания за это грубейшее нарушение трудовой дисциплины! Если за один только прогул ее могли уволить, то почему, спрашивается, за бесчисленное множество прогулов она осталась безнаказанной? Ведь нахождение

в нетрезвом состоянии на работе — тот же прогул. А пила она на складе ежедневно. И почему дирекция не заинтересовалась: а на какие средства кладовщица пьет? Разгадка этого вскрыла бы и недостачу. И не на тысячи рублей, как теперь установлено, а, возможно, только на сотни рублей.

— Пять раз ревизовали Тропицыну, и ничего у нее не обнаружили. Как же это так? — спрашивает директора ресторана государственный обвинитель Петр Дмитриевич Горлов. — Неглубоко проверяли?

— Обнаружить недостачу было сложно. Ее скрывала не только Тропицына, но и бухгалтер Шербакова, — ответил Коцарев.

— Что же это вы ущерб от пересортицы списали, а в исковое заявление его включили? — опять спрашивает его прокурор.

— Так следователь сказал.

— Но вы-то сами подсчитали действительный ущерб от преступления подсудимых?

— А у нас никакого ущерба нет.

— Как так? — удивляется прокурор.

— Он у нас покрыт за счет прибылей.

Ну и ну! Вот так учет! Выходит, воруй сколько хочешь — все спишется за счет прибылей. Так прибыль-то должна идти в доход государства, а благо народа, а не в карман жуликов! И что за порядки в этом ресторане?..

Я беседовал с экспертом — бухгалтером Валерией Даниловной Саловой. Она сказала, что любая серьезная ревизия вполне могла вскрыть недостачу. Нужно было только сверить амбарные книги двух складов с их накладными.

Исследуя вопрос о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, органы предварительного следствия и суд приобщили к делу ряд веских материалов. Эти документы убедительно отвечают на главный вопрос: почему в мишневском ресторане создавалась возможность расхищать государственные ценности в крупном размере.

Прежде всего отметим, что сохранности государственной собственности в ресторане не уделялось должного внимания. Не соблюдался порядок инвентаризации товарно-материальных ценностей. Они проводились одним работником с участием материально ответственного лица, а должны производиться инвентаризационной комиссией, состоящей из нескольких человек. Контрольные инвентаризации и выборочные проверки не делались. Срок сдачи товарных отчетов не был установлен. Работники ресторана отчитывались не ежедневно, а сразу за пять — семь дней. Товары перебрасывались из одного склада в другой без письменного распоряжения директора ресторана и его заместителя. Бланки строгой отчетности — накладные, заборные листы — в бухгалтерии не учитывались. Тропицына не сдала ряд накладных, и никто от нее не потребовал объяснений.

Так, в атмосфере бесконтрольности и попустительства зрели условия для расхищений. Вот почему и пьянчуги чувствовали себя здесь, на складе кафе, как у Христа за пазухой. Пригретыми, убажанными и надежно укрытыми от глаз властей каменными стенами служебного помещения.

За грубейшие нарушения учета товарно-материальных ценностей и слабый контроль за работой подчиненных директору ресторана Н. С. Коцареву объявлен строгий выговор с предупреждением, а старший бухгалтер Т. Ф. Золотухина уволена с работы.

У нас достаточно средств для борьбы с пьяницами. Законы наши содержат против них строгие меры. Но дело-то в том, что отдельные факты пьянства укрываются, и тогда законные меры к нарушителям не применяются. Винной тому благодушное и снисходительное отношение к пьянчугам родственников, товарищей по службе и даже некоторых должностных лиц. А в результате — печальный конец...

Домодедовский городской народный суд, рассмотрев дело по обвинению Тропицыной Евдокии Ивановны и Щербаковой Марии Михайловны, приговорил:

подвергнуть Тропицыну Е. И. лишению свободы сроком на семь лет.

При назначении Щербаковой М. М. наказания суд учел ее явку с повинной, активную роль в раскрытии этого преступления и назначил ей наказание с применением статьи 43 Уголовного кодекса РСФСР, то есть ниже низшего предела — один год исправительных работ с удержанием из заработка 20 процентов.

Кроме того, народный суд взыскал с обеих осужденных в возмещение ущерба, с учетом сумм, внесенных ими добровольно, 3528 рублей и с одной Тропицыной — 1499 рублей.

Таким вот приговором и завершилось это уголовное дело.

ДОМОДЕДОВО — МОСКВА

В. ТОНКИХ

Рис. С. ХАЛИЗОВА.

АВАРИЯ

НА

ПЕРЕЕЗДЕ

Тов Разживкин в статье «Блюсти дисциплину труда» правильно сказал, что малейшая оплошность, нарушение элементарных требований на работе может повлечь либо ущерб, либо другие тяжкие последствия.

Рассматривая уголовные дела о нарушениях установленных правил на транспорте, диву даешься, как водители иногда безответственно управляют автомобилями, тракторами и другими транспортными средствами.

6 июля 1973 года тракторист К. Г. Королев, **подъезжая** к переезду «15 км» (недалеко от станции Ногинск), **прибавил** трактору ходу и, объехав шлагбаум, проскочил переезд буквально перед самым электропоездом.

Счастливо обошлось? Да. Но, как правило, нарушения правил движения благополучно не кончаются. Для того правила и введены в жизнь, чтобы исключить возможность всяких происшествий.

И кто с этим не считается, тот подвергает себя и других людей серьезной опасности...

Электропоезд вышел со станции. Набрал скорость. Автоматически сработала оповестительная сигнализация: зажглись красные огни светофора.

Шофер Бойцов Н. В. подъехал на автомашине к железнодорожному переезду «36 км» (недалеко от города Электроугли). Дежурная по переезду М. П. Никифорова, полагая, что автомашина успеет переехать железнодорожное полотно, открыла шлагбаум. Водитель выехал на линию...

Не имел же права выезжать! Ведь в статье 121 Правил дорожного движения строго запрещено въезжать на переезд при закрытом либо начинающем закрываться шлагбауме и, независимо от положения шлагбаума, при мигающих красных сигналах светофора или включенной звуковой сигнализации. Запрещается также въезжать на переезд при отсутствии шлагбаумов и сигнализации или при открытом шлагбауме либо негорящих сигналах светофора, если к переезду приближается поезд.

Но водитель Бойцов, к сожалению, пренебрег этими требованиями, въехал на переезд и столкнулся с поездом. Наступили тяжкие последствия.

Московский областной суд приговорил шофера Бойцова к десяти годам, а Никифорову — к восьми годам лишения свободы.

Виновные наказаны. Строго, но справедливо.

На транспорте недисциплинированность, нечеткое исполнение своих обязанностей вдвойне опасно, чревато серьезными последствиями.

И уж, конечно, совершенно недопустимо вождение транспорта в нетрезвом состоянии. А в судебной практике все-таки встречаются случаи, когда происшествие является следствием пьянки во время работы.

Капитан теплохода НГСБ-203 ремонтно-эксплуатационной базы «Главтюменьнефтегазстроя» И. П. Момотов не только разрешил команде распивать на теплоходе спиртные напитки, но и сам распивал. После выпивки ушел с теплохода. Оставшись без капитана, вахтенный В. П. Гагарин решил на теплоходе «сходить» в Тюмень. По личным делам. Поскольку был пьян, в пути проявил неосторожность, не заметил лодку. Столкнувшись с ней, теплоход опрокинул ее. В воде оказались трое. Двоих спасли, а третий утонул.

Вот к чему ведут нарушения на транспорте. К человеческим жертвам. К большому ущербу.

Потому-то очень важно воспитание в себе (особенно это касается работников транспорта) самодисциплины, чувства уважения правил, регламентирующих твой труд.

Четкая, безаварийная работа на производстве и тем более на транспорте, являющемся источником повышенной опасности, немалыми без строжайшего соблюдения дисциплины труда.

Это конституционная обязанность и вместе с тем моральный долг каждого советского гражданина.

П. ЛУКАНОВ,
член Верховного суда РСФСР

по следам
неопубликованных
писем

Еще раз о внимании к людям

Читательница М. Чугайнова из поселка Усть-Силайка Пермской области написала в редакцию о черствости, которую проявила администрация Кочовского леспромхоза к ее отцу, проработавшему там свыше сорока лет. Суть дела такова. Летом прошлого года дом, в котором жила семья Чугайновых, сгорел. Причем сгорел днем, когда никого дома не было. В результате люди остались без крова и предметов первой необходимости. И хотя причину пожара выяснить не удалось, администрация леспромхоза обратилась в суд с иском о взыскании с Чугайнова ущерба от пожара в сумме 6,5 тысячи рублей. С человека, который пришел к месту пожара с работы спустя полдня. И это вместо того, чтобы помочь заслуженному работнику оправиться от беды, помочь наладить нормальную жизнь. Семье Чугайновых даже отказали в выдаче возвратной ссуды на обзаведение хозяйством.

Редакция направила это письмо в объединение «Пермлеспром» Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, в ведении которого находится Кочовский леспромхоз. Как сообщил нам заместитель начальника объединения Ярыгин, семье Чугайнова предоставлена другая квартира и выданы 300 рублей ссуды.

При рассмотрении дела в народном суде вины Чугайновых в возникновении пожара установлено не было, а поэтому в иске о возмещении ущерба отказано.

Семье Чугайновых помогли. Правда, из-за черствости администраторов леспромхоза помощь получена с ничем не оправданным опозданием.

В прошлом году мы с мужем приехали на работу в колхоз «Маяк». я — экономистом, а муж — бригадиром кормодобывающей бригады. Некоторое время мне, естественно, нужно было ознакомиться с делами хозяйства. Но такой возможности я не получила, и спустя три месяца администрация колхоза без всяких оснований уволила меня с работы. Муж зарабатывал хорошо, и я решила побыть дома с ребенком. Но случилась беда — через несколько дней после моего увольнения с работы в дорожной катастрофе мой муж погиб. Я пошла восстанавливаться на работе, но председатель колхоза и слышать об этом не хотел. Да еще предложил... освободить квартиру. По-моему, такое отношение к человеку, оказавшемуся в беде, просто недопустимо...»

Такое письмо прислала в редакцию Р. Алейникова из колхоза «Маяк» Кирилловского района Одесской области.

Редакция направила жалобу нашей читательницы в Одесское областное управление сельского хозяйства. Как сообщил нам заместитель начальника управления В. Иоганов, факты, изложенные в письме, подтвердились. Р. Алейникова восстановлена на работе в должности экономиста по труду. Ей выплачена заработная плата за вынужденный прогул, выдана единовременная материальная помощь. Установлена и выплачивается пенсия на ребенка. За Р. Алейниковой сохранена квартира.

Председателю колхоза «Маяк» И. Андрееву указано на невнимательное отношение к работникам колхоза.

В общежитии наведен порядок

Заместитель начальника жилищно-коммунальной конторы треста «Казмедьстрой» В. Гусляков написал в редакцию о плохой воспитательной работе и случаях аморального поведения молодежи, проживающей в общежитиях треста.

Редакция направила это письмо секретарю Джезказганского областного комитета комсомола П. Белоусову. Факты, изложенные в письме В. Гуслякова, подтвердились. Вопрос о состоянии быта и культурно-просветительной работы в общежитиях ЖКК-I треста «Казмедьстрой» рассматривался на президиуме облсовпрофа и в отделе пропаганды и агитации обкома ЛКСМ Казахстана.

Сейчас воспитательная работа в общежитии улучшена. В каждом общежитии работает культурно-бытовой совет, который регулярно организует выезды в загородные зоны отдыха, спортивные

соревнования, субботники и воскресники по благоустройству территории. Работают кружки художественной самодеятельности, агитбригада. Проводятся лекции и беседы на медицинские и юридические темы. Создан устный правовой журнал. Объявлен смотр-конкурс на лучшее общежитие.

принеси радость

В одной из командировок я познакомилась с замечательной женщиной — прядильщицей Ташкентского текстильного комбината Буальмой Джураевой — и случайно оказалась свидетелем ее разговора с сыном соседки. Буальма журила парня за то, что, женившись, он стал невнимателен к матери, редко ее навещает, заставляет волноваться, переживать.

Молодой человек робко оправдывался: дескать, все понимаю, да вот занят по горло, но в ближайшие дни обязательно забегу.

— Да не забудь, захвати матери подарок, — посоветовала Джураева.

— Зачем? — удивился парень. — Ведь у нее и так все есть.

— Это неважно, — возразила Буальма, сокрушенно покачав головой. — Ты же не вещь, а радость в дом принесешь.

Как близко к сердцу приня-

ла моя новая знакомая тревоги в общем-то посторонней для нее женщины, как просто, образно выразила она большую житейскую мудрость: принеси радость — вниманием, заботой...

С тех пор, просматривая редакционную почту, я часто вспоминаю эти слова. Люди рассказывают о том, как много в их жизни значили чуткость и отзывчивость окружающих, душевное тепло, подаренное близкими, протянутая вовремя рука товарища, его подбадривающее слово, совет, а иной раз и просто добрая улыбка...

Молодая чета Таня и Олег Сидоровы из Братска пишут: «В нашей семье ожидалось большое событие — появление первенца. Мы и радовались и волновались: жилищные условия наши были неважными. Особенно переживала Таня: каково-то ей будет с малышом на частной квартире, без

удобств? Но случилось неожиданное: молодой инженер из нашего цеха, Виталий Нефелов, уступил нам свою очередь на квартиру. Рождение сына отмечали в новом благоустроенном доме. Что значил для нас поступок Виталия? Ведь он не только разрешил наши трудности с жильем. Он принес нам нечто значительно большее — веру в дружбу, добро и самопожертвование. Мир повернулся к нам самой светлой стороной, и теперь никакие трудности не страшны».

У Анны Петровны Карпенко из Ростова-на-Дону тяжело заболела дочь. Может ли быть большая беда у матери? «Не уверена, — вспоминает она сейчас, — хватило бы у меня сил выстоять в борьбе за жизнь ребенка, не будь рядом друзей, товарищей по работе. Как они поддерживали меня: вместе выполняли часть моей работы, а меня отпускали в больницу, помогали доставать лекарства, оказывали материальную помощь, а главное — не давали отчаиваться. Сейчас все страхи позади, и я по-новому смотрю на тех, кто трудится рядом со мной. Нет, это не просто сослуживцы, это дорогие, близкие мне люди: их радости — мои радости, их заботы — мои заботы».

Группа женщин из Харькова с большой теплотой рассказывает об учительнице-пенсio-

нерке Галине Петровне Гуменюк: «Когда-то она терпеливо и заботливо учила нас. Была не только учителем, но и другом. Ей мы открывали свои сердца, доверяли девичьи тайны, порой удивлялись, как хватало у нее душевного тепла на всех нас. А вот свое, личное счастье она так и не успела устроить. Унеслись годы, и Галина Петровна стала пенсионеркой. Но об отдыхе и не помышляет. В большом многоквартирном доме, где живет, собрала она отстающих в школе детей и стала с ними заниматься...»

А вот еще одно письмо. «Был я когда-то паренек не совсем путевый, — признается Иван Петрович Звягин из Свердловска. — Теперь понимаю, не тех людей друзьями считал, все больше с пьяницами да лодырями общался. Уж что со мной ни делали, как ни наказывали — не помогало. Я уж и сам на себя махнул рукой. Да вот однажды подходит ко мне Николай Пантелеевич Онищенко, старый кадровый рабочий, Пантеленч (так его все звали), и говорит: «Давно я к тебе, парень, присматриваюсь, а ты не такой уж пропащий. Есть у тебя споровка, глазомер точный. Захочешь — большим мастером станешь». Эх, как сказал он это, будто душу всю вывернул...»

С доброй помощью Панте-

леича и других рабочих стал «непутевый паренек» всеми уважаемым человеком, мастером — «золотые руки». И уже много лет сам наставляет молодежь, щедро делится с ней своим опытом. «А ведь кто много отдает, тот еще больше получает», — замечает Иван Петрович.

И пусть Виталий Нефелов справил свое новоселье только через год, а может быть, и позже, но зато приобрел он на всю жизнь двух искренних и верных друзей, готовых прийти на помощь в любую минуту. А это куда важнее временных неудобств! Да разве не испытывает самого большого человеческого счастья Галина Петровна Гуменюк, видя, как посеянные ею зерна дают добрые всходы, и разве не радостно ей от того, что даже в свои пенсионные годы сумела принести добро и пользу людям. А наставить на путь истинный человека, привить ему любовь к труду, как это делал Пантелеич и продолжают делать его ученики, — это ли не награда за душевную щедрость! И как тут не вспомнить слова замечательного советского педагога А. С. Макаренко: «Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не на счастье только мое. Логика старая — я хочу быть счастливым человеком, мне нет дела до ос-

тальных, логика новая — я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я буду поступать, чтобы все остальные были счастливы, тогда и я буду счастлив».

Самим укладом нашей жизни мы все больше и больше утверждаем эти принципы. Вот что пишет в редакцию школьница из Нижнего Тагила Оля Новикова: «Хочу быть счастливой, быть полезной людям...» Девочка, выросшая в советской семье, воспитанная в советской школе, уже и не мыслит иначе.

В письмах люди рассказывают о дружбе, взаимопомощи. Человек человеку друг — таков основной закон советского образа жизни. И тот, кто отступает от него, заслуживает всеобщего презрения...

«Есть в нашем доме жилец Т., — пишут товарищи из города Измаила, — который просто-напросто отравляет жизнь окружающим. Никто не помнит, чтобы он сказал кому-нибудь доброе слово или хотя бы просто улыбнулся. Все его раздражает, он мелочен и придирчив. Выйдя на пенсию, целыми днями пишет во все инстанции жалобы и анонимки, а ведь мог бы еще заняться полезным трудом. Сколько комиссий приходило к нам во двор, сколько людей потратило впустую время, разбирая жалобы клеветника. Т. судил народный суд,

приговорил его к штрафу за клевету, более сурового наказания он избежал только из-за преклонного возраста. Мы просто перестали его замечать. При встрече люди отворачиваются от него, никто с ним не разговаривает. Неужели и это его не проймает?..»

Думаю, что проймает, ибо нет ничего тяжелее, чем жить в обществе и быть им отвергнутым, испытывать одиночество среди людей.

Да, есть, к сожалению, у нас еще и такие, что черпают свою «радость» в том, чтоб насолить ближнему. Сами алчные стяжатели, они не верят в щедрость и бескорыстность других. Лишенные сердечной доброты и отзывчивости, они и в других видят только черствых эгоистов. Успехи окружающих вызывают у них зависть: повысили в должности сослуживца — значит, «есть рука»; купил сосед цепную вещь — обязательно на нетрудовые доходы. И строчат анонимки, возводя напраслину на честных людей, засоряя своими «сигналами» все возможные инстанции. Свое же невезение объясняют не отсутствием собственного трудолюбия и настойчивости, а якобы всеобщей к ним предвзятостью, несправедливостью. Вот передо мной письмо — конечно, анонимное. Автор его — женщина — сумела очертить чуть ли не всех людей в своем

городе. Каждое должностное лицо у нее либо взяточник, либо бюрократ, все врачи — бездушные неучи, работники торговли, как правило, воры и обманщики... «Нет, что вы там ни пишете в своем журнале, а человек всегда остается человеком — прежде всего с заботой о себе. Своя рубашка ближе к телу», — заканчивает она это «послание».

А через несколько дней пришло другое, написанное той же рукой, и автор уже не скрывает своего имени и фамилии. Это письмо хочется привести полностью: «Я к вам с извинением за предыдущее письмо. Глупость все в нем. Так уж бывает со мной, что зависть черная затмив глаза и вся собственная жизнь безвыходной кажется. А как откатится та глыба черная, так и в глаза людям смотреть стыдно за все свои жалобы. Ведь счастье человека в его руках, и причины своего невезения в себе самой искать нужно. Пусть люди радуются, справляют свадьбы, новоселья. Ведь когда видишь идущего навстречу человека, счастливо улыбающегося, на душе уже становится радостно. Побольше бы таких минут просветления. Простите за беспокойство. Л. К.»

Итак, Л. К. собственным поведением опровергла выдвинутое в первом письме кредо. Да, человек всегда остается чело-

веком. Именно потому, что добро в нем всегда побеждает зло. Вот победило оно и «глыбу черную» у Л. К. И хорошо, что поняла она всю справедливость слов о том, что счастье человека в его руках.

Я вновь вспоминаю свою знакомую Буальму Джураеву. Воспитанница детдома, без «протекций», без «связей», она собственными руками соткала свою замечательную судьбу. Прилежным трудом, душевной щедростью завоевала любовь и уважение окружающих. У нее дома я с большим интересом смотрела семейный альбом, и передо мной вставали яркие вехи жизни этой простой труженицы. Буальма совсем еще юная на Красной площади в Москве среди участников Всемирного фестиваля молодежи. Буальма на съезде комсомола республики. У друзей по соревнованию — текстильщиц Москвы и Ленинграда. Она же за океаном, на Острове Свободы, где делилась своим опытом с кубинскими прядильщицами. И наконец, Буальма — делегат

XXIV съезда КПСС. У этой женщины два ордена Ленина и звание Героя Социалистического Труда. Почет и уважение окружающих. У нее большая, дружная семья. Это и составляет ее настоящее большое и заслуженное счастье. Но Буальма, как и прежде, делит с друзьями заботы, тревоги и радости. Ей до всего есть дело: ее волнуют переживания забытой сыном соседки, возмущает допущенная к товарищу по работе несправедливость. Она первая протянет руку помощи, но и первая выскажет правду в глаза лодырю, не пройдет мимо разбазаривания народного добра. И потому, наверное, ее не случайно избирают народным заседателем Верховного суда Узбекистана.

Недавно я вновь услышала по радио имя Буальмы Джураевой среди зачинателей славных трудовых дел определяющего года пятилетки. Беспокойная натура этой женщины вновь в поисках, поисках больших радостей для себя и для других.

НИНА ГАВРИЛОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНКУРС

ПРЕТЕНЗИИ ПО ВКЛАДУ

Несколько лет назад Елена Павловна Артемова познакомилась с Владимиром Михайловичем Агаповым. Жила до этого вместе с сестрой в селе Сосняки. И вот взяла свою корову, кур, некоторые вещи домашнего обихода и переехала в село Козельки, в дом Агапова. Стали вести совместно подсобное хозяйство, но брак не зарегистрировали.

Жизнь у них не удалась. Оба пришли к выводу, что врозь им будет лучше. Разделили имущество. Спора при разделе не было, потому что каждый претендовал на свое, то есть на то, что имел раньше, до совместной жизни. А вот по поводу вклада в сберкассе соглашения не достигли. Елена Павловна претендовала на половину вклада в сберегательной кассе, внесенного на имя Агапова В. М. Владимир Михайлович категорически отклонял ее претензии по вкладу, утверждая, что она не имеет к нему никакого отношения. Деньги на сберкнижку он клал в течение всей своей трудовой деятельности, еще задолго до их совместной жизни.

И Елена Павловна решила обратиться в суд. В исковом заявлении она указала, что во время совместной жизни с Владимиром Михайловичем они от доходов с подсобного хозяйства накопили 4540 рублей и эту сумму с ее согласия Агапов положил на свою сберегательную книжку. Поскольку деньги нажиты их общим трудом при совместной жизни, Елена Павловна просила взыскать в ее пользу половину указанной суммы.

Суд принял исковое заявление Артемовой Е. П. к производству и назначил дело к слушанию...

ОТВЕТ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

Василий Костин, владелец ценной исторической библиотеки, как известно из казуса «Мода на старину», портил книги и распродавал редкие гравюры и миниатюры, вырванные из книг. Короче говоря, обращался с этим собранием книг бесхозяйственно.

А если собственник имущества, представляющего значительную художественную или историческую ценность для общества, бесхозяйственно с ним обращается, то в соответствии со статьей 142 Гражданского кодекса РСФСР (а такие статьи есть в кодексах других союзных республик) государственные организации, охраняющие такого рода имущество, могут сделать ему предупреждение о прекращении бесхозяйственного отношения с ценностями. В случае невыполнения собственником такого требования по иску соответствующей организации суд может изъять у него это имущество и передать в собственность государства. Гражданину возмещается стоимость изъятых в размере, установленном соглашением, а в случае спора — судом.

Если же налицо неотложная необходимость, то иск об изъятии указанного имущества может быть предъявлен и без предварительного предупреждения.

Таким образом, если Василий Костин не выполнит требования представителей государственных организаций, суд может вынести решение об изъятии у него библиотеки с возмещением ее стоимости в порядке, установленном статьей 142 Гражданского кодекса РСФСР.

**по протесту
прокурора**

Общее собрание членов колхоза имени Кирова Приаргунского района (Читинская область) приняло решение, устанавливающее наложение на колхозников штрафов за управление в нетрезвом состоянии тракторами в размере 40 рублей, а за езду на лошади — 25 рублей.

Прокурор района опротестовал это решение, так как оно противоречит действующему законодательству. Согласно статье 1 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1962 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1962 год, № 9, статья 121) штрафы в качестве меры административного взыскания в РСФСР устанавливаются высшими органами государственной власти и государственного управления РСФСР и автономных республик в пределах их компетенции и могут налагаться лишь в случаях, прямо предусмотренных актами высших органов государственной власти и государственного управления Союза ССР, РСФСР и автономных республик. Статьей 5 этого Указа предоставлено право краевым, областным Советам депутатов трудящихся, Советам депутатов трудящихся автономных областей и национальных округов, районным и городским Советам депутатов трудящихся принимать по определенному кругу вопросов решения, предусматривающие наложение штрафов в административном порядке за их нарушение, а исполнительным комитетам тех же Советов — только по вопросам борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями и эпизоотиями.

Таким образом, общие собрания членов колхозов, а равно и их правления неправомерно принимать решения о наложении штрафов на колхозников.

В связи с протестом прокурора незаконное решение общего собрания отменено.

Директор Усолье-Сибирского химико-фармацевтического комбината Н. Стеценко издал приказ, предусматривающий удержания стоимости проезда в автобусе комбината из заработной платы рабочих и служащих согласно табелю выхода их на работу.

Прокурор г. Усолье-Сибирское (Иркутская область) опротестовал приказ, так как удержания из заработной платы могут производиться только в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик. В статье 124 Кодекса законов о труде РСФСР приведен перечень оснований, при наличии которых администрация вправе давать распоряжение об удержаниях из зарплаты рабочих и служащих. В этом перечне удержание за пользование транспортом не предусмотрено.

Незаконный приказ отменен.

ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...

раздумья
писателя

АРКАДИЙ И ГЕОРГИЙ ВАЙНЕРЫ

ПОМОЖЕМ ИМ ВСЕМ...

ефонограмма была лаконичной: «№ 236. Пятая горбольница сообщает, что «скорая» № 4943 доставила Круглова Александра Сергеевича, восемнадцати лет. Диагноз: резаная рана в области 12-го грудного позвонка. Помещен в III хирургическое отделение».

Как всегда в таких случаях, к потерпевшему выехал следователь. Когда врачи разрешили, чертежник Саша Круглов рассказал:

«В начале десятого вечера я шел из бассейна «Москва». Около метро «Кропоткинская» увидел трех ребят шестнадцати-семнадцати лет. Они были нетрезвые. Один из них мне крикнул: «Эй, ты! Дай двадцать копеек!» Я ему ответил: «Каждому прохожему денег давать не могу». Он меня догнал, схватил за рукав и со словами: «Ты знаешь, кто мы есть?» — ударил по пояснице. Я почувствовал, что из места удара потекло что-то теплое, и догадался, что это кровь... Парень на вид лет шестнадцати-семнадцати, роста среднего, волосы русые, лицо симпатичное...»

«...Преступник с места происшествия скрылся», — было сказано в милицейской сводке о нападении на Круглова. И уголовный розыск начал действовать. Усилия были предприняты чрезвычайные, потому что преступление отличалось исключительной дерзостью — удар ножом в начале вечера в таком людном месте! Вскоре появились кое-какие данные. Оказывается, в этот вечер на площадке около бассейна внимание прохожих привлек русский, среднего роста паренек с симпатичным лицом. Был он пьян, куражился, приставал к людям и размахивал ножом. Потом приятели увели его в сторону Кропоткинской.

Стали искать дебошира. Но «кандидаты» не подходили. Из всех попавших в поле зрения милиции никто не имел заметной привычки — размахивать на улицах ножом. А время шло...

Забегая немного вперед, скажем, что розыск преступника осложнился одним немаловажным обстоятельством: как выяснилось впоследствии, преступник с а м смутно помнил обо всем, что произошло в тот вечер.

Проведя трудную и кропотливую работу, следствие «вышло» в конце концов на свидетелей, которые прямо назвали фамилию парня: Рубанов. Володя Рубанов. У него и впрямь лицо было симпатичное. Да и характеристики тоже.

Общественность отзывалась о Володе самым положительным образом, отметив, что «...каких-либо проступков, хулиганства с его стороны никогда не замечалось».

В документе, подписанном «треугольником» завода, где работал Володя, сказано: «дисциплинирован, исполнительен, успешно справляется с производственными заданиями, активно участвует в общественной жизни, комсомолец».

Классная руководительница из школы, где он раньше учился, вспоминала: «Отличный парень, разумный, дисциплинированный, с хорошими задатками, хотя иногда слишком мягкий, несобранный».

А сам Володя прямо сказал следователю: «В тот вечер я был очень пьян и ничего не помню, что со мной случилось...». И мать Володи подтвердила: «В этот вечер ребята привели Володю смертельно пьяного, так что мне пришлось самой раздеть его и уложить в постель...». Свидетель Шклярковский показал, что парня на Кропоткинской ударил ножом именно Володя Рубанов. И дополнил, что с Рубановым были подростки Годлевский и Никитин.

Допросили Никитина и Годлевского. Они подтвердили эти факты. Годлевский даже уточнил кое-что: «...Нам не хватало на водку двадцать копеек, и мы сговорились взять их у кого-нибудь. После случая у метро мы повели Рубанова домой. По пути он потребовал у постороннего мужчины двадцать копеек, а когда тот отказал, пытался избить его, но мы удержали».

На опознании потерпевший Круглов без колебаний узнал Владимира. Так закончился первый этап следствия.

Вскоре Рубанову предъявили обвинение в разбойном нападении. Допрошенный в качестве обвиняемого, он рассказал:

«В этот день после работы я был дома. В шесть часов ко мне пришли ребята и принесли бутылку водки. Выпили ее и пошли гулять. Проходя мимо магазина, решили «добавить». Взяли еще бутылку и без закуски выпили водку в подъезде. Почему-то показалось мало. Пошли в магазин, взяли и распили еще одну бутылку водки. Погуляли. Я помню, что хотел пойти к бассейну «Москва». Но что было потом, я уже ничего не помню... На следующий день Годлевский мне рассказал, что я порезал ножом кого-то у станции метро «Кропоткинская». И другие ребята мне говорили, что на том месте зарезали парня. И я подумал, что, наверное, это сделал я... Считаю, что мои товарищи рассказывают все как было, и ударил я этого парня ножом — с их слов — за то, что он не дал мне 20 копеек...»

На этом детективная часть истории закончилась, и после выполнения необходимых формальностей Рубанов был предан суду. Рассмотрев дело, народный суд признал его действия особо злостным хулиганством. При этом суд подчеркнул, что совершение преступления в нетрезвом виде он считает отягчающим обстоятельством.

ство м. И приговорил Рубанова к лишению свободы сроком на три года с направлением в воспитательно-трудовую колонию.

Как же случилось, что шестнадцатилетний рабочий парень, дисциплинированный комсомолец, трудолюбивый радиомонтажник большого завода, послушный сын, в прошлом хороший ученик в какие-то считанные часы своей жизни потерял человеческий облик, озверел, напал с ножом на такого же рабочего парнишку, как и он сам, напал и чуть не убил его? Да-да, чуть не убил, потому что, попади он ножом на сантиметр выше или левее, был бы убит человек! Но и это еще не все: по дороге домой Володя продолжает куражиться, размахивать ножом, пристает к прохожему, пытаясь напасть и на него. И мы со страхом задумались над тем, что только слепая случайность спасла от непоправимого и самого Володю, и любого, кто в этот момент мог оказаться у него под рукой, в том числе его товарищи.

Так как же это все случилось? Ответ на этот вопрос ясен: водка превратила человека в дикое животное, отняла у него разум. Но, в свою очередь, возникает следующий закономерный вопрос: как же хороший вроде парень докатился до пьянки, да еще такой свинской?

Ответ на этот вопрос мы находим в показаниях матери Володи: «...Володя учился хорошо. Но после восьмого класса он пошел работать в связи с тяжелым материальным положением, которое сложилось из-за того, что его отец — алкоголик. Я не могу оправдывать сына, если он виноват, но... он ничего еще хорошего в жизни не видел. Я всегда мечтала создать хорошую семью, но не удалось, и виной всему — отец. Его пьянство отразилось и на мне, и на детях...». А сам Володя Рубанов добавляет, что водку стал пить по-настоящему на заводе, с одним взрослым слесарем, фамилию которого он явно постеснялся назвать. И вот итог — мальчишка, которого обстоятельства исподволь подготовили к пьянке, наглотался водки, как отравы, и совершил в беспамятстве нелепое, бессмысленное преступление, а теперь несет всю полноту ответственности за него. Не скроем своего отношения к этому: мы с большим душевным удовлетворением увидели бы на скамье подсудимых рядом с Владимиром его отца и безвестного слесаря с завода... Этого требовал закон.

Да, к сожалению, поведение некоторых взрослых людей зачастую прямо приводит подростка к преступлению. Разными путями. Равнодушием к судьбе мальчишки. Тупым непониманием того, что подростку нельзя показывать дурные примеры, что он, как губка, может впитать их и повторить. Поиском в лице подростка «компа-

нии» для выпивки — потому что это совращает его, молодого, душевно не окрепшего, физически не готового к наркотическому воздействию алкоголя. Последний аспект — наиболее губителен. Прямое вовлечение подростка в преступление, казалось бы, гораздо хуже. Потому что оно чудовищно в любом отношении. Но именно в силу своей чудовищности это преступление встречается гораздо реже. А вот вовлечение подростка в пьянство — это, к сожалению, явление нередкое. Потом совратитель уходит, и подросток начинает выпивать самостоятельно. А когда выпивает подросток, то это уже гораздо опаснее, чем выпивка взрослого. Не только в морально-этическом плане: Потому что пьянство почти закономерно приводит подростка на скамью подсудимых.

Вот, например, что написал нам из воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних Яков Смирнов, осужденный к лишению свободы за тяжкое преступление:

«Пить я начинал со взрослыми, на ихние же деньги, так как сам я еще не работал. Когда я с этими друзьями повелся, то мне некогда стало учить уроки и занимались мы, чем попало. Потом я стал еще больше пить, остался на второй год. И, наконец, с друзьями, с какими пил, сделал преступление. Если бы я был один, никогда бы не было такого, ведь предыдущие годы были хорошие: я был тихим».

В этой истории, как в капле воды, отражается типичная картина совращения несовершеннолетнего парнишки взрослыми пьянчугами.

Вот еще пример:

«До окончания восьми классов я вообще не пил водку,— пишет нам Николай Бондарев семнадцати лет.— А когда пошел на завод токарем, там я начал пить, так как мужики часто пили водку и начали предлагать мне. Они сильно много пили водки и меня заставляли пить. Что ты,— говорят,— не мужчина, что ли? Бери, пей». Ну, я и пил. Но в душе понимал, что до добра не доведет...». Николай прав, до добра это его не довело: сильно опьянев однажды, он совершил преступление.

Все эти истории трагичны в своем однообразии, все они уныло свидетельствуют об одном и том же: раз подросток начал пить — жди беды.

Но самое, пожалуй, противоестественное в этих похожих драмах то, что очень часто взрослые, приучающие подростков к выпивке, оказываются их родителями. Вот что поведал нам Алексей Опарин семнадцати лет из Куйбышева:

«Мать свою я очень люблю. Ну, а отец — скажу прямо: он мне не по душе. Да и не только мне. Часто приходил пьяный и, не-

смотря на время, устраивал дебош — ругался с мамой и «гонял» соседей. Я думаю, его никто не уважал. Если когда он и приносил получку, то отдавал мне и наказывал: «Смотри не говори матери, а то-никуда не возьму с собой и ничего не дам».

...Когда он меня брал с собой покататься — он работал шофером, — то обязательно поил пивом или вином. Я не отказывался: пиво мне нравится... В деньгах я затруднения не знал — отец давал. В моей жизни деньги большую роль сыграли. На них ведь можно все купить. Я и покупал — водку. Да и преступление-то свое я совершил по пьянке».

Это яркий пример — и их немало — прямого совращения детей отцами. В большинстве же случаев такое совращение происходит не прямо, а косвенно, так сказать, личным примером.

К «воспитательной работе» таких отцов немедленно присоединяются уличные забудыги: пьянка — она компании требует. И тогда, все вместе, эти факторы сливаются уже в один общий процесс, губительный для подростка.

Среди подростков-правонарушителей большинство сбилось с правильного пути под влиянием пьянства. И — главная, статистически выверенная закономерность: большинство «пьющих» подростков (восемь из десяти) стали такими в результате непосредственного влияния взрослых членов семьи или соседей. И здесь снова и снова надо говорить об активности нашей общественности, на виду у которой живут такие опасные семьи, где дети растут в атмосфере пьянства взрослых и повседневно приучаются к мысли, что выпивка — это более или менее нормальное занятие для взрослого человека (а подросткам так хочется поскорее стать взрослыми, и наиболее близкие атрибуты этой «взрослости» — сигарета и бутылка).

Таких вот порочных семей совсем не так уж много — не надо забывать, что мы описываем узкий, исключительный, не характерный для нашей жизни закоулок общества, где гнездятся пороки, порождающие преступность. А общественность наша — многочисленная и могущественная сила, наделенная, помимо всего прочего, значительными полномочиями. В частности, если бы кое-где домовая общественность чуть поменьше занималась квартирными склоками между двумя сварливыми, но в остальном вполне благополучными семьями и при этом побольше внимания уделяла пьянствующим семьям, в которых растут дети, случалось бы гораздо меньше драм, подобных тем, которые мы описали. Ведь как бывает? Живет семья в отдельной квартире, взрослые тихо пьянствуют, соседей не трогают, ни с кем до поры не скандалят — ну,

и хорошо. Общественность не вмешивается, хотя всем известно, что в семье пьют и что в этой пьяной атмосфере растут дети. Откуда известно, если тихо пьют? А это ведь всегда заметно окружающим — и соседям, и на работе. Дети в таких семьях обычно неряшливо одеты, плохо покормлены, часто их можно встретить поздно вечером на улице, когда сверстники их давно уж дома учат уроки или смотрят телевизор.

Известно, что общественность дома, по месту работы пьяницы, комиссия по делам несовершеннолетних, школа, наконец, где учатся дети пьяницы, вправе пригласить его и сказать: «Послушай, почтеннейший, напоминаем, что у тебя растет ребенок и его воспитание — это дело всего нашего общества, а не только твое личное. И своим примером (помимо всего прочего) ты губишь ребенка. И не пора ли тебе взяться за ум самому, пока мы силой закона не принудили тебя к этому?»

И взять бы такую семью под неослабный контроль, уделить детям максимум внимания, больше, чем всем остальным делам, потому что дорожке детей нет у нас ничего и нет никаких дел важнее этих.

Именно для того мы и повели разговор о причинной цепочке «пьянствующая семья — пьющий подросток — преступление несовершеннолетнего», чтобы наглядно показать те, выражаясь медицинским языком, «отдаленные результаты», к которым приводит внешне безобидное, порой вполне «пристойное» пьянство за закрытой квартирной дверью.

Для рассказа о том, как практически решается проблема, представим слово инспектору детской комнаты милиции Красногорского ОВД Московской области П. В. Посадиной.

— Чтобы покончить с правонарушениями подростков, — рассказывает Прасковья Васильевна, — нам приходится заниматься не только самими подростками, но и так называемыми «неблагополучными» семьями — такими, в которых родители своим аморальным поведением отрицательно влияют на детей. Мы считаем исключительно важным своевременно вмешаться в жизнь такой семьи, предотвратить распад ее, вернуть ей — хотя бы ради детей — утраченное моральное здоровье. Все такие семьи в нашем районе на учете. В отдельных семьях пьянство родителей зашло довольно далеко, в большинстве — болезнь только развивается, и мы верим, что своевременное вмешательство общественности поможет им во всем.

Вообще-то опыт убеждает, что в здоровой семье растут и воспитываются хорошие дети. Но если родители пьянствуют и между ними складываются ненормальные отношения, то они теряют у де-

тей авторитет и уже не могут, даже при желании, положительно воздействовать на них...

Иллюстрируя свою мысль, Прасковья Васильевна взяла один из «тяжелых» случаев — семью Зиминых. Особенно печальным было то, что причиной разлада в семье стала мать десятилетней Наташи и двенадцатилетнего Кости — Елена Константиновна. Она пила, совершала аморальные поступки. В конце концов пристрастился к спиртному и отец — Сергей Иванович. Ссоры, взаимные оскорбления, пьянка стали в этом доме нормой. И хотя можно представить, что творилось в семье, внешне — для соседей — супруги вели себя тихо, и прямого повода заглянуть повнимательнее в их отдельную квартиру у общественности, казалось, не было.

Однако люди заметили, что Наташа и Костя без надзора болтаются до позднего вечера во дворе, плохо, неряшливо одеты. Дети стали хуже учиться. Классный руководитель серьезно заинтересовался этими грустными переменами. После долгих расспросов Костя признался:

— Пьют у нас отец с матерью. Каждый день почти пьют... А потом ругаются, скандалят — уроки невозможно делать. Или на улице гонят, отец говорит: чтобы нас с Наташкой не портить... — Мальчик помолчал, глядя в пол, и сумрачно, по-взрослому добавил: — И еды в доме нет...

И школа, и соседи по дому восприняли беду ребят как свою собственную. Совет общественности при детской комнате милиции пригласил родителей на беседу. От них потребовали в корне изменить свое поведение. За дальнейшим воспитанием детей был обеспечен строгий контроль. Вызывали Зиминых и на заседание комиссии по работе с детьми при домоуправлении. Пристыженные и, казалось, всерьез задумавшиеся о своей жизни, родители дали слово, что прекратят пьянство и будут правильно воспитывать детей.

Однако прошло некоторое время, и окружающие с горечью увидели, что положение несколько не изменилось. Зимины не меняли образа жизни, для каждого случая они находили какие-то «объяснения», вроде того, что «жизнь — сложная штука», «семья не задалась — не склеишь» и так далее. Вызванная в детскую комнату милиции, Зиминая дошла до того, что во всем обвинила... детей! Они, мол, неудачные у нее, непослушные, тупые — из-за этого и склоки в доме... Собравшиеся в тот вечер активисты, люди, казалось бы, этой женщине посторонние — а в действительности доброжелательные, оторвавшиеся ради ее детей от своих дел и забот, — заставили Зимину выслушать их справедливое мнение.

К сожалению, ни самые добрые и разумные советы, ни официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения не помогли и на сей раз: пьянство за закрытой дверью квартиры Зиминых продолжалось, дети оставались в отравленной, аморальной обстановке.

Тогда детская комната милиции, родительский комитет школы, комиссия по работе с детьми при домоуправлении совместно обратились в товарищеский суд по месту жительства Зиминых. На заседание товарищеского суда были приглашены представители профсоюзной организации предприятия, где работали Зимины, пришли учителя Наташи и Кости, соседи, многие жители района.

Их гневные, суровые слова, прозвучавшие на заседании, атмосфера всеобщего осуждения подействовали наконец на пьяниц, забывших в алкогольном дурмане и себя, и своих детей. Определенную роль, конечно, сыграло и решение товарищеского суда: если Зимины не исправятся, перед народным судом будет возбуждено ходатайство о лишении их родительских прав. Во всяком случае, поведение Зиминых стало наконец улучшаться. Безусловно, подействовало и то обстоятельство, что цеховой комитет профсоюза выделил для шефства над семьей группу производственников, задачей которых было не только постоянно контролировать поведение Зиминых, но также постараться помочь им в их семейных делах.

Постоянно ощущая наряду с моральным осуждением общественное воздействие, помощь и поддержку, Зимины перестали пьянствовать, в семье постепенно воцарился покой. Елена Константиновна и Сергей Иванович стали уделять внимание детям, заботиться о них — словом, превратились в нормальных людей.

Прошло два года, семья Зиминых перестала быть «неблагополучной». Как сказано в протоколе, подписанном П. В. Посадиной: «...Не представляя дальнейшей опасности неправильного воспитания детей, семья Зиминых с учета в детской комнате милиции снимается».

История Зиминых весьма наглядно демонстрирует, что иногда — особенно в запущенных случаях — одними лишь беседами и «проработками» не удастся положительно повлиять на «неблагополучную» семью. Вот тогда-то особенно необходима вдумчивая, разнобразная, подчас очень кропотливая профилактическая работа с применением целого комплекса мер общественного воздействия. Эта работа, требующая прежде всего энтузиазма, вознаграждает сторицей — в общество возвращаются не только дети, но и их родители.

ЗА СУДЕЙСКИМ СТОЛОМ

ЗАПИСКИ СУДЬИ

Много лет работаю в суде и занимаюсь только гражданскими делами. Последние годы — по первой инстанции. Чаще всего приходится разбирать трудовые споры, семейные, жилищные. Это только непосвященные думают, что решаются они быстро и просто. На самом деле уходит на них не меньше времени, чем на уголовные, а уж о простоте и говорить нечего. Иной раз вокруг них такое наворачено, столько людей втянуто, столько неприязни, взаимных обвинений и склоки накапливается, что и после судебного решения появившиеся гнойники не скоро исчезают. Порой возникают другие, не сразу заметные. Как при приеме некоторых лекарств, которые хотя и помогают от конкретного недуга, но оказывают побочное действие на здоровые органы. Если очень ими увлекаться — того и гляди новые лекарства потребуются, по другому поводу. Вот почему, если есть хоть малейшая возможность примирения, я как судья стремлюсь к нему. Мне кажется, что когда тяжущиеся между собой люди осознают, что лучше закончить спор миром, и отказываются от иска, то это дает всем большее моральное удовлетворение, нежели судебное решение. Компромисс, к которому пришли обе стороны с помощью третьей, не оставляет такого горького осадка, как иск, удовлетворенный и удостоверенный подписями судей. Здесь вроде нет выигравших и проигравших, все сделано по взаимному согласию. Каждый чем-то поступился, каждый осознает, что принял решение не, так сказать, по принуждению, а по собственной воле. Следовательно, его и легче выполнить, легче осуществить, ничто против него не вопнет — ни ум, ни сердце, ни совесть.

Вспоминается в связи с этим одно не совсем обычное семейное дело.

...Началось все с развода. Муж, оставив жене и сыну (мальчик, назовем его Сашей, учился в шестом классе) квартиру, вступил в кооператив и жил один. Трудно, а может, и не нужно вовсе устанавливать, что произошло между супругами, но хорошо известно одно: и после развода они поддерживали весьма корректные, пожалуй даже добрые отношения. По всей вероятности, никто третий в этой семей-

ной драме не был замешан, потому что он не обзавелся новой подругой жизни, она не вышла замуж за другого. Бывший муж всячески старался помочь бывшей жене воспитывать сына, причем не только материально. Он часто виделся с сыном дома и в школе, интересовался его успехами в учебе, ездил с ним за город, а в каникулы — к морю, доставал путевки в пионерский лагерь. Словом, вел себя так, чтобы парень никак не почувствовал безотцовщины. Они дружили, и мать никогда не препятствовала этой дружбе.

А через некоторое время, очень короткое, неизлечимая болезнь свалила мать Саши. Она попала в больницу, где умирала невыносимо тяжело и долго. Бывший муж навещал ее, хлопотал насчет каких-то особых лекарств, приносил передачи. У постели больной они часто встречались с сыном, вместе уходили домой. Отец, как мог, поддерживал в сыне бодрость духа, учил переносить горе.

И вот матери не стало. Мальчик тяжело переживал потерю, стал молчаливым, замкнутым. Решено было на первых порах, когда ему особенно нужна была женская забота, поселить его, пока он придет в себя, в семье родной сестры матери. А там, когда успокоится, чуть повзрослеет и поймет, что и к чему, перейдет жить к отцу.

Тетка души в нем не чаяла и, стараясь заменить мать, всячески баловала паренька, ни в чем не перечила ему и ни в чем не отказывала. Отец же, хоть и был по-прежнему внимателен и ласков, оставаясь, как и раньше, строгим и требовательным. И если еще недавно эта требовательность сочеталась с такой же требовательностью матери и вполне нормально воспринималась Сашей, то сейчас при старательной культивируемой вседозволенности начинала казаться ему излишней придирчивостью, таким запудренным поучительством.

Следует заметить, что отца мальчика в семье тетки недолюбливали и все чаще, все более открыто демонстрировали это. Обсуждали вслух какие-то подробности его прежней и теперешней жизни, которых подростку и знать бы не следовало. Парень впитывал их, словно губка, по-своему интерпретировал, оценивал.

Через год Саша начал старательно избегать отца, дерзить ему, отказываться (не без поощрений тетки) от встреч с ним. Его и в школу-то другую перевели: полагали, отец не скоро узнает, в какую именно, и хотя бы на некоторое время перестанет видаться с сыном. Встретиться дома тоже не разрешали, ссылаясь на то, что мальчик этого не желает.

В общем, уязвленное самолюбие отца столкнулось с искусственно раздутой неприязнью к нему сына и давню сложившимся недружелюбием тетки. Поначалу обе стороны еще пытались вступить в деловые, разумные переговоры, пытались найти приемлемые решения, по-человечески договориться. Но никто не хотел поступиться какими-то ему одному известными принципами, и обида росла, как растет снежный ком. Обвинения одних перекрывались контробвинениями других, были не отделялись от небылиц, правда — от лжи и нелепых слухов. Отношения обострялись. Вместо трезвости и спокойствия — взрывы необузданных эмоций. Люди сами себя взвинчивали, все больше подогревая страсти. А тут еще школа и роно, забыв и о педагогике, и о психологии, забыв о том, что громогласный конфликт может больно ранить мальчишку, не найдши ничего лучшего, как посоветовать отцу искать официального разрешения вопроса в «соот-

ветствующих инстанциях», одной из которых стал суд. Отец требовал возвращения сына, сын заявлял, что хочет жить у тетки. И Саша, теперь уже девятиклассник, выкладывал доводы, от которых становилось не по себе. Тетя же оставалась вроде нейтральной, но информированность парня о разного рода семейных «тайнах» не оставляла сомнений в источнике полученных сведений.

Районный народный суд посчитал, что «в данное время требование передать сына отцу нецелесообразно», и в иске отказал. Московский городской суд, признав этот мотив явно неправильным, отменил прежнее решение. И, поскольку дело оказалось сложным, принял его к своему рассмотрению по первой инстанции.

По закону, если ребенку исполнилось десять лет, суд обязан считаться и с его желанием. Но, разумеется, взвесив все обстоятельства и исходя из интересов ребенка.

А в чем в данном случае его интерес? В том, чтобы остаться на воспитании у тетки? В освобождении от влияния отца? Или, наоборот, в передаче отцу, под чьим воздействием Саша может порвать с той, которая так долго заменяла ему мать? Есть над чем задуматься...

Занимаюсь другими делами, а это не идет из головы. Вечерами окунаюсь в бумаги. Благо, их тут много: справки, заявления, письма. Письма покойной к сыну, к бывшему мужу. Человек еще чувствует себя вполне здоровым, о страшной болезни не подозревает, и поэтому каждая строчка дышит спокойствием. И доброжелательностью к отцу ребенка. Много хороших слов о нем, выговор мальчику за недостаточно хорошее поведение и строгий наказ поступить так, как велит папа: он умный, толковый, сердечный — плохого не посоветует. Еще письмо. Приветы отцу, вполне искренние, они соседствуют с такими благожелательными строчками, таким расположением к человеку, что и думать нельзя, будто это сделано «исключительно в педагогических целях».

Заявления Саши не нравятся мне. Они какие-то не ребячьи, сделанные по подсказке. Либо результат обиды, горя, сомнений. Тетя ведет себя так, будто ее влияния здесь нет. Дескать, видите, и мальчик придерживается такой же точки зрения, как я.

Приглашаю их для беседы. Всех вместе и поодиночке: Сашу с отцом и отца с теткой, тетку с Сашей и одну тетку. Все больше укрепляюсь в мысли, что парню одинаково нужны и отец, и тетка. А как соединить их, как увязать столь по-разному задуманные планы воспитания парня в один — скоординированный только на интересах Саши? Ну, решится дело удовлетворением или неудовлетворением иска. Принесет ли это удовлетворение всем? Ведь не о передаче мебели идет речь, не о наследстве — кто-то выиграл, кто-то проиграл, а о человеке, ребенке. Тут гораздо важнее восстановить мир и равновесие в человеческих душах. Одним судебным решением этого не добьешься. Требуется именно мир и согласие. Иначе навсегда останется душевная травма. У всех — и выигравших иск, и проигравших. И больше всех проигрывает Саша, даже при вынесении самого законного, самого справедливого, самого точного решения. Ибо нет оснований разъединять его ни с отцом, ни с теткой. Он нуждается в них обоих. А главное — надо избежать судебного разбирательства. Процесс может отрицательно сказаться на моральном и психическом

состоянии мальчика, ранить его сердце. Ведь он многого еще не знает, многого не понимает, о многом судит с юношеской категоричностью и окончательностью. Переоценка же будет тяжелой...

Словом, предстоял сложный разговор со всеми. С Сашей — чтобы воздействовать на его ум и воображение, рассеять в нем предвзятость, разбить несущественные доводы, открыть перед ним картину возможного исхода дела. Со взрослыми — чтобы заставить их по-иному взглянуть на все, примирить в них ставшее, казалось бы, непримиримым.

Еще и еще раз разговариваю с парнем, его отцом и теткой. Доказываю, убеждаю, раскрываю перед ними все возможные варианты будущего. Меня начинают понимать. Наконец победа! Иск взят обратно!.. Дело решено миром. По-моему, хорошим миром, ибо ушли все довольные. Мальчик пока остается у тетки, отцу никто не будет чинить никаких препятствий в общении с ним, в воспитании его. Саша, стесняясь, признается мне, что многие его суждения об отце были скоропалительны и несправедливы. И я верю, что они снова станут друзьями, сын вернется к отцу. Потому что все стороны сердцем приняли компромисс, который был необходим, необходим больше, чем решение суда. Впрочем, он ведь и найден благодаря усилиям суда.

А вот другое, закончившееся миром дело — квартирное. Очень запутанное, как, впрочем, многие дела такого рода.

Жил гражданин Михаил Георгиевич Комашин с женой и сыном в коммунальной квартире, занимая в ней комнату. А тут неожиданно переселяется в другой район соседка и освобождается ее небольшая комната. Какая хорошая и долгожданная возможность получить дополнительную площадь, стать хозяином всей квартиры! Михаил Георгиевич, вместо того чтобы действовать в рамках закона, то есть обратиться в исполком, взламывает дверь и самовольно вселяется в пустовавшую комнату. Между тем на нее уже выдан ордер другому человеку, и когда он приходит, чтобы занять ее, его встречают в штыки. Новый человек, спокойный, рассудительный, сочувствует своим будущим соседям и даже согласен поселиться в другом месте, если ему дадут другую комнату. Конечно, он прекрасно понимает, что квартира малогабаритная, имеет совмещенный санузел, крохотную кухню. Конечно, она предназначена только для одной семьи, двум тут не развернуться. К тому же не исключено, что он женится. Но у него примирительное предложение: сходить к инспектору отдела учета и распределения жилой площади в райисполкоме, объяснить ему все, ведь тот, наверно, и квартиры-то не видел. Одновременно обещает обратиться к себе по месту работы, в трест. По его сведениям, не все комнаты, подлежащие подселению, распределены. Лично его устраивает любая другая улица, район.

На том и порешили. Через день он приходит и сообщает, что в тресте согласны, если согласен исполком. Все вместе отправляются к инспектору. Тот возражает. «Ордер выдан — поселяйтесь. А вы, гражданин Комашин, самовольным вселением грубо нарушили закон. Будете отвечать за это!»

Инспектор был прав. Вряд ли ему можно предъявить хоть какую-нибудь претензию. Закон и вправду нарушен.

Возникает судебное дело. По закону иск Комашина не подлежит судебному разрешению, ибо речь, по существу, идет о предоставлении дополнительной жилой площади. А это уже компетенция либо исполкома, либо администрации и фабрично-заводского или местного комитета, чье совместное решение в свою очередь подлежит утверждению исполкома. Так что районные судебные органы неправильно приняли дело к производству. Его полагалось прекратить еще там. А вместо этого оно перешло для рассмотрения в городской суд.

Что делать? Прекратить — и все? Но что-то мучает меня. Как только представлю себе эту квартирку, да еще с совмещенным санузлом, представлю возможные последствия такого соседства — не могу успокоиться. Ведь когда парень женится, здесь будет две семьи. Ох, и трудно им придется!..

Состояние такое, будто чего-то не доделала, упустила. Начинаю звонить руководству исполкома, треста. Выясняю, что инкто детально не знает, что собой представляют освободившаяся комната и квартира в целом. Прошу, уговариваю даже съездить туда, посмотреть на месте. Может быть, и в самом деле квартира рассчитана не больше чем на одну семью? Дают себя уговорить и обещают найти выход, тем более что трест, которому предоставлено право заселить эту комнату, понимает ситуацию и готов пойти навстречу.

Несколько дней мы обмениваемся мнениями, вносим разные предложения, ищем компромисс, который удовлетворил бы всех. И находим. Парню дают другую комнату, а освободившуюся оставляют семье Михаила Георгиевича. Тут оказалась редчайшая возможность решить проблему к общему удовольствию, хотя квартирный вопрос — трудный, не всегда так просто удовлетворяемый. В противном случае пришлось бы рассматривать дело о самовольном вселении со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В данном случае и работники исполкома, и работники треста обстоятельно вникли в суть дела, чего, к сожалению, не сделал инспектор. Он-то, выходит, формально отнесся к просьбе и так же формально ответил на нее. А люди ушли недовольные, ругали исполком, отдел учета и распределения жилой площади. Но виноват не исполком в целом, не отдел даже, а рядовой исполнитель.

И я думаю о том, до каких неприятностей может довести недобросовестное, пусть даже по заблуждению, выполнение служебных обязанностей одним человеком, простым исполнителем. Сделал неверный шаг он, а ассоциируется этот шаг с действиями целого учреждения. Не говоря, что ошибся Иванов, Петров, а ошибся исполком, трест, отдел, управление. К тому же порой конкретный Иванов упорствует в ошибке, и, чтобы исправить ее, приходится преодолевать его сопротивление, наступать на его самолюбие, бороться со всякого рода должностными амбициями, ложным понятием об авторитете в пределах данной тебе власти.

Московскому городскому суду подведомственны и дела, так сказать, международного характера, когда сторонами выступают либо

зарубежные фирмы и организации, либо отдельные иностранцы. Не часто о них пишут. Вот мне и захотелось рассказать о некоторых из таких дел, по которым нам приходится принимать решения.

Начну с исков, связанных с *общей аварией* в торговом мореплавании, и попробую объяснить, в чем их суть, на примере, который хотя и не исчерпывает всех возможных вариантов общей аварии, но очень показателен.

Допустим, теплоход с грузом на борту получил неожиданный крен. Чтобы удержать его на плаву, пришлось какую-то меньшую часть груза во имя спасения большей и самого корабля сбросить в море. Конечно, меры приняты чрезвычайные, но зато самые разумные в данной обстановке. Однако, как бы там ни было, но ущерб или вред есть. Намного меньший, чем мог бы быть, но есть. Кто за него отвечает, на чей счет отнести его? Чаше всего ущерб в определенных пропорциях распределяется между стоимостью груза, фрахта и судна. И решает это специальное должностное лицо, именуемое диспашером. Именно он составляет диспашу, то есть расчет убытков. По сути диспашер тот же арбитр. Подписанная им и не обжалованная в судебном порядке диспаша подлежит принудительному исполнению.

Ну, а коль возникают разногласия и стороны при заключении договора на перевозку договорились разрешать их, скажем, в Московском городском суде, то иск поступает к нам. И мы разрешаем его, руководствуясь Основами гражданского судопроизводства, Кодексом торгового мореплавания СССР (КТМ СССР), а также Йорк-Антверпенскими правилами. Они, кстати, получили свое наименование по городам Йорк и Антверпен, в которых в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века состоялись конференции представителей судовладельцев, грузовладельцев и страховщиков, выработавших первоначальную редакцию правил. Правда, в году 1924 была принята так называемая стокгольмская редакция, но название правила сохранили прежнее.

Однажды поступил к нам иск нескольких голландских компаний к голландской же фирме «Е. Вагенборгс Шипфарт эн Экспедицисбедриф НВ» о взыскании более двадцати тысяч голландских гульденов. Суть такова.

Теплоход «Лингеборг», принадлежащий фирме, вез из Клайпеды в порт Утрехт чуть меньше полумиллиона килограммов древесностружечных плит, часть из которых находилась на люках трюма. Вначале погода была хорошая, потом, как это часто случается на море, испортилась. Высота волн достигла двух метров, палубный груз стал смещаться то на левый, то на правый борт, пока часть его, оборвав найтовы, не ушла за борт. Для спасения судна и экипажа еще некоторую часть плит выбросили в море. Мореходность теплохода улучшилась, и он смог добраться в другой порт, где и была установлена недостача груза на эти более чем двадцать тысяч гульденов.

Истцы считали, что здесь нет общей аварии, а в ущербе виноваты судовладельцы, не обеспечившие мореходность судна; с них, следовательно, надлежит взыскать убытки. Представитель же ответчика иска не признавал, мотивируя тем, что плиты были небрежно уложены отправителем груза.

Начался сбор доказательств. Пришлось запросить десятки доку-

ментов, даже справку гамбургской метеослужбы о состоянии погоды в месте нахождения «Лингеборга». Но, пожалуй, наиболее весомо прозвучало заключение технических экспертов. Их единодушное мнение гласило: виноваты судовладельцы, которые не проконтролировали действий капитана, допустившего перегруз «Лингеборга», неудовлетворительное размещение груза в трюме и на люке, что и привело к потере мореходности. А ведь в соответствии с Кодексом торгового мореплавания СССР, да и Йорк-Антверпенскими правилами, перевозчик обязан привести корабль в мореходное состояние. Обязан! Однако в данном случае не сделал этого. Вот почему суд удовлетворил иск. С фирмы, которой принадлежал «Лингеборг», были взысканы ущерб, госпошлина, средства, понесенные для оплаты экспертизы, оплаты труда адвоката, и определенный процент годовых с присужденной суммы.

Или вот другое дело, уже не диспашерское. Оно проходило у нас под № 4180 и привлекло к себе пристальное внимание и западной прессы, и западных деловых кругов. Впрочем, об этом я узнала немного позже, когда товарищи из Инюрколлегии прислали мне переводы различных статей, комментариев и откликов. Но в те дни ни я, ни народные заседатели А. Г. Семенов и Н. С. Лебединский не подозревали даже о возможности такого резонанса. Мы просто разбирали иск одной иностранной фирмы к другой.

Суть его состояла в том, что один из экспонентов Международной химической выставки в Москве — народное предприятие ГДР «ФЭБ Фильмфабрик Вольфен» — подал в суд на участника выставки бельгийское предприятие «Геверт-Агфа НВ», специализирующееся на выпуске фототоваров, за незаконное использование в своем фирменном наименовании слова «Агфа». Более того, бельгийцы включили его и в распространявшийся здесь каталог. Истец выдвинул требование, чтобы суд обязал фирму устранить также слово «Агфа» из всех официальных документов и изданий, которые имели хождение на выставке.

Истец привел весьма веские доводы. Во-первых, фабрика фототоваров в Вольфене зарегистрирована еще в 1955 году в соответствующем национальном ведомстве ГДР как владелец товарного знака «Агфа», который в различных способах изображения и написания находится в республике под защитой. Во-вторых, он зарегистрирован и в СССР. Следовательно, народное предприятие имеет право исключительного единоличного пользования им в Советском Союзе. Таким образом, присвоение бельгийцами слова «Агфа» для фирменного наименования можно рассматривать как недобросовестную конкуренцию, которая мешает определить, какому предприятию принадлежит данная продукция, вводит в заблуждение потребителя и наносит существенный вред репутации товарного знака «Агфа».

Ответчик явно стремился запутать суть вопроса. Начал он с того, что вообще посчитал иск беспредметным. Дескать, выставка уже закончила свою работу, экспонаты заколочены в ящики и отправлены в свои страны и стоит ли теперь затевать спор? А к тому же истец вроде еще в 1964 году отказался от использования товарного знака «Агфа». И потом, по имеющимся у бельгийцев данным, словесный товарный знак «Агфа» коллегами из ГДР в Советском Союзе не зарегистрирован, а это исключает признание за истцом исключительно-

го права на него. Тем более что спорное фирменное наименование бельгийское предприятие вовсе не присвоило себе, а законно получило от западногерманского общества «Агфа Акциенгезельшафт Лерверкузен». Оно в полном соответствии с национальными законами было внесено в торговый регистр и согласно Парижской конвенции об охране промышленной собственности, к которой недавно присоединился и СССР, должно оказывать фирме защиту во всех странах.

Внимательно рассматриваем аргументы бельгийцев. Сперва высказывается довод о закрытии выставки. Да, она уже не функционирует. Но зато во многих официальных документах и изданиях, разошедшихся по всему миру, слово «Агфа» осталось, что, безусловно, наносит вред фабрике ГДР. Ведь проспекты и рекламы продолжают оказывать воздействие на потребителя и после выставки.

Несостоятельна и ссылка ответчика и на то, что якобы «ФЭБ Фильмфабрик Вольфен» с 1964 года отказалась от пользования товарным знаком «Агфа» и перешла на товарный знак «ОРВО». Из этого ровным счетом ничего не следует. По законам СССР владелец товарного знака не обязан им пользоваться, и это не влечет за собой никаких отрицательных последствий для его права на него.

Что же касается регистрации словесного товарного знака «Агфа» в СССР, то тут подвело бельгийцев отсутствие точной информации. Регистрация состоялась — сначала в ГДР, затем в Советском Союзе, где, кстати, действие охранного свидетельства было продлено еще на десять лет. Между тем бельгийская фирма зарегистрировалась у себя на родине тогда, когда народное предприятие ГДР уже давно существовало, о чем в деловом мире всем было известно. Конечно, согласно Парижской конвенции государство-участник должно оказывать фирменным наименованиям эффективную защиту. Но это происходит только в том случае, если они, будучи известными в стране, где испрашивается защита, пользуются приоритетом по сравнению с товарным знаком. Следовательно, получение права на защиту фирменного наименования предприятия в самой Бельгии еще не означает, что владельцы ее пользуются такими же привилегиями в СССР. В данном случае ущемлялись бы интересы народного предприятия ГДР, чей товарный знак, зарегистрированный у нас раньше, нежели образовалась бельгийская фирма, имеет приоритет и, следовательно, пользуется правом на исключительную защиту.

И уж совсем смешным выглядел довод о том, что бельгийцы получили фирменное наименование от западногерманской фирмы, которая сама... не имела на него права.

Суд удовлетворил иск народного предприятия ГДР во всех его положениях.

И тут я вернусь к тому, о чем писала в самом начале, — к пристальному вниманию западной прессы и западных дельцов к процессу. Почему вдруг? А очень просто. Недобросовестные писаки не раз уверяли деловой мир в том, что присоединение СССР к Парижской конвенции якобы пустая формальность и все равно, дескать, в Советском Союзе никакой правовой защиты по таким спорам никто не получит. Вот почему решение Московского городского суда вызвало в печати Бельгии, США, Англии, Франции, ФРГ столь многочисленные комментарии. Неудачливые газетные оракулы оказались посрамленными.

Но есть в этой истории еще одна сторона. В те времена правящие круги ФРГ не признавали ГДР и пытались, как в политике, так и в экономике, действовать таким образом, будто не существует на свете республики рабочих и крестьян. Следовало подобному курсу и та западногерманская фирма, которая якобы передала бельгийцам право на фирменное наименование, включая слово «Агфа». На самом деле бельгийская фирма была дочерним предприятием. Выпуская ее в Москву на выставку, западногерманские хозяева шли на сознательную провокацию — сойдет или не сойдет присвоение чужого? Не сошло.

Еще одна категория дел, которые нам приходится рассматривать, — бракоразводные. Но не обычные, а между советскими гражданами и иностранными, если один из супругов проживает за пределами Советского Союза. Тут работы больше, чем по нашим бракоразводным процессам. Да и сама процедура длится дольше. Ведь надо не только принять человека, выслушать его, посоветовать, как оформить заявление. Приходится входить с просьбой в отдел внешних сношений Министерства юстиции СССР, чтобы тот отправил в компетентный суд определенной страны просьбу известить, скажем, гражданку Катрин Чеснокову о предстоящем слушании ее дела о разводе с гражданином Советского Союза Иваном Чесноковым. Надо перевести для отправки в Шри Ланка исковое заявление гражданки СССР Евдокии Викрамасекера, которая желает после развода с мужем вернуть себе девичью фамилию Дерюжкина. Естественно, получается сообщить также о дне и часе суда.

Редко кто приезжает на разбирательство. Чаще извещают в письменном виде о согласии на развод. Иногда это официально оформленный документ, иногда — письмо, вроде того, которое пришло из Нигерии: «Жал, Люба, что мы с тобой расведемся на всегда. Я тебя не ненавижу и не серджус Твой муж до 25 сентября. Твой кофейник». Вот так: муж до такого-то числа. Муж, видимо, любивший пить много кофе и ласкательно прозванный «кофейником». Из разговора с Любой создается впечатление, что брачный союз и впрямь был заключен временно, на весьма короткий срок, до 25 сентября. Впрочем, советская гражданка с нигерийской фамилией не скрывает этого. Откровенно признает, что заключила брак по расчету, предполагая, что станет богаткой, будет шикарно одеваться, посещать рестораны. Не знаю, чего в ее рассуждениях больше — цинизма, пошлости или бесхребетности, исерьезности. А он просто обзавелся временной женой. Уехал и не подумал даже взять ее с собой. Теперь Люба радуется хотя бы тому, что нет детей. А вот у Евдокии Викрамасекеры их двое. Катрин и Ирен. Для нее все обернулось жизненной трагедией. Прожили четыре года. Дальше нет сил — муж много пьет, дерется.

Бывают случаи смешные. Как говорится, и смех, и грех. Например, семейное счастье Нины длилось неполных три месяца, с марта по июнь. Другая Нина была «счастливой» женой Мохамеда целых... два дня. Единодушно объясняют крах «разными взглядами на жизнь и семейные отношения».

Интересно, нельзя ли было выяснить эти взгляды до загса, а не

в ходе медового даже не месяца? А может, и выяснять не требовалось? И так известно, насколько разнятся наши взгляды на жизнь, труд, семью, любовь и многое другое от взглядов людей из другого, по сути, мира. Иное мировоззрение, иное воспитание. Даже если на любовь и брак смотрят одинаково, все равно семьи может и не получиться. Она ведь не на одной любви строится, хотя любовь в супружестве — основа, фундамент. Но, кроме фундамента, нужны еще стены, крыша, перекрытия, окна. Вон как много! А если по-своему воспитанный иностранный юноша желает держать свою советскую жену в четырех стенах? А если по-своему воспитанная Лили, Сюзи, Катрин желают, чтобы ее муж Ваня, Толя, Саша зарабатывал на жизнь путем обмана или эксплуатации других? Разве при самой сильной любви получится на такой основе семья? Я уже не говорю о том, что кому-то из супругов приходится покидать свою страну — не могут же они жить каждый в отдельности или довольствоваться наездами. Излишне, мне кажется, говорить, как нелегко, просто невозможно уезжать из страны, в которой ты родился, рос, которая вскормила тебя, с которой связаны все твои представления о жизни, о прошлом и будущем.

Когда я разбираю такие бракоразводные дела, просто сердце болит. Сколько понапрасну разбитых судеб и сколько легкомыслия, легковещности, необдуманности. Брак между людьми одной страны — и то вещь непростая, а разных — и подавно. Не каждому дано выдерживать подобное испытание, и тем более «скоропортящимся» семьям.

Мне посчастливилось побывать в составе советской делегации, возглавляемой заместителем председателя Верховного суда РСФСР Ниной Юрьевной Сергеевой, на одном из конгрессов Международной федерации женщин-юристов во Франции, в городе Антиба неподалеку от Ниццы. Зная, что буду заседать в рабочей комиссии по семейному праву, заранее приготовилась отвечать на тысячу и один вопрос. Юристы народ толковый, наше законодательство, гарантирующее женщинам равные с мужчиной права в семье, обществе, государстве, знают отлично. Но захотят услышать от нас, как гарантии осуществляются на практике. Вот и запаслась примерами, цифрами, фактами, любопытными подробностями. Старалась предугадать даже провокационные вопросы. Они неминуемы при столь неоднородном составе организации и, конечно, разном отношении к нам.

Само обсуждение в рабочей комиссии прошло не совсем обычно. Ни специальных докладов, ни официальных выступлений, ни даже прений, свойственных таким форумам. Был просто душевный разговор по принципу: «А у вас? — А у нас...». Моих коллег интересовали быт наших женщин, их положение на производстве, в организациях и учреждениях, правовое положение в семье (в некоторых странах работающая жена даже собственной зарплатой не вправе распорядиться без согласия мужа), система оплаты труда (за рубежом она не везде одинакова с оплатой труда мужчин) и многое другое.

Особенно оживленно обсуждалось законодательство об абортах. У нас они разрешены, а во многих государствах запрещены. В итоге, как правило, страдают женщины бедного сословия. Они либо зани-

маются самолечением, либо обращаются за помощью к не очень квалифицированным акушеркам, практикующим тайно и плохо. Это приводит к тяжелым последствиям. Богатые женщины решают во; прос легко — они едут прерывать беременность в другие страны, где абортс законом разрешены.

Делегатки из развивающихся стран задавали бесконечное множество вопросов. Я давала объяснения и как юрист, и как женщина, мать.

Мы побывали также в Париже, Лионе, Марселе. Встречались с юристами, чаще всего в зданиях судов, помещения которых производят приятное впечатление. Все в них строго функционально, продуманно: и кабинеты, и залы заседаний, и даже коридоры.

Между прочим, именно здесь опять вспомнилось предложение, высказанное как-то в «Литературной газете», о мантиях для судей, адвокатов, прокуроров. Даже сама хотела выступить, да все никак не могла собраться. Все-таки мантия в судебном процессе не только красива сама по себе, но и психологически эффектна как атрибут власти. Она и дисциплинирует, и вызывает должное уважение у всех присутствующих, и обладает какой-то суровой, требовательной значимостью.

В связи с этими размышлениями я попробовала вроде бы со стороны взглянуть на себя во время работы. В чем появляться на процессе? Конечно же, в строгом наряде. А что для женщины строго? Костюм? Платье-костюм? Платье? Думаю, что и для мужчин это проблема. Между тем мантия как форма универсальна, хорошо смотрится на всех. Кто сказал, что она свойственна лишь буржуазным судам, а нам по этой причине не подходит? Неверно. Был и галстук буржуазным пережитком, и шляпа. В свое время (и это вполне закономерно) ругательными считались, например, слова «офицер», «погоны». Но изменилась обстановка, изменились взгляды людей, изменилось и само содержание этих слов. Мы с гордостью говорим о советских офицерах, наши мужья и сыновья с гордостью носят погоны. Так почему по-новому не взглянуть и на мантию? Думается, над этим стоит поразмыслить.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

наши
консультации

ЛЬГОТЫ ПРИЗЫВНИКАМ

Ежегодно в мае-июне и ноябре-декабре в нашей стране проводится призыв граждан на действительную военную службу, а в феврале-марте — приписка к призывным участкам тех, кому в год приписки исполняется семнадцать лет.

В редакцию поступают письма с просьбой рассказать о льготах, предоставляемых призывникам, а также лицам, которые привлекаются к работе на призывных участках.

Ответить нашим читателям мы попросили полковника юстиции В. Вандышева.

На время, необходимое для явки в военный комиссариат или в военно-учетный орган по делам, связанным с воинским учетом, припиской к призывным участкам, призывом на действительную военную службу, учебными и поверочными сборами, а также для восстановления учетно-воинских документов, утраченных вследствие стихийного бедствия, гражданам предоставляется отпуск. Причем за ними сохраняется средний за-

работок или стипендия (если она выплачивалась) по месту работы или учебы за время, фактически затраченное на эти цели, с учетом продолжительности проезда до военкомата или учетного органа и обратно. Срок освобождения от работы в связи с вызовом военкомата или учетного органа с сохранением заработка (стипендии) не должен превышать трех дней подряд.

Если необходимо посетить военкомат или военно-учетный

орган без их вызова (например, чтобы подать заявление для получения льгот по семейному положению), работнику может быть предоставлен по его просьбе отпуск без сохранения заработной платы.

Допущенным к вступительным экзаменам в военно-учебное заведение предоставляется отпуск для явки и сдачи экзаменов с сохранением должности и среднего заработка по месту работы на время сдачи экзаменов.

За призывниками и военно-обязанными, направляемыми военными комиссариатами на диспансерное, амбулаторное или клиническое обследование, сохраняется в течение всего периода нахождения в медицинском учреждении и в пути место работы или учебы, должность и средний заработок или стипендия (если она выплачивалась). При помещении на стационарное лечение им выплачивается пособие по государственному социальному страхованию, а студентам высших и учащимся средних специальных учебных заведений — стипендия.

Когда призывники и военно-обязанные направляются на обследование и лечение вне места постоянного жительства, то за дни амбулаторного обследования, если оно продолжалось более суток, а также за время нахождения в

пути военкомат выплачивает им суточные и возмещает транспортные расходы.

Призывники в год призыва на действительную военную службу не могут быть уволены с работы по инициативе администрации, кроме лиц, систематически нарушающих трудовую дисциплину.

Юношам, проходящим в городах допризывную подготовку без отрыва от производства в учебных организациях ДОСААФ и в учебных заведениях системы профессионально-технического образования, на период сдачи экзаменов предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью 5—7 рабочих дней с сохранением за ними среднего заработка по основному месту работы.

За юношами, которые проходят допризывную подготовку в сельской местности с отрывом от производства, на все время подготовки, включая время проезда к месту учебы и обратно (если это связано с выездом в другую местность), сохраняется занимаемая должность. За этот период им выплачивается 50 процентов среднего заработка по месту работы.

Расходы по найму жилого помещения для призывников в период их обучения, а также на проезд к месту учебы и обратно несут предприятия,

учреждения, организации и колхозы, в которых они работают.

Иногда рабочих, служащих, колхозников — чтобы обеспечить их военную подготовку без отрыва от производства — временно переводят по просьбе военного комиссариата на другую работу, в связи с чем по не зависящим от них причинам снижается размер их зарплаты. В таких случаях за ними на все время перевода сохраняется средний заработок по прежней работе.

При увольнении рабочего или служащего в связи с призывом на военную службу или поступлением в военно-учебное заведение администрация обязана произвести с ним полный расчет и выплатить выходное пособие в размере среднего двухнедельного заработка. Колхозникам выплачивается выходное пособие в размере половины начисленного среднемесячного заработка. Студентам вузов, учащимся средних специальных учебных заведений и училищ всех видов, а также молодым специалистам, не приступившим к работе в связи с призывом на военную службу или поступлением в военно-учебное заведение, выходное пособие выдается в размере половины месячной стипендии (если они ее получают) за счет средств учебных заведений и училищ.

Если рабочий, служащий или колхозник при очередном призыве должен явиться в призывную комиссию, находящуюся на большом расстоянии от места его жительства, в связи с чем возвращаться ему для расчета на работе и устройства личных дел затруднительно, по указанию военного комиссариата полный расчет с ним производится перед явкой в призывную комиссию.

Граждане, призванные в Вооруженные Силы или поступившие в военно-учебные заведения, а затем по каким-либо причинам освобожденные от военной службы, уволенные в запас или отчисленные из военно-учебных заведений, имеют право возвратиться на прежнее место работы и на ранее занимаемую должность, если со дня их призыва (зачисления на учебу) прошло не более трех месяцев, не считая времени на проезд к месту постоянного жительства. При повторном призыве выходное пособие выплачивается на общих основаниях.

Для проведения призыва граждан на действительную военную службу в районах (городах) создаются призывные комиссии. За членами призывных комиссий, врачами, техническими работниками и лицами обслуживающего персонала, выделяемыми для работы на призывных участках

во время приписки и призыва граждан на действительную военную службу, а также для отправки призванных в воинские части, за все время выполнения этих обязанностей сохраняется средний заработок по месту работы. Если выполнение указанными лицами своих обязанностей связано с выездом из места постоянного жительства, военные комиссариаты возмещают им расходы по проезду от места жительства до места работы и обратно и по найму жилого помещения, а также выплачивают суточные по нормам, установленным для служебных командировок.

Заработная плата по месту работы сохраняется и за лицами медицинского персонала, которых исполкомы местных Советов выделяют в состав врачебных комиссий, создаваемых для периодического медицинского обследования граждан, состоящих в запасе Вооруженных Сил СССР.

Работающим по совместительству лицам, привлекаемым к работе на призывных участках или во врачебных комиссиях, заработная плата сохраняется и по совмещаемой должности.

В случае вызова работников военно-учетных столов при исполкомах местных Со-

ветов в военкоматы для сверки данных воинского учета и инструктажа за ними сохраняется на это время зарплата по месту работы, и, кроме того, военкоматы возмещают им расходы по проезду к месту назначения и обратно и по найму жилого помещения, а также выплачивают суточные.

Средний заработок, из расчета которого производятся гарантийные выплаты, исчисляется исходя из заработка за два последних календарных месяца работы. Лицам, получающим твердые должностные оклады (ставки), средний заработок в указанном случае не исчисляется, и расчеты с ними производятся исходя из оклада (ставки).

Льготы, о которых мы рассказали, предусмотрены Законом о всеобщей воинской обязанности, принятым Верховным Советом СССР 12 октября 1967 года, и Инструкцией о порядке материального обеспечения граждан СССР при призыве на действительную военную службу и прохождении службы в запасе (утверждена постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Секретариата ВЦСПС от 29 апреля 1968 года).

Как возмещается ущерб, понесенный гражданами при спасении социалистического имущества?

И. Поклонов, Москва.

В статье 95 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик записано: «Вред, понесенный гражданином при спасении социалистического имущества от угрожавшей ему опасности, должен быть возмещен той организацией, имущество которой спасал потерпевший. Порядок возмещения вреда

устанавливается законодательством союзных республик».

По закону возмещение вреда не должно зависеть от того, в какой мере человеку удалось спасти социалистическое имущество, оградить интересы той или иной организации. Известны, например, случаи, когда добровольцы, стремясь спасти общественные материальные ценности (во время наводнения, пожара, других стихийных бедствий или при опасности, вызванной неправильными, незаконными действиями тех или иных лиц либо иными обстоятельствами), получили увечья, так и не осуществив своего намерения. Однако им возмещался ущерб, понесенный ими при этом.

Каков же порядок возмещения такого ущерба? При повреждении здоровья прежде всего возмещается ущерб от потери заработка вследствие утраты трудоспособности — профессиональной или общей. Кроме того, если получивший повреждение здоровья нуждается (по заключению ВТЭК) в уходе, усиленном питании, санаторно-курортном лечении, протезировании и так далее, затраты на это также должны быть ему возмещены.

Несчастный случай, происшедший с гражданином при выполнении им своего долга по охране социалистического имущества, считается связанным с работой (то есть трудовым увечьем). Поэтому пособие по социальному страхованию согласно пункту 63 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному

социальному страхованию ему будет выплачено в том же размере, что и при несчастном случае, связанном с работой.

Инвалидность, полученная рабочим или служащим при спасании социалистического имущества, также считается наступившей вследствие трудового увечья.

Если назначенная потерпевшему пенсия или пособие не возмещают утраченного заработка, то ущерб и в этом случае обязана возместить та организация, имущество которой спасал потерпевший.

Организация или предприятие возмещают потерпевшему ущерб независимо от того, виновны ли они в том, что их имущество подвергалось опасности, и в том, что человеку, спасавшему народное достояние, нанесен ущерб. При этом, однако, должно быть установлено, что опасность, которую предотвращал добровольный спасатель, была реальной.

Бывает, что в предотвращении происшествия принимают участие граждане, не застрахованные в порядке государственного социального страхования (например, сборщики грибов, ягод, лекарственных трав). Их приравнивают к соответствующей категории рабочих или служащих, и ущерб возмещается им в виде периодических платежей. Размер возмещения определяется по правилам, установленным статьей 92 Основ гражданского законодательства и статьей 464 ГК РСФСР (или соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик).

Если в спасании социалистического имущества участвовали подростки и дети, а соответствующая организация добровольно не возместила понесенный ими ущерб, то по иску родителей, опекунов или самого потерпевшего народный суд может вынести решение о возмещении затрат, понесенных на лечение, усиленное питание и так далее, а также о признании за подростком права на возмещение убытков, вызванных потерей трудоспособности. Это право может быть реализовано подростком по достижении пятнадцати лет, когда и будет определен размер возмещения ущерба.

Возмещается также ущерб, понесенный человеком в результате порчи или уничтожения его имущества.

Во всех случаях обстоятельства, при которых гражданин понес ущерб, выполняя долг по охране социалистической собственности, устанавливаются на основании протоколов (актов, справок) исполкомов сельских Советов, органов милиции, пожарной охраны и других организаций, а также медицинского учреждения, оказавшего помощь пострадавшему.

Советское законодательство стоит на страже прав не только тех

граждан, которые лично участвовали в спасении народного достояния. Известно, что иногда, оберегая народное добро, отважные люди жертвуют даже жизнью. Разумеется, наш закон обеспечивает интересы тех лиц, которые состояли на иждивении погибших или имели право на получение от них содержания. Подробно вопросы, связанные с обеспечением иждивенцев погибшего, регулируются Положением о порядке назначения и выплаты государственных пенсий. Если пенсия не полностью возмещает причиненный этим лицам ущерб, они имеют право на получение дополнительных сумм от организации, спасая имущество которой погиб их кормилец.

Е. ЕФИМОВ,
кандидат юридических наук

Расскажите, пожалуйста, кто и в каких случаях может быть награжден медалью «Ветеран труда»,— просит Г. Хохлов из Архангельска.

Медалью «Ветеран труда» в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 года награждаются рабочие, колхозники и служащие за долголетний добросовестный труд в народном хозяйстве, в области науки, культуры, народного образования, здравоохранения, в государственных

учреждениях и общественных организациях после того, как они достигли пенсионного возраста и ушли на заслуженный отдых.

К награждению медалью представляются рабочие, колхозники и служащие, которым пенсия по старости назначена после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1974 года. Лица, перешедшие на пенсию до издания Указа, могут быть представлены к награждению медалью, если они после назначения пенсии не прерывая трудовой деятельности, продолжают работать на том же предприятии, в учреждении, организации.

Ходатайства о награждении медалью «Ветеран труда» возбуждаются администрацией, партийными и профсоюзными организациями предприятий и учреждений, районными, городскими партийными, советскими органами.

Награждение медалью производится от имени Президиума Вер-

ховного Совета СССР Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик, исполнительными комитетами краевых, областных, а также Московского и Ленинградского городских Советов депутатов трудящихся.

В. НОВИЧКОВ, юрист

**А. Платонову
из Свердловска
интересует, может ли
гражданин взять назад
свое заявление
об увольнении с работы
по собственному
желанию.**

В соответствии с трудовым законодательством рабочие и служащие имеют право расторгнуть трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, предупредив об этом администрацию письменно за две недели. По истечении этого периода рабочий или служащий вправе прекратить работу, а администрация обязана выдать ему трудовую книжку и произвести с ним расчет.

Но может ли работник, письменно предупредивший администрацию о том, что он хочет расторгнуть трудовой договор, взять свое заявление обратно? Ответ на этот вопрос содержится в постановлении № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 22 января 1974 года. Там сказано, что «работник, предупредивший администрацию о расторжении трудового договора, заключенного на неопределенный срок, вправе до истечения срока предупреждения отозвать свое заявление, и увольнение в таком случае не производится, если на его место не приглашен другой работник, которому в соответствии с законом не может быть отказано в заключении трудового договора, и в иных случаях, если они предусмотрены кодексами законов о труде союзных республик».

Л. КРАВЧЕНКО, юрист

А. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат юридических наук

КЛОЧОК ГАЗЕТЫ

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРОКУРАТУРЫ

Сегодня утром меня вызвал прокурор. Он сказал, что вчера поздно вечером милиция задержала двух парней с украденными из торгового склада вещами. Задержали их на месте кражи по звонку сторожа. Парни находятся в милиции. Один из них несовершеннолетний. Поэтому мне следует поехать туда, допросить их, возбудить уголовное дело, если есть основания.

Я сразу поехал в милицию. Задержанными оказались некий Козухин и Коноплев. В милиции находился и украденный со склада чемодан с вещами. На допросе Козухин признался, что чемодан украл он, утверждая при этом, что кражу совершил один. С Коноплевым незнаком.

Коноплев отрицал участие в краже.

— Не участвовал я в этой краже, не участвовал,— говорил он, глядя мне в глаза.

— Допустим. Тогда скажите, почему вы шли вместе с Козухиным, несли чемодан, а увидев милицию, пытались скрыться?

— Не нес я никакого чемодана. Его нес этот парень. Я шел с занятий из вечернего института и догнал его. Когда начал его обходить, появилась милицейская машина. Парень бросил чемодан и побежал. Я увидел, что он очень испугался милиции, и понял, что здесь что-то не так. Поэтому и побежал.

— Если вы не имели отношения к этому делу, то почему побежали?

— Со страху. А что было делать? Брошенный чемодан лежал рядом. Парень уже отбежал. Меня бы все равно задержали.

Может быть, так и было на самом деле. А может, и нет. Но почему Коноплев не сказал, где находился после окончания занятий в институте? Я установил, что занятия закончились без пятнадцати минут десять. В десять часов вечера в институте уже никого не было. Коноплев был задержан около часа ночи. Где он находился эти три часа? «Это мое личное дело»,— сказал он. Если бы только личное! Не исключено, что Коноплев и Козухин сговорились. Козухин — несовершеннолетний и берет всю вину на себя. Такие случаи бывают.

На территории склада оперативная группа обнаружила следы ног трех человек. Сняты отпечатки. Они исследуются. Других доказательств по делу пока нет. А их надо искать. Надо выяснить, что же произошло на самом деле. И должен это сделать я.

Иду в бухгалтерию районного треста столовых к бухгалтеру Нине Петровне Коноплевой. Может быть, она расскажет о своем сыне что-нибудь интересное для меня. Не исключено, что эта встре-

ча — пустая трата времени. Поднимаюсь на второй этаж к главному бухгалтеру треста. О встрече с ним я договорился перед тем, как идти сюда. По телефону он пригласил к себе Коноплеву. Через несколько минут в комнату входит полная блондинка и, не взглянув на меня, подходит к столу главного бухгалтера. Он, кивнув в мою сторону, говорит:

— Вот товарищ из прокуратуры хочет с вами побеседовать.

Женщина неловко поворачивается ко мне, и в ее глазах я вижу растерянность и испуг.

— Не буду вам мешать,— говорит главный бухгалтер, медленно поднимается из-за стола и неторопливой походкой выходит из кабинета.

— Вы — мать Коноплева Владимира? — она утвердительно кивает головой.— Вы знаете, где он?

— Нет.— Она бледнеет.— Я уже вся переволновалась. А что с ним?

— Он задержан. Сейчас он находится в милиции. Подозревается в краже.— Она смотрит на меня широко открытыми глазами.— Вы можете помочь вашему сыну и следствию, но для этого вы должны говорить мне только правду.— Она согласно кивает головой.— Скажите, когда обычно ваш сын приходит из института?

— Обычно он приходит часов в одиннадцать вечера или около того.

— Были случаи, когда он задерживался?

— Очень редко. Если задерживался, он предупреждал меня об этом заранее.

— Во сколько он должен был прийти домой вчера?

— Как обычно. Он мне ничего не говорил.

— Скажите, почему ваш сын оказался ночью на улице Красина? — Она поднимает голову, и видно, что она напряженно думает.

— Не знаю, товарищ следователь,— говорит Коноплева. Голос ее дрожит, на глазах выступают слезы.— Не знаю, он мне ничего не говорил об этом.

— Есть ли у него знакомый Евгений Козухин?

— Не знаю, кажется, нет.— Она пальцем снимает слезу с ресниц.

— Ну, тогда все. Прочитайте протокол и подпишите.

Она читает, вытирая слезы, затем подписывает.

— Что с ним будет? — спрашивает она.— Его посадят?

— Разберемся,— вздохнув, отвечаю я.

Ничего нового не дал допрос. Не подтвердил и не опроверг показания Коноплева. Теперь нужно выяснить, что украдено, и допросить сторожа.

На складе мне дают ведомость о недостатке товаров. Украдено три чемодана, четыре фотоаппарата «Зенит», много других вещей. Я сижу в конторке кладовщика, передо мной перечень украденного. Входит сторож: почти старик, с заросшим темной щетиной лицом, садится на краешек пустого ящика. Быстро-быстро мигая сонными глазами — он спал в сторожке, и его только что разбудили, — достает сигареты, закуривает. Делает он это медленно, не спеша, но руки у него дрожат.

— Расскажите, как была совершена кража, — говорю я.

Он бросает на меня быстрый взгляд, затягивается.

— Не знаю, как она была совершена, не видел. Я только слышал разговор. Разговаривали негромко двое или трое мужчин. Один заикался. Мне показалось, что говорят за забором у сарая. Я постоял и ушел оттуда. Потом вспомнил, что в сарае сейчас тоже хранится товар. Раньше его там не было. Решил проверить. Подошел, а там дверь настежь. Вот и все.

Опять не спеша затягивается, и я вижу, как дрожит его рука.

Составляю протокол, сторож его подписывает, и я выхожу из конторки. Сейчас нужно снова побеседовать с Козухиным, так как по делу появились новые данные.

Козухин смотрит по-прежнему хмуро, прячет глаза. Видно, что разговаривать не хочет.

— Кражу вы совершили не один, — говорю я ему. — Это установлено. Во-первых, украдено три чемодана, четыре фотоаппарата и вещей гораздо больше, чем изъято у вас. Во-вторых, на складе обнаружены следы ног трех человек. Наконец, сторож слышал голоса. Разговаривало несколько человек. Один заикался. Вы что же, говорили сами с собой? И для разнообразия заикались? Так что ли?

— Это меня не касается. Кражу совершил я один.

— Послушайте, Козухин, тех, кто участвовал в краже, мы все равно найдем и привлечем к ответственности. Подумайте о себе: чистосердечное признание смягчает ответственность. Понимаете?

— Понимаю. Кражу совершил я один.

На этом и кончается наш разговор.

Что дальше? Как же узнать, кто еще участвовал в краже? Коноплев? Пока ничего нового. Сторож? Может быть, заняться им? Дать задание уголовному розыску? А какие основания? Руки дрожат. Какое это имеет значение? Что же делать?

Опять, уже в который раз, начинаю перечитывать материалы дела. Протокол осмотра места происшествия. Протоколы задержания Коноплева, Козухина. Клочок газеты, обнаруженный в кармане последнего. На бумажке карандашом написано число, похожее

на номер телефона. Я беру в руки этот клочок. Он оторван от угла газеты. С одной стороны — цифры. На обратной стороне крупными буквами — видимо заголовок — напечатано «Там, где ра...». От какой газеты он оторван? Зачем? Имеет ли отношение к делу? Козухин утверждал, что это не его клочок и как он попал к нему в карман — не знает. Так ли это? Нужно проверить. Я снимаю трубку телефона и набираю номер, написанный на клочке. Звучат гудки, затем слышится щелчок.

— Алло, — раздается в трубке женский голос.

— Это институт? — спрашиваю я первое, что приходит в голову.

— Нет, квартира.

Больше я ничего не успеваю сказать — в трубке поют короткие гудки.

Так, значит, это номер квартирного телефона. Теперь необходимо выяснить, где она находится и кто в ней живет.

Через некоторое время я уже знаю, что квартира коммунальная, проживает в ней три семьи: муж и жена Пирожковы, пенсионеры, Семечкины — мать с дочерью, и Волгины — отец, мать и сын Виктор, семнадцати лет.

Теперь нужно съездить на квартиру и выяснить, имеет ли кто-либо из них какое-то отношение к краже. Не Виктор ли Волгин?

Дверь квартиры открывает пожилая женщина. Я здороваюсь и спрашиваю, могу ли видеть кого-нибудь из семьи Волгиных. Женщина оборачивается, кричит в глубь квартиры: «Тоня!» — и не спеша уходит по коридору. На ее крик из боковой комнаты выходит женщина в цветастом халате.

— Здравствуйте. Могу я видеть Антонину Петровну Волгину?

— Это я, — отвечает женщина. — Проходите, пожалуйста.

Я иду вслед за ней в комнату. Она вопросительно смотрит на меня.

— Я следователь прокуратуры. Вот мое удостоверение. Меня интересует следующее... — не спеша начинаю я. «Нужно быть осторожным в разговоре, выяснить все о ее сыне, но сделать это незаметно, как бы между прочим». — Дело вот в чем. Задержали одного преступника, в кармане его брюк нашли записку с номером телефона вашей квартиры. Вспомните, за последнее время ничего у вас не пропадало? Приходил ли в квартиру кто-нибудь подозрительный? Может, гостил кто-нибудь. По лотерее никто из жильцов не выигрывал крупных сумм? Пожалуйста, подумайте и скажите о том, что, по вашему мнению, важно.

Она опускается на стул, кладет руку на край стола, гладит ладонью скатерть.

— Так, подозрительные люди. Кажется, здесь я таких не встречала. Соседи у нас вполне приличные. Мы давно живем вместе. Никогда ничего не случилось. Гостей не было. Выигрыши? Да, действительно, Станислав Иванович, сосед, играет в «Спортлото». Недавно выиграл, кажется, рублей тридцать.

— Сын ваш никого сюда не приводил в последнее время?

— Нет, он еще ребенок. Только-только школу закончил. В институт поступал, но, понимаете, не повезло,— она вздохнула.— Теперь пойдет работать. Он дружил с мальчиками из своего класса, но все они хорошие ребята. Чаще всего он бывал с Сашей Денисовым. Сейчас Саши нет в городе. Он поступил в летное училище. Да, на прошлой неделе Виктору звонил какой-то Жора. Виктор потом мне сказал, что он хороший парень и что я его якобы знаю. Я никакого Жоры не помню. Но ведь могла и забыть. Он раньше якобы жил на нашей улице, а сейчас живет где-то в другом месте. Жаль, что Виктор уехал на дачу, он мог бы рассказать сам. Виктор говорил, что мать Жоры работала или работает, кажется, продавцом.

— А у соседей нет подозрительных знакомых?

Она пожимает плечами.

— Кажется, нет. Лена Семечкина работает на фабрике. Она рассказывала, что у них было какое-то дело, судили кого-то...

— Хорошо, я поговорю с ней. Спасибо. Если узнаете о чем-нибудь, позвоните мне вот по этому телефону,— я пишу на листке номер и передаю ей.— А Лена сейчас дома?

— Нет, она на работе.

Прощавшись, я выхожу из квартиры. Иду по улице, ничего не видя и не слыша. Меня словно оглушило. Все факты, установленные по делу, увязываются в одну неразрывную цепочку.

Когда я ехал сюда, в эту квартиру, то не ожидал, что могу получить здесь что-нибудь очень ценное для следствия. И действительно, этот клочок газеты в кармане Козухина мог оказаться случайно. Но сейчас я словно прозреваю.

Еще раньше я обратил внимание на то, что клочок оторван точно по размеру написанного. Значит, отрывали его специально, чтобы иметь под рукой именно этот клочок с номером телефона. Мог ли такой клочок оказаться случайно в кармане Козухина? Нет, не мог. Значит, Козухин знает о его существовании. Знает и молчит. Почему? Если телефон не имеет отношения к делу, Козухин, естественно, рассказал бы о нем. Значит, он имеет отношение к делу и именно поэтому Козухин ничего не говорит. Иначе он должен будет сказать, кто стоит за этим номером телефона. Кто? Попробуем при-

менить метод исключения. Пенсионеры Пирожковы? Вряд ли. Мать и дочь Семечкины? Нет. Волгины? Мать и отец тоже отпадают. Остается один Виктор Волгин. Он уехал на чью-то дачу. Мать не знает куда. А не инсценирован ли отъезд? Возможно. Тогда можно предположить, что Волгин — участник кражи. Значит, их уже двое: Козухин, Волгин. Кто еще? Коноплев? Коноплев. Коноплев. А где остальные два чемодана? Их унес Волгин? Допустим. Но куда? Не домой — это точно. Там их нет, в этом я уверен. Тогда где они? На даче у его знакомого? Мать перечислила всех его друзей. Последнее время Виктор ни с кем из них, за исключением некого Жоры, не встречался. Кто Жора? Как его найти? Наверное, нужно связаться с участковым инспектором. Другого пути нет.

Придя в прокуратуру, звоню участковому и договариваюсь с ним о встрече. Когда я собираюсь уходить, раздается звонок. Звонит эксперт-криминалист и говорит, что по делу исследование закончено. Я спрашиваю, идентичны ли отпечатки обуви Козухина и Коноплева со следами, оставленными на складе. Он отвечает, что со следами совпали только отпечатки обуви Козухина. На чемодане также отпечатки пальцев Козухина.

— А Коноплева? — спрашиваю я.

— Следов Коноплева нет. Приезжайте сами, — приглашает он меня. — Посмотрим вместе.

Я звоню участковому и прошу перенести встречу на вечер. Он соглашается, говорит, что сегодня дежурит и будет у себя часов до двенадцати ночи.

Я иду к эксперту-криминалисту. Он показывает мне снимки следов ног трех человек. Одни следы оставлены полуботинками Козухина, вторые — человеком, обутым в кеды, и третьи — большими, сорок третьего размера башмаками. Следов Коноплева нет.

Да, Коноплев, наверное, невиновен. Если это так, то задерживать его больше нельзя. Надо немедленно выпускать. Видимо, здесь действительно случай. Неприятный и для него, и для нас случай.

Я возвращаюсь в кабинет и вызываю Коноплева. Он входит хмурым, но спокойным, садится на стул, смотрит на меня.

— Я считал, что человека просто так, ни за что посадить не могут. А сам вот сижу — и ничего. — В его голосе злость и горечь.

— Вы ошибаетесь, Коноплев. Вас никто не сажал, вы — задержанный. Сажают, как вы выразились, только с санкции прокурора либо по приговору суда. Вас же только задержали, и задержали по закону. Вот что гласит закон применительно к вашему случаю:

лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано, если оно покушалось на побег. Вас и Козухина милиция встретила сразу после совершения кражи, и вы шли рядом. У Козухина был украденный чемодан. Увидев милицию, Козухин его бросил, и вы оба пытались скрыться.— Он все это время молча смотрит на меня.— Как видите, все здесь правильно, все по закону. Будь вы на месте милиции, поступили бы так же.

— Ну, не виноват я! Должны же вы разобраться в этом!

— Мы разобрались,— отвечаю я.— Оснований задерживать вас далее нет. Вы — свободны.

— Хм,— неопределенно хмыкает он.— До двери вашего кабинета свободен,— и отворачивается, смотрит в окно.

— Нет, не до двери. Можете идти домой.

Он, недоверчиво глядя на меня, поднимается со стула.

— А вещи, конспекты?

— Их вам выдадут. В том, что вы находились здесь, виноваты и вы сами. Почему вы не говорите, где находились после занятий?

— Не все ли равно. Это мое личное дело. Любовь у меня. А что мне сказать на работе?

Я выписываю ему повестку, в которой отмечаю, что он находился в прокуратуре в течение всего дня. Попрощавшись, он выходит.

К участковому инспектору, лейтенанту милиции Федорову я приезжаю только в семь часов вечера. Он встречает меня крепким рукопожатием сильного человека. Милицейская форма плотно облегает его спортивную фигуру.

— Ну, что случилось? — спрашивает он и предлагает мне садиться.

— Я расследую дело о краже вещей из торгового склада. По некоторым данным, в краже мог участвовать некто Жора, проживавший раньше на Смоленской улице. Может быть, он и сейчас там живет. Сведения у меня не совсем определенные. Вот я и приехал, чтобы проверить это.

— Ясно,— отвечает Федоров, встает и начинает ходить по кабинету.— Так, Жора. Есть один Жора на Смоленской улице.— Он некоторое время молча ходит по кабинету и, глядя в пол, о чем-то думает.— Когда была совершена кража?

— Сегодня ночью.

— Так, так. Давайте сходим, поговорим. У меня к нему тоже дело есть.— Он берет со стола офицерскую полевую сумку, и мы выходим на улицу.— Но знаете, мне кажется, что он не мог участвовать в этой краже. Не такой он человек: недавно демобилизо-

вался из армии, сразу устроился на работу, собирается поступать в институт. Я его знаю. Впрочем, посмотрим.— Он замолкает. Некоторое время мы идем молча.— А что украдено?

— Трикотаж, часы, фотоаппараты. Три желтых кожаных чемодана.

— Вот его дом. Вы пойдете со мной?

— Нет, я подожду здесь.

— Хорошо,— отвечает он и уходит.

Я остаюсь один у подъезда. Закуриваю, сажусь на скамейку.

«Итак, Жора есть, но, наверное, не тот. И вообще, имеет ли Жора какое-то отношение к данному делу? Что делать дальше? Что? Тупик. Неужели не найду воров? Может быть, зря отпустил Коноплева? А вдруг он — участник? Почему он не сказал, где находился после занятий? И если он действительно участник, тогда уж точно ничего не найти. Все спрячет, все следы уничтожит. Стоп, стоп, стоп. Что-то я не о том. Этот вопрос я уже решил, и возвращаться к нему оснований нет. Никаких новых доказательств против Коноплева не появилось. И если версия с Жорой не подтверждается, то при чем здесь Коноплев? Не о том я думаю, не о том. Есть еще Волгин. Видимо, нужно работать в этом направлении. Не случайно же номер его телефона оказался у Козухина. Вопросы, вопросы, вопросы. Где ответы? Где?»

Я с силой давлю окурочку сигареты о ножку скамейки. В это время из подъезда выходит Федоров. Я вопросительно смотрю на него. Он некоторое время молчит.

— Нет, он не участвовал. Болеет он. Лежит дома третий день.— Мы молча выходим со двора.— Знаете, на Смоленской улице жил еще один Жора. Его полтора года назад посадили за хулиганство. Этим летом должен освободиться. А может, уже освободился. Никаких официальных сведений мне о нем не поступало. В отделе говорили, что туда приходил его отец, просил, чтобы Жоре разрешили после освобождения жить у него. Сам хочет его воспитывать. Он женат на другой. Говорил, что больше не может доверять сына бывшей жене. Она работает продавцом в универмаге и ведет легкий образ жизни. Зайдем к ней, выясним? Она живет здесь.

«Продавцом?! Может быть, это и есть тот самый Жора, который мне нужен? Волгина говорила, что мать Жоры как будто работает продавцом».

— Хорошо,— отвечаю я,— давайте зайдем.

Мы поднимаемся на лифте на четвертый этаж, участковый звонит в квартиру. За дверью слышатся шаги, она открывается. Перед нами стоит молодой человек высокого роста с тонкими черными усиками и короткой прической. Увидев милиционера, он вздраги-

вает и пытается захлопнуть дверь. Но участковый не дает ему это сделать и входит в квартиру. Опустив правую руку в карман, он говорит, обращаясь к парню: «Вперед». Они идут по коридору. Я следую за ними. Мы проходим в комнату. На диване, на кресле лежит много всяких вещей: украшения, одежда, сигареты, фотоаппараты. Стоят два чемодана точно таких, как был изъят у Козухина. На журнальном столике — недопитая бутылка вина, яблоки, хлеб, консервы. Перед зеркалом девушка примеряет янтарное ожерелье. Увидев нас, она испуганно вздрагивает, бросает его в раскрытый чемодан и хочет выйти из комнаты. Участковый преграждает ей дорогу.

— Выходить нельзя,— говорит он.— В самый раз мы пришли, принимай гостей, Жора.

В это время парень резко поворачивается и бросается на нас. Участковый, вытянув вперед левую руку, останавливает его. Не вынимая правой руки из кармана, он говорит:

— Спокойно, Жора. Ты меня знаешь, и я тебя знаю. Спокойно. Не делай глупостей,— взяв его за руку повыше локтя, участковый сажает парня на диван.— Сиди — и ни с места, понял?

Жора порывается встать, но участковый крепко держит его.

В это время раздается звонок в прихожей. Парень вздрагивает, делает движение по направлению к входной двери, но Федоров удерживает его.

— Спокойно,— негромко говорит он.— Я сам открою.

Через распахнутую дверь комнаты я вижу, как Федоров открывает замок. В дверях, широко улыбаясь, стоит совсем молодой парень. Увидев милиционера, он растерянно моргает глазами. Улыбка сползает с лица. Пришедший хочет повернуться и уйти, но Федоров закрывает дверь.

— Проходи, проходи,— повторяет он.

Парень бледный, как полотно, едва переступая ногами, медленно входит в комнату. Смотрит на меня, на Жору, переводит взгляд на участкового, неожиданно начинает шмыгать носом, на глазах выступают слезы.

Я смотрю на него, и мне кажется, что я его где-то уже видел. Очень знакомое лицо, особенно брови и глаза. Где же я его мог видеть? И в этот момент вспоминаю Волгину. Да, они очень похожи, очень.

— Волгин Виктор,— полувопросительно, полуутвердительно говорю я.

Он поднимает на меня мокрые от слез глаза.

— Д-да. А откуда вы меня знаете?

Я смотрю на кеды, в которые он обут, выхожу в прихожую и по телефону вызываю дежурную машину.

Вскоре в комнату входят два сотрудника милиции. Я прошу одного из них пригласить понятых. Через некоторое время он приводит двух женщин. Я составляю протокол обнаружения и изъятия двух чемоданов, нескольких дамских шерстяных кофт, ювелирных изделий, фотоаппаратов, часов, дамского белья, авторучек и других вещей. Обоих парней и девушку доставляем на машине в отделение милиции.

Первым я приглашаю в кабинет Волгина. Он входит, вытирая кулаками заплаканные глаза.

— Ну, садись,— говорю я ему,— рассказывай.— Он начинает опять плакать.— Как случилось, что ты оказался в одной компании с Мартыновым?

— Он меня у-уговорил,— нараспев говорит тот.

— Как это было?

— Он и Славка Коза пригласили меня вечером погулять. У Жорки была бутылка. Мы ее распили. А-а-а,— он начинает заикаться и никак не может произнести слово. Наконец ему это удается.— А потом Жорка повел нас куда-то. Мы перелезли через забор. Жорка ключом открыл замок, и мы вошли в склад. Ну, там и взяли все эти вещи.

— Коноплев Владимир был на складе?

Он поднимает голову, перестает плакать, смотрит на меня.

— Нас было трое: Жорка, Славка и я. Больше никого не было. Коноплева я не знаю.

— Что было дальше?

— Мы взяли каждый по чемодану, напихали туда кто что мог и ушли.— Он больше не плачет, вытирает руками слезы.— Перелезли через забор и пошли домой. Мы с Жоркой пошли на квартиру его матери. Она в отпуске, а соседи живут за городом. Славка пошел к себе домой. Его родители уехали на юг. Вот и все.

Я записываю его показания, даю прочитать протокол. Волгин подписывает его и возвращает мне.

Георгий Мартынов тоже сразу признается в краже. Говорит, что кражу совершили втроем: он, Волгин и Козухин.

— Кто предложил это сделать? — спрашиваю я.

— Не помню, кажется, Козухин. По-моему, он первый предложил достать денег. А потом уж мы решили обворовать склад.

— Склад был закрыт только на замок?

— Да. Это не совсем склад, а скорее сарай. Там вообще не хра-

нят товары, насколько я знаю. А в связи с большим завозом временно положили туда.

— Коноплев Владимир участвовал в краже? — спрашиваю я.

Он недоуменно смотрит на меня.

— Нет, не участвовал. И вообще я такого не знаю.

Козухин входит в кабинет, по-прежнему насупленный, серьезный. Чувствуется, что он не настроен что-либо рассказывать.

— Ну, так с кем вы совершили кражу? — спрашиваю я.

Он вздыхает, смотрит в потолок и, не меняя выражения лица, говорит:

— Кражу я совершил один.

— Посмотрите сюда,— говорю я, показывая на чемоданы, стоящие за моим столом.— Вот этот чемодан изъят у вас. А эти два мы нашли у Жоры. Что скажете теперь? — Он растерянно моргает глазами, но молчит.— Все еще не хотите говорить. Теперь это уже не имеет значения. Мартынов и Волгин во всем признались. А Мартынов даже показал, что совершить кражу предложили вы. Вот так.— Козухин выглядит растерянным. Лицо его теряет суровость.— С ними совершили кражу? — Он утвердительно кивает головой.— Ну, тогда рассказывайте, как все это произошло.— Он начинает двигаться на стуле, словно удобнее усаживаясь. Чувствуется, что он никак не может прийти в себя.— Кто предложил совершить кражу?

— Жорка. Он мне давно говорил об этом складе. Рассказывал, какие там бывают товары. Он работал грузчиком в универмаге и приезжал несколько раз на склад. В этот раз мы с ним выпили, он купил еще бутылку и сказал, чтобы я позвонил Волгину. Дал мне его номер телефона, написал на клочке газет. Его у меня изъяли здесь, в милиции. Я позвонил и пригласил Волгина погулять. Он вышел. Мы распили бутылку и пошли на склад.— Он опускает голову и смотрит на пол.— Ну, взяли там по чемодану. Я пошел домой, а Жорка с Волгиным пошли к Жоркиной матери.— Он замолкает, не поднимая головы.

— С какой целью совершили кражу? — Молчит.— Для чего нужны были вещи?

— Нужны. Для дела. Продал бы.

— А деньги зачем?

Он бросает на меня быстрый взгляд, и я вижу скрытое удивление.

— Деньги? Купил бы кое-что.

— Что именно? — спрашиваю я.

— Так, кое-что. — Не хочет он говорить об этом.

— Вы знали, что совершаете преступление?

— Знал. Но ведь мне ничего не будет. Я — несовершеннолетний.

— По закону уголовная ответственность наступает с шестнадцати лет, а за некоторые преступления — с четырнадцати. Вот в статье десятой уголовного кодекса записано, что за кражу государственного имущества уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет. А вам скоро уже восемнадцать исполнится.

У него на лице полное недоумение.

— Жорка говорил, что до восемнадцати лет ничего не будет. А что, меня могут посадить? — испуганно спрашивает он. Я составляю протокол. — Меня правда могут посадить?

— Это будет решать суд. За преступление, которое вы совершили, предусмотрена мера наказания в виде лишения свободы на срок до шести лет.

— До шести лет? — переспрашивает он и трясущимися руками берет листы протокола. Но читать не может. Глядя на меня остановившимися глазами, он бессвязно говорит: — Как же так? Этого не может быть. Как же так? Он же говорил, что ничего не будет. Он же знает законы. Здесь что-то не так. Вы меня не обманываете?

— Вы сами видели закон. Другого я сказать ничего не могу, — отвечаю я. — Прочитайте протокол и подпишите.

Он медленно читает и подписывает. Уходит испуганным и растерянным.

Я подхожу к окну. На улице сгущаются сумерки. Зажглись первые фонари. Смотрю на их неяркий свет, а перед глазами стоят молодые растерянные и испуганные Козухин и Волгин. Оба — несовершеннолетние, но какая большая между ними разница. У Козухина манеры и речь взрослого. Второй год работает на заводе. Нужно выяснить, как он учился, почему бросил школу. Знал, что совершает преступление. Считал, что ничего не будет. «Деньги нужны. Купить кое-что надо». Любопытная личность. Из молодых, да ранний. С ним надо еще поработать.

Волгина дома считают ребенком, ничего ему не позволяют. А в компании Мартынова он — взрослый: может и покурить, и выпить, и пообщаться с девушками. Этим и «купил» его Жора.

Да, надо еще допросить девушку, которая была доставлена вместе с Мартыновым и Волгиным. Со слов Мартынова я знаю, что это его знакомая Галя Сергеева, в отношении которой, как он выразился, «у него серьезные намерения», и к «делу» она не причастна. Я приглашаю ее в кабинет.

Сергеева осторожно садится на стул, поджигает ноги, опускает голову.

— Расскажите, Галя, как вы оказались у Мартынова?

Она поднимает плечи, затем опускает их.

— Мы встречались с Жорой,— она смотрит на меня,— то есть с Мартыновым. Он пригласил меня к себе, сказал, что его приятель поступил в институт и по этому поводу они хотят немного выпить. Еще он сказал, что хочет мне сделать подарок. Ну, я и встретилась с ним. Он привел меня в эту квартиру. Приятеля своего, Виктора, послал в магазин. И в это время пришли милиционер и вы.

— Он говорил что-нибудь о чемоданах и вещах, которые в них были?

— Да, говорил. Он сказал, что при разгрузке автомашины эти вещи оказались лишними и завмаг отдал их ему. Он ведь работает грузчиком в универмаге.

— И вы поверили этому? — Она неопределенно пожимает плечами.— Вы знали, что он раньше был судим?

— Да, знала. Но он меня уверял, что со старым покончил, будет честно работать. Я ему поверила.

— Что он вам подарил из тех вещей, которые были в чемоданах?

— Он сказал, что я могу выбрать все, что мне понравится. Но я ничего не взяла. Мне было как-то не по себе: мелькнула мысль, что вещи ворованные.

Я составляю протокол, она его читает, подписывает и уходит.

Я запираю дело в сейф, выхожу из кабинета и не спеша иду домой. Теперь можно и не торопиться — преступление раскрыто, преступники задержаны.

г. КАЛИНИН

Рис. И. СМЕРНОВА.

„ГЛАВНЫЙ ПСИХОЛОГ”

В 1953 году в пятое воскресенье после Троицы у дома 12 на Блюменштрассе в Киле остановилось множество лимузинов. Бургомистр, несколько городских советников, а также дамы и господа — представители местной знати — направились к portalу с массивной медной доской, возвещавшей по-английски, что здесь помещается исправительная клиника для подростков.

Последним подошел к двери и остановился, заинтересованный английской надписью, епископ Шлезвиг-Гольштейна, добродушного вида толстяк в черной мантии. Затем и он проследовал за другими в дом.

С недоумением и любопытством наблюдали за происходящим обитатели Блюменштрассе. Никогда прежде не заглядывали на их улицу бургомистр и епископ, и уж менее всего можно было ожидать, что они посетят этот дом, пользующийся самой дурной славой в квартале. Всему Килью было известно, что здесь находится приют для павших девушек, и заботящиеся о своей репутации бюргеры обходили его стороной.

Загадка разъяснилась на другое утро, когда все местные газеты сообщили: «Внутренняя миссия* при поддержке городского сената открыла первый англиканский приют для трудновоспитуемых подростков, где к распущенной молодежи будут относиться не как к преступникам, а как к душевнобольным, нуждающимся в помощи квалифицированного психиатра и опытного психотерапевта. Для выполнения этой ответственной задачи руководству внутренней миссии удалось привлечь специалиста с мировым именем, венского психиатра, доктора медицины, доктора философии Роберта Шнайдера. Господин епископ Шлезвиг-Гольштейна благословил начинание и лично ввел господина дважды доктора наук Шнайдера в его новую должность».

Почти все газеты поместили также фотографию с изображением торжественной сцены: еще довольно молодой человек со впалыми щеками и намечающейся плешью принимает от епископа и бургомистра ключи от дома.

Только политический нюх начальника кильской полиции спас эту столь шумно начавшуюся карьеру от быстрого и бесславного конца. Уже через четыре недели после введения дважды доктора наук в должность полиция вынуждена была заняться им.

...Около полуночи в портовом квартале был замечен шатавшийся человек, которого с трудом поддерживали две известные в городе представительницы древнейшей профессии. Спотыкаясь и бранясь, он кое-как добрался до стоявшей неподалеку машины и укатил вместе со своими спутницами. Патрульный полицейский, которому прохожие указали на пьяную компанию, записал номер машины, принадлежавшей, как было установлено на другое утро, внутренней миссии и находившейся в распоряжении руководителя англиканского приюта. Для выяснения происшествия доктора Шнайдера пригласили по телефону в полицейское управление. Но он в то время еще не проснулся. Явившись в полицию с опозданием на сутки, он объяснил, что был чрезвычайно перегружен работой. Обвинение в том, что он пьяный разъезжал на служебной машине с двумя известными всему Килью проститутками, доктор с негодованием отверг.

— Вы, верно, не знаете, с кем имеете дело, — напустился он на полицейского чиновника и заявил, что патрульный, записавший номер машины, сам был пьян. Когда он вдобавок пригрозил пожаловаться бургомистру и епископу как своим покровителям, чиновник струхнул.

* Благотворительная организация протестантской церкви. —
Прим. переводчика.

— Должно быть, мой коллега спутал в темноте номер машины,— раболепно стал извиняться он и бросил рапорт в корзину для бумаг.

Сам патрульный полицейский был, однако, уверен, что не ошибся, и даже опасение лишиться занимаемого поста не могло заставить его отказаться от своих слов. Честь его была задета подозрением, будто он при исполнении служебных обязанностей мог что-то спутать. И он тайно, но со всем рвением принялся собирать сведения о дважды докторе Шнайдере. Он исходил из убеждения, что христианский врачеватель душ, которому верили воспитание морально неустойчивых подростков, не должен напиваться до бесчувствия и связываться с проститутками. Из протокола допроса Шнайдера он узнал, что тот родился в 1919 году в Вене и до своего нынешнего назначения был частно практикующим психиатром. Между тем во внутренней миссии «детектив» случайно выяснил, что всего три месяца назад Шнайдер прибыл в Киль без всяких средств к существованию и несколько недель, прежде чем стал студентом теологического факультета университета, провел в ночлежке. Свою нынешнюю должность он получил благодаря профессору богословия, который помог ему таким образом спастись от голодной смерти. Впрочем, эта должность, хоть и почетная, особых доходов не приносила. Простой патрульный полицейский никак не мог взять в толк, почему дважды доктор расстался с родиной и с выгодной практикой, чтобы воспитывать на чужбине распущенную молодежь. Весь его многолетний полицейский опыт подсказывал, что у руководителя приюта были на то особые мотивы. И он, недолго думая, официально запросил полицию Вены о дважды докторе Роберте Шнайдере.

Ответ прозвучал для церкви громом среди ясного неба и сразу положил конец педагогической деятельности Шнайдера во внутренней миссии. Ясно и недвусмысленно австрийские власти сообщали, что означенный Роберт Шнайдер — опасный мошенник, отсидевший полтора года в тюрьме за подделку документов и жульничество. Выдавая себя за представителя одного крупного западногерманского концерна, он подвергал психологическим тестам претендентов на руководящие посты в этом концерне якобы с целью определить таким образом их деловые и характерологические качества. За этот обман, с помощью которого он выманил значительные гонорары более чем у ста человек, Шнайдер был осужден, и Венский университет лишил его обеих докторских степеней, тем более что возникли серьезные сомнения в наличии у него вообще высшего образования.

В то самое утро, когда были получены сведения о его прошлом, дважды доктор бесследно исчез из Килья. Облегчение, испытанное при этом епископством и внутренней миссией, не знало границ. Христианская любовь к ближнему, а более всего стремление избежать скандала не позволили ответственным лицам обратиться за помощью к светским властям. Со свойственной ей терпимостью церковь решила, не прибегая к людскому суду, предоставить преступника суду божьему. Кильская полиция вынуждена была из-за отсутствия жалобы от потерпевших воздержаться от розысков Шнайдера, а о том, чтобы она не дала информацию в прессу, позабо-

тился епископ. Начальник полиции Киля, представлявший христианско-демократическую партию, охотно пошел ему навстречу: в том же году предстояли выборы, а такого рода скандал, несомненно, увеличил бы количество голосов, поданных за другие партии. Поэтому дело быстро сдали в архив.

Сам же Шнайдер решил на первое время избегать внимания общественности и устроился комиссионером в фирму, выпустившую на рынок новый препарат для чистки ковров и мягкой мебели. С врожденным, истинно венским обаянием он очаровывал домашних хозяек, всучая им «чудодейственный» препарат. Уже очень скоро ему удалось выдвинуться и стать главным представителем фирмы. Но вместе с повышением по службе возросли и его потребности. Траты быстро превысили доход, и бывший врачеватель душ, чтобы покрыть дефицит, прибег к новым махинациям. Он начал подделывать накладные, получая по ним вдвое и втрое больше товаров и присваивая выручку. Несколько месяцев это сходило ему с рук, но затем мошеннические проделки были раскрыты. Впрочем, он и на сей раз успел вовремя исчезнуть.

Побег сопровождался одной из крупнейших афер, совершенных Робертом Шнайдером. На последние украденные у фирмы деньги он заключил с шестью частными страховыми больничными кассами договоры, по которым каждая из них должна была, если он попадет в больницу, выплачивать ему тридцать марок в день.

Через неделю Шнайдер был обнаружен на шоссе близ города Штаде без сознания и, по всей видимости, с тяжкими внутренними повреждениями. Следы шин и найденный рядом с местом происшествия обломок автомобильного крыла указывали на то, что пострадавшего сбила машина.

Целых десять дней Шнайдер не приходил в себя и почти не проявлял признаков жизни, если не считать отдельных бессвязных слов да периодических приступов рвоты. Врачи городской больницы сочли, что столь длительная и глубокая потеря сознания свидетельствует о тяжком сотрясении мозга. Никому и в голову не приходило, что Шнайдер имитирует такое состояние с помощью таблеток снотворного, которые незаметно протащил с собой в больницу, и что рвоту он тоже вызывает у себя искусственно. Полностью, однако, Шнайдер убедил врачей, когда, очнувшись от своего мнимого забытья, слабым голосом пробормотал:

— Где я? Кто вы такие? Что случилось?

— Вас сбила машина, и вы десять дней были без сознания. Благодарите бога, что вообще остались живы,— объяснил возглавлявший больницу профессор.

Растерянно глядя на людей в белых халатах, Шнайдер ударил себя обоими кулаками по голове, как будто хотел этим способом вернуть потерянную память.

— Сбила машина? Но где, когда? Я ничего не помню...

Профессор мягко, но решительно снова уложил его на подушку.

— Вы еще очень больны. Вы должны лежать спокойно и ни в коем случае не волноваться, если хотите выздороветь.

В коридоре профессор сказал своим ассистентам:

— Петроградная амнезия, типичная для *commotio cerebri*. Он не может вспомнить предшествовавших шоку событий.

Так было окончательно установлено, что пациент Шнайдер, попав под машину, получил *commotio cerebri* — сотрясение мозга. Ретроградная амнезия, рвоты, длительная потеря сознания — все это были столь неоспоримые симптомы, что профессор без колебаний подписал заключение, по которому Шнайдер еще целых десять недель, проведенных в стационаре, получал от шести страховых больничных касс в общей сложности сто восемьдесят марок в день.

Несколько лет спустя, когда Роберту Шнайдеру пришлось отвечать перед боннским судом и за эту аферу, профессор больницы города Штаде смущенно признал:

— Конечно, такой сведущий в медицине человек, как подсудимый, мог с успехом симулировать сотрясение мозга. Ведь мы, врачи, ставим этот диагноз исключительно по внешним симптомам.

Следующим этапом «карьеры» Шнайдера было возвращение к первоначальному роду занятий. В идиллическом городе Госларе, в Гарце, он стал практиковать в качестве психоневролога, так как среди сорока тысяч жителей этого старинного городка нет ни склонных к расстройствам настроения кинозвезд, ни экстравагантных дам, ни страдающих сплином богачей, которым деньги и время позволяли бы обращаться со своими душевными терзаниями к психиатру. Тот, кто в Госларе идет к врачу, хочет получить за счет больничной кассы таблетки, капли или мазь. Для лечения душевных ран этот способ не годится. Да и Шнайдер вовсе не стремился стать врачом больничной кассы. Менее всего желал он подвергаться проверкам, при которых от него потребовали бы документального подтверждения двух докторских степеней. Ему надо было действовать скромно и незаметно. Свой врачебный кабинет он открыл в приюте для престарелых, основанном под названием «Обитель креста» одной бывшей диаконисой. То, что он таким образом снова оказался в некотором роде связанным с церковью, мало его беспокоило. Да и выбирать ему при данных обстоятельствах особенно не пришлось.

Влюбленная в Шнайдера молодая сотрудница городской больницы Штаде, без лишних вопросов заверившая шесть больничных листов для получения страховки в различных кассах, состояла в родстве с хозяйкой госларского приюта и помогла Шнайдеру устроиться здесь, а вскоре и сама переехала в Гослар, надеясь, что мнимый доктор женится на ней.

В дождливый и пасмурный день 5 сентября 1955 года в неуютной приемной сидели двое: молодой человек лет двадцати пяти в офицерской форме западногерманского вермахта и рыжеватая девушка, листавшая старый журнал и нетерпеливо поглядывавшая на дверь врачебного кабинета. Офицер рассеянно уставился на запотевшее от сырости окно, избегая смотреть на девушку и, видимо, стесняясь быть замеченным на приеме у психиатра.

Внезапно из кабинета послышался крик, затем дверь отворилась, и на пороге возник доктор Шнайдер в белоснежном халате и в индейском головном уборе из пестрых перьев. Он, казалось, и не

заметил сидевших в приемной людей, занятый маленьким мальчиком, украшенным, как и он, индейскими перьями и доверчиво приникшим к его руке. Вслед за обоими из кабинета вышла женщина в элегантном каракулевом мантио. Холодно и с явным неодобрением глядя на сына, она крикнула:

— Пойдем! Я спешу.

Мальчик с неохотой отпустил руку Шнайдера.

— Вот увидите, милостивая государыня, — сказал тот, — мы сделаем из вашего сына отличного мальчика. Можете не сомневаться.

— Зачем бы иначе я обратилась к психиатру, — надменно произнесла «милостивая государыня», не замечая протянутой врачом руки. — Счет, пожалуйста, пришлите мне домой.

Взяв сына за руку, она быстро вышла, не удостоив взглядом других пациентов. Она явно боялась быть узнанной. Шнайдер снял индейский убор и на миг закрыл глаза, точно желая сосредоточиться перед приемом очередного пациента. Когда он снова открыл их, взгляд его упал на листавшую журнал девушку, и он удивленно, с раздражением воскликнул:

— Но, Ингеборг, я ведь просил, чтобы ты не...

— Передо мной еще этот господин, — поспешно перебила она. — Я подожду.

Шнайдер посмотрел на офицера и, приняв его за американца, произнес:

— Step in, please...

Офицер встал и смущенно улыбнулся.

— К сожалению, я не понимаю по-английски. — Он взял со стола свои перчатки и фуражку. — Вы, верно, решили, что я американец? Боюсь, мне придется вас разочаровать: я офицер бундесвера!

Шнайдеру стало неловко.

— Извините, но эта новая форма еще непривычна. Надеюсь, однако, вас не обидело, что я принял вас за представителя наших великих братьев по оружию? Хуже было бы, если бы я заговорил с вами по-русски, не так ли? — И он с улыбкой указал на дверь кабинета. — Итак, еще раз по-немецки: прошу вас!..

Когда они уселись друг против друга за простым письменным столом, Шнайдер, чтобы облегчить явно смущенному посетителю начало беседы, непринужденно заговорил:

— Я должен задать вам один глупый вопрос. Я пока плохо разбираюсь в званиях. Вы капитан или майор?

— Лейтенант, — скромно ответил молодой человек, вертя в руках фуражку.

Притворившись, что не замечает его смущения, Шнайдер продолжал:

— Разрешите хорошенько рассмотреть вас, господин лейтенант. Шикарная форма, очень вам идет, прямо превосходно. На редкость шикарная форма. У господ в Бонне есть вкус, скажу я вам.

Шнайдер, не отрываясь, смотрел на мундир. Глаза у него заблестели, как у ребенка, застывшего в восторге перед витриной с игрушками. Он представил на месте этого молодого стеснительного лейтенанта себя, дважды доктора Роберта Шнайдера. Он видел соб-

* Входите, пожалуйста (англ.).

ственное лицо, более волевое, энергичное и интеллигентное, чем лицо лейтенанта. Ему показалось, что плечи его вдруг украсились шитыми золотом погонами, а в петлицах заблестел жезл Эскулапа. Откуда-то издали до него донесся робкий голос:

— Господин капитан медицинской службы...

Шнайдер вздрогнул и провел рукой по глазам, отгоняя видение. Лейтенант вырвал его из мира грез:

— Господин капитан медицинской службы доктор Бринкман посоветовал мне обратиться к психиатру.

Смысл сказанного не сразу дошел до Шнайдера.

— Капитан медицинской службы?... Как, собственно, обстоит с этим в бундесвере? Там уже достаточно врачей?

— Отнюдь нет, господин доктор. Медицинского персонала днем с огнем не сыщешь. Делается уже все, чтобы переманить врачей из Восточной зоны. Но пока потребности далеко не удовлетворены.

Шнайдер, казалось, совсем забыл, что лейтенант пришел к нему за врачебным советом. Он продолжал спрашивать:

— Чтобы стать капитаном медицинской службы, нужна военная подготовка?

— Не обязательно, хотя, конечно, лучше, если она есть!

— Во время второй мировой войны я был кандидатом в офицеры, фенрихом 88-го артиллерийского полка. В сорок первом году меня направили на учебу.

— Значит, у вас есть все основания для успешной военной карьеры. Капитан? Да как психиатр вы скоро стали бы генералом медицинской службы. Но не думаете же вы расстаться с прекрасной практикой и удобной гражданской жизнью...

Шнайдер горько усмехнулся.

— Почему бы нет, лейтенант? В этой дыре психиатр чувствует себя похороненным заживо. Здесь процветают знахари.

Лейтенант положил наконец свою фуражку.

— Ну, если вы действительно имеете такое намерение, вам достаточно обратиться в министерство обороны! Психиатр, невропатолог... Такие люди теперь нужнее, чем генералы! Сейчас самый подходящий момент...

Шнайдер откинулся на спинку кресла, спросил недоверчиво:

— Бундесвер ищет психиатров? Зачем военным психиатры?

— Чтобы оградить армию от проникновения коммунистических агентов. Новому бундесверу нужны бойцы, крепкие не только телом, но также духом и характером. Государственный департамент США распорядился придать психиатра каждой отборочной военной комиссии...

По лицу Шнайдера нельзя было определить, какое впечатление все сказанное произвело на него. Некоторое время он рассеянно смотрел в пространство, затем внезапно встал.

— Так, а теперь займемся вами, господин лейтенант. Прежде всего вам надо расслабиться. Пять минут, не меньше. Расслабиться — значит наполовину выздороветь.

Он подвел озадаченного лейтенанта к кушетке и уложил его. Покорно, как послушный ребенок, молодой человек закрыл глаза и принялся глубоко дышать, стараясь, как велел ему Шнайдер, ни о чем не думать.

Сам же Шнайдер использовал это время, чтобы собраться с мыслями. Он остановился перед шкафом с врачебными инструментами, разглядывая себя в стеклянной дверце и представляя, как он будет выглядеть в офицерском мундире с погонами капитана, а то и генерала медицинской службы.

Затем, однако, его охватили сомнения. Он знал, что от него потребуют документы: аттестаты, дипломы. Рука его невольно потянулась к нагрудному карману пиджака, где лежало в бумажнике семнадцать подобных документов. Только все они были фальшивыми. Шнайдер сам скалькировал для них подписи, старательно перевел на них печати. Такими документами можно было обмануть власти маленького городка, но не министерство обороны. Как бы сильно армия ни нуждалась в психиатрах, ответственные инстанции в Бонне без тщательной проверки никого на должность не назначат. В этом Роберт Шнайдер ни секунды не сомневался, однако расстаться со своей мечтой он и не помышлял.

Он напряженно искал выхода. Его фальшивые документы были датированы последними годами войны. В такое время университетские бумаги могли быть уничтожены, сожжены или украдены. И у него, Шнайдера, тоже могли пропасть подлинники. Поэтому, если бы он смог предъявить заверенные копии дипломов, министерство обороны, бесспорно, удовлетворилось бы ими.

На миг у него мелькнула мысль самому изготовить такие копии. Он сумел бы, вероятно, раздобыть печать какого-нибудь небольшого магистрата или полицейского участка. Но он тут же отказался от этого плана. Лица, от которых будет зависеть его назначение, могут навести справки. Если уж они так тщательно проверяют каждого новобранца, к кандидатам в офицеры они наверняка относятся не менее настороженно.

Шнайдер разочарованно отвернулся от своего импровизированного зеркала. Менее всего он был сейчас расположен играть роль участливого врача душевных недугов. Все же он заставил себя подойти к кушетке и сочувственно заговорить с пациентом:

— Вот вы и расслабились, господин лейтенант. Хорошо. Вам не помешает, если я закурю? Не дать ли и вам сигарету? Теперь вот что: психиатр — это своего рода исповедник. Но он не осуждает, не наказывает, он только приходит на помощь. Итак, вы должны проникнуться ко мне доверием, господин, господин...

— Разве мне обязательно надо назвать свое имя, господин доктор? Я ведь обратился к вам приватно!

— Разумеется... Но надо же мне как-то обращаться к вам, господин... Ладно, пусть будет господин Майер. — Шнайдер с улыбкой подсел к лейтенанту на кушетку. — Не в имени суть. Итак, господин Майер, что же вас беспокоит?

Лейтенант уставился неподвижным взглядом в потолок.

— Вы ведь не женаты, господин Майер, не так ли? — спросил Шнайдер, поглядев на его руки.

— Нет, мне только двадцать четыре года. И оклад у меня не велик...

— Была у вас уже когда-нибудь подруга, господин Майер?

Дыхание лейтенанта участилось.

— Из-за этого я и пришел к вам, господин доктор.

Шнайдер молча кивнул. Лейтенант продолжал:

— Три месяца я встречаюсь с одной девушкой. Она мне очень нравится, и я ей, по моему, тоже. Пока мы были просто дружны, все шло хорошо, но...

Шнайдер давно уже догадался, что так тревожит его посетителя.

— Итак, вы сблизились?

— Да, конечно, но...

— И что-то у вас не ладится, не так ли, господин Майер?

— Да, я просто боюсь теперь оставаться с Евой наедине. Я не могу вам этого объяснить...

— Ева у вас первая девушка?

— Да, конечно, господин доктор!

— И, должно быть, она так же неопытна в таких делах, как и вы? — Шнайдер закурил, пересел в кресло и вытянул ноги. — Можете встать, лейтенант. Ваш случай не для психиатра. Подойдите сюда, сядьте и давайте потолкуем как мужчина с женщиной!

Послушно, словно вызванный к директору школьник, лейтенант встал, пригладил волосы и сел к столу. Шнайдер придвинулся к нему поближе.

— Теперь слушайте меня внимательно, лейтенант. Чего вам не хватает, так это опыта. В любви, кроме чувства, нужен еще и некоторый опыт. А его у вас пока нет. Я дам вам совет, лейтенант. Найдите себе подругу на несколько лет старше вас. А если такой возможности нет, посещайте настолько часто, насколько позволяют ваши финансы, какую-нибудь представительницу горизонтальной профессии. Это звучит, правда, не очень романтично, зато кое-чему вас научит. — И он протянул посетителю руку.

Растерянно глядя на него, лейтенант поднялся.

— Вы это серьезно, господин доктор?

— Совершенно серьезно, молодой человек. Но о таких вещах не говорят, их просто делают.

Лейтенант надел фуражку, поправил ее и достал бумажник.

— Не надо. Мне приятно было побеседовать с вами.

Едва офицер вышел, как в кабинет вбежала рыжеволосая девушка и кинулась Шнайдеру на шею, будто не видела его целую вечность.

— Что этот парень так долго торчал у тебя? — спросила она капризно. — Я хотела уже войти при нем.

Шнайдер сделал тщетную попытку высвободиться из ее цепких объятий.

— Инга, я уже не раз говорил, чтобы ты не мешала мне во время приема. Мои пациенты вправе беседовать со мной с глазу на глаз...

— Но у меня еще больше прав, чем у твоих пациентов. И я тоже хочу побеседовать с тобой с глазу на глаз. Мне надо сообщить тебе кое-что важное.

Целиком поглощенный мыслями о бундесвере, Шнайдер без всякого интереса спросил:

— Какие потрясающие события могли случиться в этой забытой богом дыре? Ты купила себе по случаю дешевую сумочку?

— Ошибаешься, мой дорогой! Я нашла работу! Я теперь дело-

производитель в отделе общественного порядка. Оклад для начала — четыреста марок. Мы не будем больше зависеть от твоих жалких гонораров.

Шнайдер, который мыл в это время руки, слушал ее одним ухом. Все значение сказанного не сразу дошло до него.

— Где ты нашла место? — удивленно переспросил он. — В городской управе?

— Да, в отделе общественного порядка. И буду получать четыреста марок.

Куда больше, чем этот оклад, заинтересовало Шнайдера, что его подруга будет работать в городской управе и, значит, сможет заверить копии фальшивых документов подлинными подписями и печатями, способными выдержать любую проверку.

— Да это же чудесно, Инга... — выговорил он наконец.

— Правда? Теперь мы сможем скопить денег на обстановку и вступим в жилищно-строительное товарищество. В будущем году поженимся, и мне не придется больше тайком пробираться в эту «Обитель», дрожа, как бы хозяйка меня здесь не застукала.

Шнайдер, однако, радовался совсем по другому поводу.

— Конечно, Инга, мы поженимся, но не здесь, в Госларе. В Бонне.

— Тебя опять тянет в другой город? — испугалась она.

— Да, но ты поедешь со мной. У меня есть шанс стать военным врачом в бундесвере. Молодой офицер, который только что был здесь, предложил мне это. Министерству обороны срочно требуются психиатры и невропатологи. Меня могут зачислить сразу же.

Подругу Шнайдера его энтузиазм не заразил. Она любила этого человека и боялась потерять его.

— Не лучше ли нам остаться в Госларе, Роберт? Теперь, когда и я стану работать, дела у нас пойдут лучше. А постепенно и практика твоя расширится. Люди узнают, какой ты хороший врач.

Шнайдер покачал головой.

— Но, Инга, подобный шанс нельзя упустить. Нигде у меня не будет таких перспектив, как в бундесвере.

— Ну, хорошо, Роберт, я не стану тебе мешать. Но поразмысли хоть несколько дней. Не обязательно ведь решать это сегодня.

Однако человеку с двумя фальшивыми докторскими дипломами не терпелось начать действовать, пока мужество его не покинуло. Отправив Ингу за вином, чтобы отпраздновать ее назначение, он сел за письменный стол и принялся составлять заявление в министерство обороны.

В числе первых учреждений бундесвера, созданных сразу вслед за решением бундестага о новой милитаризации Западной Германии, был так называемый исследовательский центр «Инланд». Возглавил этот снабженный собственной секретной службой центр пятидесятилетний Иозеф Пфистер. По виду он смахивал на сыщика из Скотланд-Ярда и в любую погоду являлся на службу в черном котелке и с английским зонтиком.

Офицерам было предписано относиться к этому странному штатскому, как к генералу. Первое время никто вообще не понимал, чем он здесь занимается. Лишь постепенно стало ясно, что Пфи-

стер и его центр призваны выработать основные принципы отбора нового офицерского корпуса, а также дать руководящие указания относительно последующей вербовки новобранцев.

Еще большее удивление, чем этот штатский генерал, вызывала у штабных офицеров дама лет сорока в очках без оправы и в ортопедической обуви, часто появлявшаяся в центре «Инланд» и проводившая там многочасовые совещания. Хотя эта загадочная дама ни с одним из офицеров словом не перемолвилась, а министерство обороны всячески стремилось окружить ее деятельностью полнейшей тайной, кое-какие слухи в конце концов просочились. Стало известно, что даму зовут Стефани Кренн, что она уполномоченный государственного департамента США и фактический руководитель «Инланд». Не удалось также скрыть и того, что руководящие указания по отбору военнослужащих вырабатывает вовсе не Пфистер со штабом, а командование американских оккупационных войск во Франкфурте-на-Майне.

Стефани Кренн, доктор философии и вот уже двенадцать лет армейский психолог Пентагона, перевела на немецкий язык материалы государственного департамента США под названием «Наука о человеческой психике применительно к военной сфере». Теперь эта дама наблюдала за тем, чтобы бундесвер создавался по американскому образцу.

— Я думал, меня хватит удар,— рассказывал товарищам один из назначенных в отборочную комиссию офицеров, вернувшись после многодневного инструктажа.— Ну и руководительницу над нами поставили! Чего она только не наговорила! Отборочная комиссия из трех человек должна задать каждому кандидату в офицеры и каждому новобранцу сто сорок точно сформулированных вопросов. Затем с испытуемым проводится еще так называемая целенаправленная беседа. Сколько лет уйдет на укомплектование вермахта с помощью таких тестов?

Медленно и поначалу тайно, однако неудержимо развивалась в кругах старых нацистских офицеров оппозиция против «исследовательского центра» и в особенности против Стефани Кренн. Та самая офицерская клика, которая во время второй мировой войны беспрекословно выполняла любой приказ, теперь взбунтовалась, потому что приказы исходили от женщины. Некоторые в конце концов отважились обратиться к военному министру Бланку с требованием отозвать Стефани Кренн и назначить главным психологом бундесвера мужчину, немца по происхождению и подданству.

Господину военному министру пришлось нелегко. Его американские хозяева требовали проводить набор в бундесвер по установленным тестам. В то время, в 1955 году, нельзя было еще полностью игнорировать чувства народов, подвергшихся нападению гитлеровских армий, и американцы вынуждены были считаться с английскими и французскими союзниками, возражавшими против облачения старых гитлеровских офицеров в новые мундиры.

Не во власти Бланка было решить поставленный перед ним вопрос. Он мог лишь ходатайствовать перед американским военным командованием о предоставлении поста главного армейского психолога немцу, поскольку американка не пользуется у немецких офицеров должным авторитетом.

Генерал Клей, американский губернатор, пошел навстречу Бланку и разрешил ему подыскать подходящую кандидатуру.

31 января 1955 года отдел личного состава III С получил от Бланка соответствующее указание. Прошло, однако, больше восьми месяцев, пока на освободившуюся должность нашелся достойный кандидат.

14 сентября 1955 года радио в приемной начальника отдела III С орало на полную мощность. Передавали заседание бундестага, на котором министр обороны Бланк выступал с докладом о мерах по восстановлению военной мощи Западной Германии. Штабс-фельдфебель Рейнхардт регистрировал тем временем входящую почту. С прусской аккуратностью поставив штемпель в верхнем левом углу листа, Рейнхардт пробежал глазами написанное от руки письмо и удивленно пробормотал:

— Дважды доктор просится к нам? Зачем мы ему?

Взгляд его упал на слово «психиатр». Психиатр? Шеф недавно что-то об этом говорил! Рейнхардт еще раз внимательнее прочел письмо и крикнул машинистке в соседнюю комнату:

— Послушайте, что мы получили! Доктор медицины, доктор философии Роберт Шнайдер, психиатр из Гослара, подает заявление в бундесвер! И что за человек! Вот: «...Хотя мое нынешнее положение психиатра и невропатолога приносит мне весьма высокий доход (представляю, какие у такого гонорары!), которого я в рамках нового вермахта едва ли смогу когда-либо достигнуть, я все же... («все же» подчеркнуто красным) после длительного размышления решил, что для настоящего офицера вопрос об окладе не должен быть главным. Я полагаю, что снова пришло время послужить родине. Могу заверить, что даже в тяжелые годы выпавшего на нашу долю военного позора я хранил верность своим идеалам...» Хранил, парень, хранил...— радостно резюмировал штабс-фельдфебель и, сняв телефонную трубку, набрал номер начальника отдела.— Господин министерский советник? Докладывает Рейнхардт. Кажется, я нашел то, что вам нужно. Получено заявление о приеме на службу. Психиатр, доктор медицины и даже доктор философии. Старый офицер и... Слушаюсь, господин министерский советник, сейчас принесу...

Положив трубку, Рейнхардт взял письмо и помчался к министерскому советнику Шлунду. Заявления, которые шеф требовал к себе немедленно, никогда еще не встречали отказа.

Хозяйка «Обители креста» без стука вошла в кабинет доктора медицины, доктора философии Роберта Шнайдера, который в эту минуту как раз подсчитывал свои капиталы. Шесть марок семьдесят восемь пфеннигов — вся наличность.

— Извините, что так врываюсь к вам, господин доктор. Но здесь, видно, что-то важное. Пришло с вечерней почтой. Из министерства обороны в Бонне. Должно быть, ответ на ваше заявление...

Дрожащей рукой Шнайдер взял конверт и взглянул на обратный адрес. И правда, из министерства обороны! В конверте оказались три большие анкеты. Значит, к его заявлению отнеслись серьезно. Он не мог еще этому поверить.

— Спасибо, фрау Видман, это действительно ответ на мое письмо.

Старая дама медленно двинулась к выходу.

— Ну, будем надеяться, что дело выгорит, господин доктор. От всей души желаю вам удачи. Мне жаль будет расстаться с вами, но я рада за вас...

— До этого еще далеко, фрау Видман. Пока ничего не известно. И мне, по правде говоря, у вас совсем неплохо...

Вежливо проводив ее до двери, Шнайдер кинулся назад к столу и взял анкеты. Господи, сколько всего они хотели знать! И все должно было быть подтверждено заверенными копиями документов. Шнайдер улыбнулся, довольный. Счастье, что им требуются только копии.

Он достал из ящика пачку бланков с аккуратно отпечатанными на машинке текстами всевозможных удостоверений и дипломов. На каждом бланке стояла ярко-красная печать отдела общественного порядка при бургомистре города Гослара. Но прежде всего привлекал к себе внимание штамп, гласивший: «Засвидетельствовано! Содержание этой копии полностью соответствует предъявленному документу. Город Гослар. Магистрат». Завершала каждую бумагу подпись подруги Шнайдера Ингеборг.

Шнайдер разложил бланки рядом с анкетами министерства обороны и отвернул колпачок автоматической ручки, чтобы ответить на восемьдесят четыре вопроса, касающиеся его личности, образования, всего жизненного пути. И тут его вдруг снова охватили сомнения.

Уже вопрос о подданстве оказался затруднительным. По новому положению Шнайдер считался австрийцем. Теперь нельзя было, как первые годы после войны, значиться и австрийским и германским подданным одновременно. А совсем недавно в газетах писали, что австрийцы не могут быть офицерами бундесвера. Раньше Шнайдер почему-то об этом не подумал.

Точно так же был сопряжен для него с трудностями и вопрос о семейном положении. После того как он в Вене вышел из тюрьмы, жена подала на развод. Бракоразводный процесс тогда не состоялся, так как Шнайдер переехал в Киль. Развели ли его, он не знал. Анкета требовала, чтобы разведенные указали адрес бывшей супруги. Но если бы боннские власти стали наводить справки у бывшей жены Шнайдера, они могли бы узнать о его судимостях. Ах да, судимости! Среди прочих документов надо было представить и справку из полиции. Ингеборг, правда, позаботилась обеспечить его справкой о том, что в Германии он после 1945 года к суду не привлекался. Оставалось надеяться, что они не потребуют справки еще и от австрийских властей.

Долго сидел Шнайдер, куря сигарету за сигаретой и раздумывая, не бросить ли эти анкеты в печь. Затем он все же принялся заполнять их.

Проходили недели. Ответа из Бонна все не было. Роберт Шнайдер кидался от надежды к отчаянию. Может быть, в Бонне проверили его анкеты и установили, что документы у него поддельные.

Каждый незнакомый пациент вызывал у него тревогу, казался ему сотрудником полиции, который пришел арестовать его.

28 февраля в зеленом конверте пришло заказное письмо из Бонна. Доктору Шнайдеру предлагалось 16 марта 1956 года к девяти часам утра прибыть в Бонн, на Вильгельм-Спиритус-Уфер, 5, в приемный пункт. К письму был приложен проездной билет Гослар — Бонн — Гослар.

Из сорока соискателей офицерских должностей в новом немецком бундесвере, ожидавших 16 марта приема на призывном пункте в Бонне, первым был вызван на комиссию Роберт Шнайдер. Три господина в штатском ожидали его. Старший из них встал, назвал себя фон Хорном и представил двух своих коллег, не упоминая их военных званий. Только позднее Шнайдер узнал, что утвердили его на должность генерал-майор фон Хорн, генерал-майор медицинской службы доктор Альбрехт и капитан третьего ранга Прой.

Испытание, которому должен был подвергнуться Шнайдер, проводилось еще по методу американского психолога Стефани Кренн. Однако Шнайдер уже скоро заметил, что господа члены комиссии совершенно несведущи в применении проверочных тестов и потому явно нервничают. Это сознание помогло ему обрести уверенность в себе.

Генерал-майор медицинской службы Альбрехт нерешительно листал бумаги Шнайдера; капитан третьего ранга Прой безуспешно пытался, как требовала Стефани Кренн, наблюдать за реакцией испытуемого, но скоро почувствовал, что из наблюдателя сам превратился в объект наблюдения. Шнайдер спокойно сидел на стуле, небрежно закинув ногу на ногу, и высокомерно, без малейшего стеснения разглядывал господина капитана третьего ранга. У того стали подергиваться веки, и он все чаще моргал под пристальным взглядом Шнайдера.

Первый вопрос задал председатель комиссии фон Хорн:

— Господин доктор; что вы думаете по поводу ношения офицерами нового немецкого бундесвера орденов и знаков отличия, полученных на последней мировой войне?

Шнайдер выпрямился, сверкнул глазами и принялся разглагольствовать:

— Необычайно важный вопрос для отбора кандидатов в новый офицерский корпус, господа. Я непременно задавал бы его каждому соискателю. Ордена и знаки отличия, в какой бы политической обстановке они ни были получены, служат доказательством мужества перед лицом врага. А мужество — это фундамент, на котором должна строиться немецкая армия, призванная вступить в борьбу с мировым большевизмом. Но мужество нуждается в символах. Орден — наглядный символ, который должен постоянно маячить перед глазами не прошедших войны молодых людей как высшая цель их военной карьеры, если мы хотим воспитать их храбрыми солдатами.

Члены комиссии были кавалерами высоких гитлеровских орденов, полученных, впрочем, за долголетнее «мужественное» просиживание штанов в главных штабах вермахта. У них потеплело на сердце от слов испытуемого.

Следующие десять вопросов, имеющие целью выяснить отноше-

ние претендента на офицерскую должность к воинской дисциплине и его политическую сознательность, председатель пропустил как слишком простые. Шнайдер своим ответом уже убедил его, что придерживается правильных взглядов на эти вопросы.

Многозначительно покашляв, господин фон Хорн спросил:

— Как вы относитесь к военной присяге, к нарушению приказов, к мятежу, господин доктор Шнайдер? Прошу вас осветить в вашем ответе также и события 20 июля 1944 года *.

— Разумеется. Каждый соискатель офицерского чина должен иметь ясное представление об этой проблеме,— так молниеносно выпалил Шнайдер, что члены комиссии от неожиданности вздрогнули.

Епрочем, последовавшая затем тирада не имела ничего общего с ясным ответом: военная присяга, нарушение приказа, мятеж — все это испытываемый считал важнейшей проблемой, которую в свете событий 20 июля никак нельзя обойти при воспитании солдата. Однако он полагал, что в нескольких словах изложить ее невозможно. Десять минут он рассматривал ее в общем и целом, трактовал как комплекс А и комплекс Б, обсуждал с позиций гражданина вообще и кандидата в офицеры в частности, чтобы заключить наконец глупокомысленным замечанием:

— Поэтому я считаю особо важным при утверждении на офицерскую должность учитывать ответ именно на данный вопрос.

Все десять минут, пока Шнайдер, ловко уклоняясь от ответа, без умолку говорил, члены комиссии нетерпеливо поглядывали на часы. За дверью ожидали проверки еще тридцать девять соискателей. При таких темпах история грозила затянуться до полуночи. А господа генштабисты привыкли ровно в 13 часов быть в офицерской столовой. Поэтому, выслушав обстоятельный доклад Шнайдера, господин фон Хорн захлопнул папку с тестами Стефани Кренн и взглядом спросил у своих коллег согласия закончить на этом испытание данного кандидата. Затем он поднялся и торжественно произнес:

— Благодарим вас, доктор Шнайдер. У нас нет больше вопросов. Не желая предвосхищать решения комиссии, я могу, однако, заверить вас, что с нашей стороны вам обеспечена поддержка. В ближайшие дни вы получите письменное заключение.

Встав, Роберт Шнайдер сдержанно поблагодарил. Он больше не сомневался, что его утверждение на офицерскую должность не встретит препятствий. Он собрался уже уходить, когда доселе молчавший Прой дружески положил ему руку на плечо и спросил:

— Теперь, когда для вас, господин доктор Шнайдер, проверочное испытание уже позади, не скажете ли вы нам откровенно, что вы как психолог думаете об этом опросе?

По тону капитана третьего ранга Шнайдер сразу понял, какого ответа от него ждут.

— Ну, у меня нет вашего опыта, господа, но я убежден, что вся проверка должна проводиться более индивидуально, не так обезличенно и стереотипно...

— Больше с учетом наших, немецких, требований, верно? — живо подхватил Прой и так разгорячился, что довольно бесцеремонно

* Имеется в виду неудавшийся мятеж недовольных Гитлером генералов. — Прим. переводчика.

взял из рук генерал-майора папку с проверочными тестами.— Вот послушайте, что за дурацкие вопросы здесь стоят. Как вы относитесь к событиям 20 июля? Как вы теперь смотрите на фашизм? Считаете ли вы справедливым выдвинутое союзниками в 1945 году требование безоговорочной капитуляции?.. Ну, вас мы, слава богу, смогли избавить от большей части этой чепухи. Но не лучше ли вообще поставить совсем другие вопросы? Например, должны были западные союзные державы в 1945 году объединиться с немцами против русских? Ведь рано или поздно спор с большевизмом придется решать оружием. Или: чьей территорией — немецкой или русской — считаете вы Восточную Пруссию? Вот по таким вопросам действительно можно было бы судить, имеет ли молодой человек, желающий стать офицером, ясное представление о жизненно важных для немецкой нации проблемах и готов ли он с оружием в руках защищать интересы нашего народа!

Капитан третьего ранга с раздражением захлопнул папку и швырнул ее на стол.

Шнайдер не нуждался в дальнейших объяснениях. Он уже понял, как эти люди оценивают ситуацию и как ему самому вести себя, чтобы сделать карьеру в новом бундесвере. Со скромной сдержанностью он поддержал взволнованного Проя:

— Хотя я не имею такого представления обо всем этом, как вы, господин Прой; я должен целиком согласиться с вами, что обойти при проверке подобные проблемы просто невозможно. Какие еще могут быть задачи у нашей новой армии, если не борьба с большевизмом? Само собой разумеется, что именно в этом направлении должно протекать воспитание офицеров и солдат. Да это же совершенно очевидно! Если бы можно было, я попросил бы поручить мне переделать все психологические проверочные тесты.

Капитан третьего ранга одобрительно похлопал его по плечу.

— Можно, господин доктор Шнайдер, можно! Мы уже не один месяц ищем такого человека, как вы.

Когда Шнайдер вышел, Прой сказал фон Хорну:

— Надо ускорить зачисление этого человека! И в протоколе я написал бы: целесообразно использовать в качестве консультанта по контрольным психологическим тестам!

Пометка в протоколе была сделана, а на обложке личного дела дважды доктора Роберта Шнайдера генерал-майор фон Хорн собственноручно красным карандашом начертил: «Срочное назначение! Представить непосредственно генералу Мюллеру-Хиллебранду!»

Так дело было избавлено от многонедельного путешествия по инстанциям, а одновременно — и от обычной проверки содержащихся в нем анкетных данных.

Уже на другой день министерский советник по личному составу Шлунд положил все материалы на стол генералу Мюллеру-Хиллебранду и не удержался от замечания:

— Исключительно ценный человек, господин генерал. Желательно отправить ответ уже с сегодняшней почтой.

Даже не взглянув на фамилию на обложке личного дела, генерал подписал подготовленный приказ о зачислении в штат. А еще через десять минут секретарша министерского советника Шлунда отстукивала на машинке следующее письмо Роберту Шнайдеру:

«По Вашему заявлению от 13 сентября 1955 года я зачисляю Вас в бундесвер капитаном медицинской службы. Прошу Вас 2 мая 1956 года не позже 10 часов утра прибыть в министерство обороны в Бонн, на Аргеландерштрассе, 105, чтобы приступить к службе. С этой минуты Вы солдат...»

В среду, 2 мая 1956 года, капитан медицинской службы дважды доктор Роберт Шнайдер вошел в вестибюль министерства обороны. По коридорам бродили штатские и военные, разыскивая, кому бы представиться. Даже такому бывалому человеку, как Шнайдер, понадобилось больше пяти часов, прежде чем он попал наконец к надлежащему референту и узнал, чем ему предстоит заниматься. Положенную четырехмесячную стажировку он должен был пройти в той самой комиссии, которой был обязан единственным в его бурной жизни легальным документом — приказом о производстве в офицеры бундесвера. Призывной пункт так жаждал заполучить в свой штат психиатра из Гослара, что Шнайдера освободили от обязательства для других обучения на курсах в Андернахе.

Первые три дня дважды доктор Шнайдер числился практикантом при проверочных группах. Господа из этих групп, все намного выше его чином, с первого взгляда почувствовали, что молодой практикант, которого им так расхваливали, в чем-то превосходит их. Во время контрольных испытаний они то и дело поглядывали в угол, где молча сидел капитан медицинской службы Шнайдер. А через три дня он стал полноправным членом комиссии.

Итак, его причислили к «элите офицерского корпуса», в чем его многократно устно и письменно заверяли. Его задачей была проверка пригодности будущих офицеров служб специального назначения. С анкетами некоторых из этих будущих офицеров отборочную комиссию знакомили лишь частично. Все, впрочем, знали, что дело идет о комплектовании военной контрразведки. Шнайдер очень скоро понял, что для таких соискателей не годятся ни обычные методы опроса, ни даже особо целенаправленная беседа. Из своего собственного испытания и из последовавшего затем разговора с капитаном третьего ранга Проем он уже знал, в каком направлении действовать, чтобы сделать карьеру.

Целыми днями он работал в различных отборочных комиссиях и накапливал нужный материал, а по ночам трудился над составлением новых психологических тестов. Он придумал сто семьдесят вопросов, имевших целью выявить политические взгляды и характерологические особенности каждого нового кандидата в офицеры.

Если линия, проводимая американкой Стефани Кренн, до сих пор хоть в какой-то мере препятствовала немедленному проникновению фашистских офицеров в бундесвер, то выработанный Шнайдером вопросник вел к единой цели: обеспечить бундесверу офицеров, готовых, когда понадобится, с прежней отвагой продолжить «прерванную» в 1945 году «победоносную» войну с Советским Союзом и восточными соседями Германии.

Через три недели Шнайдер вручил начальнику призывного пункта полковнику Лассену готовый проект руководства по проведению психологических испытаний. Полковник, в прошлом хауптштурмфюрер СС гиммлеровского главного управления безопасности рейха, был в восторге от шнайдеровского труда. Точно такой же была и

реакция министра обороны, а уж две недели спустя военный комитет бундестага под председательством федерального канцлера Аденауэра утвердил составленное Шнайдером руководство в качестве официального пособия для испытаний офицеров.

Почетная задача Шнайдера заключалась в том, чтобы в кратчайший срок переобучить отборочные комиссии всех военных округов. Методика американки была признана непригодной для немецкого бундесвера, и мисс Кренн с согласия высшего командования американских оккупационных войск освободили от занимаемой должности.

С этого дня дважды доктор Роберт Шнайдер сделался гордостью бундесвера, его называли не иначе как «главным психологом», хотя официально он занимал должность всего лишь «консультанта по контрольным испытаниям центрального призывного пункта».

Недовольна карьерой Шнайдера была только Ингеборг, которую он устроил секретаршей в отдел личного состава министерства обороны, чтобы иметь здесь своего человека и застраховать себя таким образом на случай возможных проверок. Инга, однако, считала, что, занятый своими делами, он уделяет ей слишком мало внимания.

А Шнайдер между тем развивал бурную деятельность. За несколько недель он обучил своей методике семьсот членов отборочных комиссий. В дальнейшем на основании проведенных по этой методике испытаний в бундесвер были зачислены 80 000 солдат и офицеров.

Судимый за мошенничество бывший каторжник руководил формированием западногерманской армии. Встал вопрос о назначении его старшим врачом и присвоении ему звания майора. В связи с этим истребовали его личное дело, чтобы внести в представление необходимые данные.

Оформлявший документы мелкий чиновник перелистал дело и оторопел при виде указанного в анкете места рождения. Вена? Но тогда, значит, капитана Шнайдера следует считать австрийцем. Всего полгода назад бундестаг принял закон, согласно которому лица, получившие германское подданство в связи с аннексией Австрии в 1938 году, должны отныне рассматриваться только как австрийские подданные. Однако как австриец Шнайдер вообще не может быть офицером западногерманской армии.

Капитан Шнайдер был вызван в отдел III С. Министерский советник Шлунд растерянно сообщил ему о случившемся. Шнайдер лишь усмехнулся.

— Но я вовсе не подпадаю под этот закон, господин министерский советник. Я ведь стал немцем не в результате аншлюса. Задолго до вступления Гитлера в Австрию я принял немецкое гражданство с целью получить в Германии высшее образование. Заверенная копия документа о гражданстве должна быть в моем личном деле.

В деле действительно оказался датированный 12 апреля 1941 года и подписанный начальником окружного управления в Берлине документ, подтверждающий его немецкое гражданство.

Шлунд с облегчением вздохнул, но его подчиненный скромно заметил:

— Господин министерский советник, господину капитану Шнайдеру надо все-таки получить подтверждение в здешнем отделе регистрации граждан. Это удостоверение утратило законную силу. Могут выйти дипломатические осложнения.

Перед дипломатическими осложнениями испытывал священный трепет и министерский советник, а потому он попросил Шнайдера сходить в боннский отдел регистрации граждан, чтобы разделаться с этой маленькой формальностью.

Шнайдера внезапно охватил страх. Документ о гражданстве, как и все его бумаги, был фальшивым. Бог его знает, не обнаружит ли теперь какой-нибудь чиновник отдела регистрации эту подделку.

— Сейчас никак не могу, господин министерский советник. Я сегодня уезжаю в Киль инструктировать призывные комиссии. Не могли бы вы сами выполнить эту формальность? Может быть, достаточно будет просто телефонного звонка из министерства.

Разумеется, министерский советник Шлунд охотно согласился избавить весьма занятого главного психолога от хлопот и поручил все тому же чиновнику уладить вопрос в отделе регистрации. Но чиновник, будучи человеком чрезвычайно педантичным, не счел возможным решать такие дела по телефону и официальным порядком переслал имевшуюся в личном деле копию документа о гражданстве в отдел регистрации.

Инспектор Карл фон дер Эге не напрасно слыл знатоком своего дела. Паспорта, удостоверения личности, свидетельства о получении прав гражданства иностранцами были ему знакомы так же хорошо, как банковскому чиновнику государственные денежные знаки.

Покачивая головой, разглядывал он заверенную копию свидетельства о гражданстве капитана Шнайдера. Сколько существует Германия, не было в Берлине никакого начальника окружного управления. Да и, кроме того, совершенно исключалось, чтобы в 1941 году, через три года после присоединения Австрии к Третьему рейху и издания закона, объявившего всех австрийцев немцами, кому-нибудь понадобилось хлопотать о подобном свидетельстве.

Схватив бумаги, фон дер Эге поспешил к начальнику. Тот согласился, что документ подделан, но, зная, какое положение занимает в министерстве обороны Роберт Шнайдер, не стал во избежание скандала обращаться в полицию, а отправился непосредственно к министерскому советнику Шлунду.

Шлунд вначале обрадовался.

— Очень мило с вашей стороны, что вы лично занялись этой формальностью. Но, право же, дело этого не стоило...

Однако, узнав истинную причину визита, он похолодел.

— Боже милостивый! Скандал будет стоять мне места.

Следующей мыслью Шлунда было: как избежать огласки? Шнайдер находился в Киле. Если бы его арестовали там, вся история сделалась бы достоянием еще и других мелких чиновников. Закавав сверхсрочный телефонный разговор с кильским призывным пунктом, Шлунд передал, что капитан Шнайдер должен немедленно вернуться в Бонн для участия в созванной министром конференции.

Роберт Шнайдер, которого уже и раньше беспокоили смутные предчувствия, сразу заподозрил недоброе. Вместо того чтобы тут же вернуться в Бонн, он позвонил Инге на службу.

Несмотря на все старания сохранить тайну, слухи о случившемся уже просочились в секретариат. Со слезами в голосе Ингеборг прошептала в трубку:

— Они хотят арестовать тебя, Роберт.

— Чепуха, Инга. Завтра я вернусь и все объясню.

Полчаса спустя он выехал из Кили на новом «фольксвагене», взятом в автомагазине под предлогом пробного пробега. В магазине готового платья он переоделся в коричневый двубортный спортивный костюм, оставив в кабине для примерки свой любимый военный мундир. Однако впопыхах он забыл в кармане мундира бумажник, и теперь, когда он спешил к немецко-австрийской границе, у него не было при себе не пфеннига.

В полночь он позвонил у двери «Обители креста». Старая фрау Видман, которой он наплел, будто его обокрали в дороге, от души рада была помочь ему, но дома у нее оказалось только двенадцать марок, и Шнайдеру волей-неволей пришлось дожидаться утра, когда старушка могла снять деньги со своего банковского счета.

В то самое время, когда Шнайдер звонил у дверей приюта, в центральном штабе секретной службы бундесвера прозвучал сигнал тревоги. До этой минуты министерский советник Шлунд еще надеялся, что Шнайдер вернется.

Не прошло и часа, как секретная служба напала на след беглеца. Из магазина, в котором Шнайдер «позаимствовал» костюм, передали в полицию капитанский мундир, а владелец автомагазина заявил об угоне машины. Уже ранним утром полицейский патруль обнаружил возле «Обители креста» в Госларе объявленный к розыску «фольксваген». А чуть позднее уголовная полиция, невзирая на почтенную репутацию заведения, ворвалась в дом и арестовала бывшего главного психолога бундесвера.

Это случилось 1 декабря 1956 года. Но, хотя дело с самого начала было ясно и Шнайдер даже не запирался, суд состоялся лишь через два года. Опасаясь открытого скандала, власти всячески оттягивали процесс.

Роберт Шнайдер был приговорен к трем годам и десяти месяцам лишения свободы за то, что мошенническим путем стал главным психологом. А между тем именно с помощью выработанных этим мошенником тестов были отобраны лица, достойные стать воинами западногерманской армии. Сто тысяч человек сделали солдатами Федеративной Республики Германии, так как приемные комиссии были удовлетворены их ответом на вопрос Шнайдера, должно ли решить оружием спор с большевизмом.

Таким образом, Роберт Шнайдер в последнем слове с полным правом гордо заявил судебной коллегии по уголовным делам боннского ландгерихта:

— И все же я с удовлетворением оглядываюсь на свою ответственную деятельность в бундесвере. Я добросовестно и старательно выполнял свою работу и довел ее до благополучного завершения. Весь ход развития нашего бундесвера доказывает правильность предложенных мною принципов отбора офицеров и солдат.

Перевод с немецкого ТАТЬЯНЫ ГИНЗБУРГ.

Рис. И. УРМАНЧЕ.

ИМЕНИ САТИРЫ

ФЕЛЬЕТОН

Вы будете смеяться, но Волга впадает именно в Каспийское море. Несколько западнее Каспия, как вы помните, расположено Черное море, но Волга туда не впадает. Туда течет Днепр. Он, как говорится, здесь стоял раньше.

И с таким порядком вещей уже тысячелетия, а то и больше мирились наши предки. Миримся и мы.

А как бы выглядел человек, который вдруг надумал жаловаться, что ему, дескать, хотелось бы прикатить из города Камышин по Волге к теще в Херсон, а река туда течь не желает...

К счастью, чудаков, жалующихся на законы природы, нет.

Ну, а просто на законы? На инструкции и положения? К сожалению, такие, мягко говоря, чудаки еще не перевелись.

Скажем, имеется в городе Бердянске Курорт-промторг — весьма полезная организация на берегу Азовского моря, которая получила согласно заключенным договорам крупную партию обуви

от Харьковского производственного объединения обувных предприятий № 4. Для дальнейшей продажи оной коренному населению курортной зоны, а также приезжему люду.

Такова первоначальная расстановка сил. Но не спешите судить, на чьей стороне будет выступать автор. Читайте дальше.

Довольно быстро выяснилось, что и местное население, и приезжие с удивительным единодушием отказываются носить творения харьковских обувщиков. На руках, правда, носили. Но вы ведь знаете, что для обуви почета мало, если ее на руках относят по месту приобретения.

Пригласили экспертов. Не сразу, понятно, пригласили: лето, жара, купальный сезон в разгаре, вишни-черешни, а также упоительные азовские бычки...

Эксперты посмóтрели сто пар, двести, тысячу, две тысячи... и эксперты сказали: «Брак!» Да, 1763 пары женской летней обуви были признаны абсолютно никуда не годными, зато 858 пар сохранили право называться пусть ущербной, дефектной, но все же обувью: из первого сорта перевели во второй. В робкой надежде на то, что хоть 858 покупателей снизойдет — не все ли равно, в чем на пляж бегать.

Но никто не снизошел, и никто не приобрел. Между тем подоспела дивная азовская осень с ее алыми арбузами, ленивыми карпами и молодым терпким вином. До обуви ли тут было, тем более бракованной? Ссориться, доказывать, конфликтовать? А-а, успеем!

И только когда ударили морозы, спохватились бердянские работники торговли: оформили надлежащие бумаги, возвратили в Харьков нехорошую обувь и сели ожидать денежек у моря. У того самого, у Азовского.

Но золотая рыбка из Харькова так и не приплыла. Вместо нее пришло письмо. Такое письмо еще порою называют отношением. Так вот, из данного отношения было видно, что между директором Курортпромторга тов. Черкасовым и директором обувного объединения № 4 тов. Гаевским существуют непримиримые противоречия в отношениях.

Ибо тов. Черкасов говорил, что брак — он завсегда брак, независимо от поры года.

А тов. Гаевский отвечал, что срок для предъявления претензии пропущен и притязания торговцев беспочвенны. Мы, мол, пожалуйста, поставим вам другую партию совсем другого брака — вот тогда и приглашайте своих экспертов.

Только бердянцам жалко денег. Ведь это 19 394 рубля 84 копейки. Ну, ладно, 84 копейки еще можно списать на усушку-утруску. А куда, на какую статью переложить остальные 19 394 рубля?

В известном историческом эпизоде некий генерал обещал Наполеону назвать двенадцать причин проигранной битвы.

— Во-первых,— начал генерал,— у нас не было пороха...

— Хватит! — прервал генерала довольно-таки толковый корсиканец. Имея при этом в виду, что и одной веской причины вполне достаточно для объяснения конфузии.

Не хочу обвинять директора Курортпромторга в том, что он мало похож на Бонапарта, это было бы слишком. Но все же...

«Обувщики оставили рекламацию без удовлетворения и только по той причине, что Курортпромторг пропустил «срок исковой давности»,— пишет в редакцию тов. Черкасов, беря срок исковой давности в кавычки для пущего ехидства,— никаких других причин для отклонения рекламации это предприятие не выдвинуло...»

Наполеон, руководи он Курортторгом, сказал бы здесь: «Хватит!» Но тов. Черкасов все-таки хочет снять тут сметану:

«Вполне понятно, мы не могли смириться с формальной отпиской тов. Гаевского и настаивали возместить наш неоправданный убыток».

Дальше больше: «странно, что располагающее колоссальной техникой объединение...», «не имея права, а также совести продавать брак нашим трудящимся...», «прикрываясь всевозможными инструкциями, можно без зазрения совести...».

Оторопь брала, полагаю, и товарищей в других организациях, куда полетели копии этой безнадежной жалобы,— в министерствах, прокуратурах, органах народного контроля.

Тем более что поток такого рода жалоб и стенаний потихоньку усиливается. Казалось бы — с чего? Ведь уважительное отношение к законодательству, ко всему тому, что является неотъемлемым признаком высокой организованности и порядка,— эта тенденция нарастает и крепнет. Но в том-то и дело, что далеко не все хозяйственники сумели изжить эдакое пренебрежительное отношение к юридической норме. «Эка невидаль — инструкция! — размышляют такие руководители.— Поднажмем на свой главок (министерство, исполком, комитет — нужное подчеркнуть) и скрутим этот параграф в бараний рог».

А параграф нынче не ахти как скручивается. Вы спросите у директора донецкого универмага «Белый лебедь», мало ли он извел бумаги, борясь против того же срока предъявления претензий? Даже в газете однажды заступились за универмаг. Однако еще древние

говорили: закон строг, но он закон! Так и не удалось универмагу получить обратно денежку с радиозавода-поставщика за несколько сотен недоброкачественных телевизоров. Хотя, оформи директор документацию своевременно, вся денежка до копейки была бы давно у «Белого лебедя» под крылом. То бишь в кассе.

Как-нибудь позже я непременно заклею завязанных бракоделов, лентяев и прогульщиков. Даю слово! Тем более что я уверен: непосредственные виновники данной истории понесут суровое наказание и без специального фельетона. Сегодня же я хочу сказать о другом. О том, что законы пужно знать. Особенно тем, кто этими законами оперирует.

Я, например, не испытываю никакого сочувствия к администратору, уволившему с нарушением закона даже ответного прогульщика. Суд все равно восстановит законность. И потом, нечего приbedняться: наши законы дают достаточно возможностей для того, чтобы избавиться от нарушителя трудовой дисциплины. И притом — без малейших конфликтов с Кодексом законов о труде.

Поверьте автору, законы соблюдать не только надлежит, но и стоит. Это не просто безопасно — это выгодно, надежно и удобно. И если кто-нибудь упрекнет меня в провозглашении банальностей, я замечу: да, Волга, бесспорно, впадает в Каспийское море. Но тот, кто попытается игнорировать это банальное обстоятельство, рискует заплыть совсем не туда.

Побасенка

„ДРУГ“ ЗЕЛЕНОГО ДРУГА

В лесу улыбчивый Сережа
Ножа не выпустит из рук,
Он вырезает на берегах:
«Привет тебе, зеленый друг!»

г. ЯРОСЛАВЛЬ В. КУЛЕШОВ

ИМ. ЛЕВИН

Среди бездельников Костя Щуров слыл лентяем. Так было еще в наши институтские годы, так было и позднее, когда Константин Федорович вступил в жизнь. Впрочем, «вступил» — не то слово, так как ни на одной пыльной тропинке жизни Щуров не оставил своего следа.

Знаете, есть такая болезнь века — аллергия, которая может возникнуть от любого запаха: сена, собачьей шерсти, даже книжной пыли.

Так вот, у Кости начиналась жесточайшая аллергия от «запаха» работы. Разламывалась голова, все валилось из рук, и

его неудержимо клонило в сон. Сил едва хватало на то, чтобы дважды в месяц получать зарплату.

Позвольте, скажет читатель, как же так — зарплата, когда человек ничего не делал. Если бы еще хоть как-то, что-то для видимости...

Дело в том, что феномен Кости Щурова состоял в непостижимом обаянии. Оно было такой мощности, что устоять никто не мог.

Придя на очередную работу и обаяв всех, начиная с тети Ньюши и кончая руководством, Костя Щуров долго и упорно входил в курс дела.

— Я медленно запрягаюсь, но зато быстро езжу,— любил повторять Константин Федорович.

И действительно, запрягали Щурова многие, но не ездил на нем никто. Костя не годился ни под седло, ни в упряжку.

С годами, однако, феномен Щурова стал тускнеть и сглаживаться. Его обаяние шло на убыль. И если раньше его готовы были запрягать месяцами, а то и год-другой, то теперь сбрую служебных обязанностей с него снимали уже через пару недель. Дошло до того, что при одном взгляде на его трудовую книжку у выдавших виды кадровиков сводило скулы и они молча, но красноречиво указывали на дверь.

Именно в этот период я и встретил после долгого перерыва своего собрата по далекой студенческой юности. Костя был небрит, угрюм и помят.

Излив у меня на груди свои невзгоды, он занял на прощанье пятерку и поклялся, что отдаст, как только устроится на работу.

Я мысленно попрощался с пятеркой навеки. Но, представьте, глубоко заблуждался.

Примерно через полгода я вновь встретил Костю. Не желая его смущать, я попытался пройти незаметно мимо. Но он

сам с радостным возгласом бросился мне на шею.

— Дружнице, — воскликнул он, — ты не забыл, что я должен тебе пятерку?

— Да ладно, — отвечаю, — давно забыл. И не в деньгах счастье. Считай, что я ее тебе подарил.

Костя заразительно засмеялся.

— Чудак! Сейчас самое время отдавать долги. Только, извини, наличными не располагаю. Так что прими ужином в лучшем ресторане. Не возражаешь?

Я не возражал, хотя, по совести, не сразу сообразил, каким это образом он собирается меня угощать по высшему классу, не имея даже пятирублевой бумажки в кармане? Счет у него, что ли, там открыт? Или родственник директор? Но додумать эту загадку у меня не было никакой возможности. Костя уже тянул меня к гостинице «Россия».

Да, я чуть не упустил деталь: приятель был гладко выбрит, элегантно одет и в руках держал пышный букет цветов.

На все мои расспросы о его новой работе Костя лишь загадочно, по-джокондовски улыбался, излучая почти прежнее свое очарование.

Войдя в главный вестибюль, мы увидели слева большую группу нарядно одетых людей. Человек сто. С цветами и по-

дарочными коробками и свертками гости торжественно проходили в банкетный зал.

Словом, как вы уже догадались, это была свадьба, и описывать ее я не стану. Невеста, как и положено, была ослепительно молода, жених с усиками, а стол роскошно сервирован. По десятке на едока — никак не меньше.

Костя чувствовал себя здесь, как карась в сметане: он блаженствовал. Здоровался направо и налево, интересовался успехами в труде и личной жизни. Мужчинам выражал восхищение по поводу цветущего здоровья, воздавал хвалу красоте и туалетах дам.

Было много тостов. Но, бесспорно, наилучший произнес Костя. В нем был остроумнейший синтез восточной витиеватости со штампами канцелярских оборотов. Отработана была каждая фраза, каждый жест. Тост прерывался дружным смехом. Словом, Костя обаял весь стол и даже официантов. Честное слово, я лично видел, как улыбалась официанты. Непостижимо!

Когда же началась неуправляемая часть застолья и квартал длинноволосых, слегка подержанных молодых людей устроил самосуд над барабанными перепонками, Костя, слегка покачиваясь, подошел к молодым. Облобызал их, наговорил короб всяческих доб-

рых пожеланий родителям и заставил меня сделать то же самое...

По дороге домой я на всякий случай спросил Костю, на чьей же свадьбе мы гуляли?

— Если бы я знал,— пожал плечами приятель.— Каждый вечер разные. И в разных местах. Главное, определить на глазок: где больше семидесяти — идти спокойно: там все равно почти никто друг друга не знает. Пей, пей, веселись...

— Значит, ты этим и живешь — чужими свадьбами?

— Не только ими,— обволакивая прохожих улыбкой, отвечивал Костя.— Я не йог какой-нибудь, чтобы питаться раз в сутки. Потом — курево. И одеться. То да се...

— Значит, все-таки работаешь. Взлся за ум!

Костя рассмеялся так заразительно, что в радиусе двадцати метров заулыбалась вся улица.

— Как ты сказал — за ум? Чуть-чуть ошибся, не за ум, за умы! Живу афоризмами.

— Ты их сочинишь?

Костя в упор посмотрел на меня и грустно покачал головой, как врач у постели безнадежно больного. Потом произнес:

— Ты знаешь, сколько в стране газет? Тысячи! И почти каждая если не раз в неделю, то уж раз в месяц дает уголок сатиры и юмора. Так вот, в

этом веселом многоугольнике я просто переставляю афоризмы: из Украины на Дальний Восток, из Карелии в Туркмению, из Махачкалы в Магадан... Афоризм здесь, афоризм там... Перевод оттуда, перевод отсюда... Хватает.

— Позволь, но это же чистейший плагиат. В уголовном кодексе...

Костя не на шутку обиделся.

— ...Статья 141,— на лету подхватил он.— Но там сказано о незаконном заимствовании произведения! — Костя сделал на последнем слове ударение.— А мысль, мыслишка — какое же это произведение? Она могла прийти в го-

лову сразу нескольким. Попробуй докажи!

Пришлось согласиться. В его рассуждениях была железная логика дармоеда.

В метро я остановился у разменного автомата.

— Мне не надо,— сказал Костя,— у меня постоянный.

И, проходя мимо контролера, он небрежно козырнул бордовой книжечкой. Я узнал ее. Это был наш студенческий билет двадцатилетней давности.

Впрочем, это меня уже не удивило. Такие, как Костя, не привыкли опускать в общую копилку свои пяточки. Зачем? Когда можно пройти и так.

Ш У Т К И В С Т О Р О Н У !

Чего греха таить — иди с повинной.

Продавец не скрывал своих недостатков — он скрывал свою недостачу.

Если на воре шапка горит, надо звонить не 01, а 02.

Условия работы на складе были невыносимыми — в проходной стояла надежная охрана.

Задержав грабителей, ночной сторож стал героем дня.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Эта история напоминает сказку о воре, которого выдал за-

звеневший в мешке будильник. Недавно один вор в Париже удачно забрался в антикварный магазин и вынес оттуда тринадцать старинных часов. Он благополучно вернулся с добычей домой и, довольный собою, заснул крепким сном праведника. Но ровно в полночь все тринадцать часов начали громко звенеть. Проснувшиеся соседи позвонили в полицию...

КРАЖА... НА ЭКЗАМЕНЕ

Четверо полицейских в американском штате Виргиния перед самым экзаменом были исключены с курсов повышения квалификации и на десять дней отстранены от службы за то, что выкрали вопросы, подготовленные преподавателем для выпускного экзамена. При этом, разумеется, полицейские-воры смогли обстоятельно познакомиться и с ответами на них.

ЗОРКИЙ ГРЕШНИК

Один проворовавшийся бухгалтер в Глазго угодил в тюрьму. За хорошее поведение его допустили там работать в канцелярии. Уже на второй день он наметанным оком заметил, что тюремный бухгалтер в течение нескольких лет делал в книгах фальшивые записи...

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

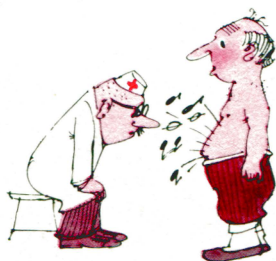
— С-сынок, ты м-меня ув-в-ва-
жаешь?

Рис. И. ЗОТОВА.

Ю М О Р

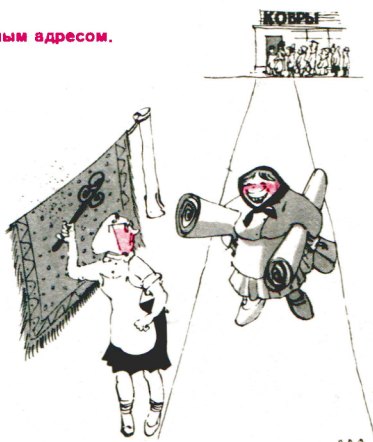

— Я, кажется, послал анонимку с обратным адресом.

— Пронес я микротранзистор через
проходную...

Рис. В. ВОЕВОДИНА.

Спенулянтна:

— Я с наждого ковра не пыль,
а рубрики вынолачиваю.

**БУДЬТЕ
ОСТОРОЖНЫ
НА СКОЛЬЗКОЙ
ДОРОГЕ!**